

VI $\frac{6}{8}$

Годъ 8-й.

Кн. XXVIII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1896, № 1.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Высочайше утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.

1896.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЖИЛИЩА У КОЧЕВЫХЪ И ПОЛУКОЧЕВЫХЪ ТЮРКСКИХЪ И МОНГОЛЬСКИХЪ НАРОДНОСТЕЙ РОССИИ.

I.

Типы переносныхъ жилищи.

Коническій шалашъ и рѣшетчатая юрта.

а) Конические шалашы: въ качествѣ постоянного и временнаго жилища: у карагасовъ, алтайскихъ тюрокъ, абаканскихъ, барабинскихъ, кузнецкихъ, чулымскихъ и абинскихъ татаръ, качинцевъ, бурятъ, башкиръ, якутовъ, долганъ, монгольскихъ народностей Монголіи, астраханскихъ калмыковъ и киргизовъ. Развитие конического шалаша въ связи съ вліяніемъ мѣстности и занятій. Зачатки двора: изгороди для скота. Группировка жилыхъ строеній въ селенія.—б) Рѣшетчатая юрта: Развитие рѣшетчатой юрты изъ коническаго шалаша. Калмыцкій и киргизскій типы рѣшетчатыхъ юртъ. Виѣшнее и внутреннее устройство рѣшетчатыхъ юртъ у киргизовъ, астраханскихъ калмыковъ и азіатскихъ монголовъ. Рѣшетчатая юрта: у туркменъ, сартовъ въ Хами, башкиръ, алтайскихъ тюрокъ, качинскихъ татаръ, каракалпаковъ, бурятъ, кундровскихъ татаръ и караногайцевъ. Передвижныя юрты на колесахъ: свадебная арба и отовъ караногайцевъ. Юрты на колесахъ у татаръ въ XIII в., употребленіе ихъ среди волжскихъ, бессарабскихъ и переконскихъ татаръ въ XV в. Мѣсто, занимаемое этимъ типомъ юртъ среди остальныхъ типовъ кочеваго жилища. Развитие рѣшетчатыхъ юртъ. Группировка рѣшетчатыхъ юртъ въ селенія. Развитие двора (помѣщенія для склада имущества и для охраненія скота отъ зимнихъ выюговъ).

Культурный ростъ каждаго даннаго племени выражается во внѣ между прочимъ и въ усовершенствованіи и развитіи жилища; вслѣдствіе этого исторія развитія послѣдняго можетъ представлять интересъ для этнографіи съ точки зрѣнія изученія культурной исторіи извѣстнаго племени. Съ другой стороны, для этнографіи, занимающейся вообще законами развитія человѣчества, поскольку

это касается матеріальнаго и духовнаго быта, необходимо систематизировать имѣющійся въ ея распоряженіи матеріалъ: систематизацію матеріала удобнѣ всего дѣлать по племеннымъ группамъ, такъ какъ, изучивши законы развитія въ известной сферѣ въ предѣлахъ разныхъ племенъ въ отдѣльности, легче ориентироваться въ матеріалѣ и, — отыскавши сходность законовъ развитія среди ряда племенъ — восходить къ установленію болѣе общихъ законовъ.

Исторія развитія жилища была предметомъ изученія по отношенію къ германцамъ, финнамъ, отчасти славянамъ. Предполагая представить отдѣльно исторію развитія жилища у русскихъ крестьянъ, мы въ настоящей работѣ обратимъ исключительное вниманіе на исторію жилища у народностей тюркскихъ и монгольскихъ, причемъ только тѣхъ изъ нихъ, которыя или еще продолжаютъ вести кочевой образъ жизни или находятся въ періодѣ перехода къ осѣдлому быту. При изложеніи мы будемъ имѣть въ виду преимущественно тюрковъ и монголовъ въ Россіи: число представителей тюркскихъ и монгольскихъ народностей въ предѣлахъ нашей родины весьма значительно: общее число ихъ на много превышаетъ 6 милліоновъ: большая масса ихъ еще не вполне сдѣлалась осѣдлой. Раскинувшись на огромномъ пространствѣ, различныя тюркскія и монгольскія народности очутились въ разныхъ климатическихъ и географическихъ условіяхъ: мы встрѣчаемъ между ними и горныхъ, и степныхъ, и лѣсныхъ кочевниковъ. Эти условія не могли не вліять на ходъ развитія жилища, и матеріалъ, имѣющійся по этому вопросу, даетъ вполне возможность установить главныя, по крайней мѣрѣ, стадіи развитія ихъ жилища.

При переходѣ къ осѣдлости эти народности въ большинствѣ случаевъ подчинялись вліянію своихъ болѣе культурныхъ сосѣдей; вслѣдствіе этого исторія жилищъ осѣдлыхъ тюрковъ или монголовъ не можетъ считаться вполне самостоятельной: она является скорѣе одной изъ главъ исторіи жилища тѣхъ народностей, вліянію которыхъ подчинялись тюрки или монголы по переходѣ къ полной осѣдлости.

Если мы соединяемъ воедино исторію жилища у тюрковъ и монголовъ, то дѣлаемъ это по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) народности обѣихъ племенныхъ группъ представляютъ много чертъ сходства какъ по образу жизни, такъ и по тѣмъ физическимъ условіямъ, среди которыхъ имъ приходится жить. Наконецъ куль-

турный уровень, достигнутый ими въ разныхъ мѣстностяхъ, оказывается болѣе или менѣе одинаковымъ. Вслѣдствіе этого мы вправѣ ожидать, что и исторія развитія жилища у нихъ представляетъ много сходства. 2) Во многихъ мѣстностяхъ народности тюркской и монгольской группъ живутъ въ Россіи издавна рядомъ, слѣдовательно вѣками могли оказывать вліяніе другъ на друга, и отличить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ это вліяніе не всегда представляется возможнымъ, по крайней мѣрѣ при современномъ состояніи русской этнографіи.

Бытъ кочевника представляется намъ обыкновенно устойчивымъ и неподвижнымъ; причиной этой кажущейся неподвижности является главнымъ образомъ то, что перемѣны въ культурномъ уровнѣ кочевника происходятъ дѣйствительно медленно. Но если взглянуть ближе и сравнить современный духовный и общественный бытъ многихъ кочевыхъ народностей Россіи съ той картиной, которую намъ начерчиваютъ болѣе старые авторы, нетрудно замѣтить, что кочевникъ не только не замеръ въ извѣстныхъ формахъ, но что онъ продолжаетъ подвигаться впередъ по пути культуры, хотя само движеніе и происходитъ медленно. Совершается перемѣна въ религиозныхъ взглядахъ: шаманизмъ во многихъ мѣстахъ замѣненъ магометанствомъ или буддизмомъ; древніе рода распались и образовали особыя группы, входящія въ составъ уже различныхъ народностей; произошли перемѣны и въ одеждѣ и пищѣ и въ домашней обстановкѣ. Дѣйствительно, въ сферѣ матеріальной культуры эти перемѣны менѣе замѣтны: кибитки, въ которыхъ кочуютъ и въ настоящее время многія тюркскія и монгольскія народности, оказываются въ общихъ чертахъ почти совершенно такими-же, какими были по описанію лицъ, имѣвшихъ случай познакомиться съ этими народами за нѣсколько вѣковъ до нашего времени. Но чтобы достигнуть этой формы жилища, монголу или тюрку пришлось пройти длинный путь, и кибитка, которую въ сравненіи съ развитыми жилищами осѣдлыхъ народовъ можно назвать «первобытной», оказывается продуктомъ многовѣкового развитія племени, до котораго однако поднялись далеко еще не всѣ представители его.

Если окинуть бѣглымъ взглядомъ виды жилищъ, которые мы встрѣчаемъ въ настоящее время у кочевыхъ и полукочевыхъ тюр-

ковъ и монголовъ, мы замѣтимъ значительное разнообразіе типовъ; опредѣлить, какой изъ нихъ долженъ былъ предшествовать другому, въ случаяхъ, когда мы не встрѣчаемъ точки опоры въ исторіи, можно только путемъ слѣдующихъ соображеній: изъ двухъ формъ одного и того-же типа жилища болѣе древнимъ должно считаться болѣе простое, устройство котораго менѣе сложно; но это соображеніе должно быть провѣрено изученіемъ переживаній въ способахъ постройки. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ болѣе древнее, болѣе первобытное жилище не покидается народомъ окончательно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ переходитъ жить въ болѣе прочно и удобно устроенное жилье; старая форма продолжаетъ сохраняться или въ качествѣ временнаго жилища, напр. лѣтняго, или въ качествѣ хозяйственной постройки. Только найдя у народовъ, перешедшихъ къ высшимъ формамъ жилища, старыя формы въ качествѣ переживанія, мы можемъ съ увѣренностью говорить, что первобытная форма, которую мы застаемъ еще господствующей у нѣкоторыхъ болѣе низко стоящихъ народностей, была въ употребленіи и у тѣхъ, которыя въ настоящее время перешли къ высшимъ формамъ. То-же слѣдуетъ имѣть въ виду и при опредѣленіи преемственности различныхъ типовъ. Кромѣ того, переходъ отъ одного типа жилища къ другому совершается обыкновенно лишь постепенно: болѣе древній типъ постройки подвергается измѣненіямъ и улучшеніямъ, къ нему дѣлаются пристройки и т. д., такъ что, восходя отъ болѣе простыхъ къ болѣе сложнымъ типамъ, мы можемъ прослѣдить между крайними пунктами развитія жилья, — наиболѣе простымъ и наиболѣе сложнымъ, — цѣлый рядъ промежуточныхъ звеньевъ.

Если разсмотрѣть съ этихъ точекъ зрѣнія различные типы жилищъ у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей, живущихъ въ Россіи, то придется признать, что эмбриономъ развитія является шалашъ: кочевой бытъ, какъ и бытъ охотничій требуетъ частыхъ перемѣнъ мѣстъ остановокъ и уже поэтому является возможнымъ признать а priori, что первобытная форма жилища должна была быть или легко переносимой или по крайней мѣрѣ легко устраиваемой на новомъ мѣстѣ остановки. Шалашъ въ томъ или другомъ видѣ является формой широко-распространенной у кочевыхъ тюрковъ и монголовъ.

Изъ этого типа жилища наиболѣе первобытную форму мы на-

ходимъ среди карагассовъ¹⁾, а также среди алтайскихъ тюрокъ. У карагассовъ единственнымъ жилищемъ, какъ лѣтомъ такъ и зимой, служитъ конусообразный шалашъ, составленный изъ листовичныхъ или еловыхъ жердей, покрываемыхъ лѣтомъ березовою корою, зимою — оленьими или лосиными выдѣланными кожами. Юрта имѣетъ 3—4 сажени въ поперечникѣ основанія. Внутреннее устройство ея до крайности просто: въ серединѣ горитъ огонь, раскладываемый безъ особаго очага; на немъ готовится пища и варится чай. На стѣнѣ противоположной входу виситъ образъ (по большей части св. Николая); подъ нимъ размѣщено въ сумахъ имущество. «Правая отъ образа стѣна составляетъ почетное мѣсто: тамъ укладываются на оленьихъ шкурахъ и угощаются гости. На лѣвой отъ образа сторонѣ помѣщается хозяинъ юрты съ хозяйкой. На правой отъ входа стѣнѣ хранится домашняя утварь, на лѣвой... винтовки, сѣти, сѣдла и т. д. Скотъ, состоящій изъ оленей, не помѣщается въ особыхъ юртахъ: онъ пасется круглый годъ подъ открытымъ небомъ». Такъ какъ жерди, служащія для составленія остова конусообразной юрты, тяжелы, то карагассы при перекочевкахъ обыкновенно не берутъ ихъ съ собой; они переносятъ лишь покрышки юртъ. Жерди-же, т. е. остовъ юрты остается на мѣстѣ; въ началѣ 2-й половины текущаго столѣтія этихъ перекочевокъ было уже только три: зимнія—для звѣринаго промысла, лѣтнія—для пастбища оленей, и осеннія—для производства рыбной ловли²⁾.

Такимъ образомъ, эти юрты не переносятся, такъ какъ мѣста остановокъ теперь постоянныя; но еще въ прошломъ столѣтіи образъ жизни карагассовъ былъ бродячій, и юрты должны были переноситься при частыхъ перемѣнахъ мѣстъ жительства. По словамъ Палласа, карагассы «питаются одною ловлею и у себя другого скота не держатъ, кромѣ нѣсколькихъ оленей, на которыхъ имѣніе свое съ мѣста на мѣсто перевозятъ... Юртишки свои покрываютъ звѣринными шкурами, коими одѣваются и сами. На одномъ

¹⁾ Хотя карагассы повидимому представляютъ племя смѣшанное, но тюркскій элементъ въ нихъ настолько значителенъ, что въ настоящее время ихъ смѣло можно причислить къ тюркамъ. Въ виду того, что съ языкомъ воспринимается обыкновенно и культура, мы не видимъ основанія выдѣлять ихъ, при изложеніи исторіи жилищъ, отъ прочихъ тюркскихъ народностей.

²⁾ Этнограф. Сбор. II. Р. Г. О. IV. Карагассы, стр. 5.

мѣстѣ рѣдко они простаиваютъ два или три дня. Лѣтомъ таскаются съ мѣста на мѣсто вдоль по рѣкамъ для сараны, которая составляетъ главнѣйшее ихъ пропитаніе. 1) Такимъ образомъ, за сравнительно краткій промежутокъ времени можно наблюдать культурный прогрессъ среди карагасовъ. Изъ бродячаго народа они становятся кочевыми, совершаютъ правильныя передвиженія въ различныя времена года; ихъ жилища сохраняютъ тотъ-же первобытный типъ, но до извѣстной степени становятся постоянными: карагасъ заботится только еще о доставленіи защиты отъ холода и непогоды исключительно себѣ и своей семьѣ; о защитѣ скота онъ еще не думаетъ: его олени и зиму проводятъ на открытомъ воздухѣ; 2) понятія о дворѣ еще не существуетъ даже въ зародышѣ. Очагъ находится также въ первобытномъ состояніи: онъ ничѣмъ не огороженъ; помѣщеніе его въ срединѣ юрты объясняется круглой формой ея и нахожденіемъ дымового отверстія естественно посрединѣ, на мѣстѣ скрѣпленія жердей.

Юрты алтайскихъ тюрковъ весьма близко подходятъ къ только что описанному. Многіе изъ числа кочевыхъ алтайцевъ, въ особенности бѣдные, не имѣютъ другого жилища. Юрта такъ же, какъ и у карагасовъ, состоитъ изъ жердей, поставленныхъ въ кругъ; число жердей колеблется между 10 и 14; длина ихъ отъ 7 до 9 аршинъ. Юрты покрываются однако не звѣриными шкурами, а войлокомъ, что знаменуетъ уже извѣстный прогрессъ сравнительно съ юртой карагасовъ: знакомство съ овцеводствомъ, почти неизвѣстнаго послѣднимъ, позволяетъ алтайцамъ выдѣлывать кошмы. Такъ какъ культура алтайцевъ не чужда вліянію болѣе развитыхъ сосѣдей-кочевниковъ, что между прочимъ выражается въ фактѣ употребленія алтайцами и рѣшетчатой юрты, то есть основаніе предполагать, что и съ искусствомъ изготовленія кошемъ, равно и употребленіемъ послѣднихъ въ качествѣ покрытія ими своихъ шалашей, они познакомились черезъ посредство своихъ сосѣдей. Однако обычай покрывать лѣтнія конусообразныя жилища берестой еще господствуетъ. 3) Устроенная, какъ и только что описанная, лѣтняя юрта отличается нѣсколько большими размѣрами. Жерди прикрываются берестой и толстой корой лиственницы или сосны. Дымовое отвер-

1) Палласъ. Путешествіе. III, пол. 1-я, стр. 424, 435.

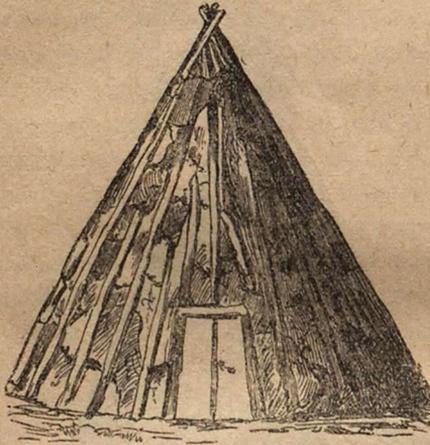
2) Этногр. Сб. И. Р. Г. О. IV, стр. 5.

стіе часто прикрывается войлокомъ. Рисунки обоихъ видовъ юртъ, покрытой войлокомъ (*соолты*) и покрытой берестой и корой (*алатчикъ*), изображены В. Радловымъ (*Aus Sibirien. I*, табл. 5 и 6; см. рис. 1 и 2). По словамъ В. Радлова, хорошо устроенная берестяная юрта практичнѣе покрытой войлокомъ; послѣдній, если судить по описаніямъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, обыкновенно бываетъ худъ и оказываетъ плохую защиту отъ непогоды. Такъ какъ жерди, употребляемыя алтайцами для постройки указанныхъ видовъ юртъ, отличаются сравнительно большими размѣрами, то они при перемѣнахъ мѣсть кочевковъ обыкновенно не переносятся (въ особенности берестяныя), какъ и карагасскія, а такъ какъ берестяныя юрты обыкновенно большіхъ размѣровъ, чѣмъ аналогичныя, прикрытыя войлоками, то устройство ихъ естественно возможно исключительно въ лѣсистыхъ пространствахъ. Вслѣдствіе богатства Алтая лѣсомъ эти виды жилищъ все-таки остаются наиболѣе дешевыми, благодаря чему они и сохраняются преимущественно среди бѣднаго населенія, въ то время какъ болѣе состоятельные перешли уже къ другимъ, усовершенствованнымъ видамъ жилья. Въ изображенной на рис. 2 берестяной юртѣ устроена уже дверь въ рамѣ; это естественно позднѣйшее усовершенствованіе первобытнаго типа жилья, усовершенствованіе, котораго, какъ мы это увидимъ ниже, лишены иногда и болѣе сложные типы жилищъ кочевниковъ; подобныя-же дверныя рамы встрѣчаются иногда и на юртахъ войлочныхъ, но обыкновенно входъ въ нихъ устраивается слѣдующимъ образомъ: на мѣстѣ, гдѣ предполагають устроить

1. Коническая войлочная юрта алтайскихъ тюрковъ.

отверстіе для двери, жерди разставляются шире; на высотѣ $1\frac{1}{2}$ арш. отъ земли прикрѣпляютъ поперечную жердь; отверстіе прикрывается привѣшеннымъ кускомъ кошмы или звѣриной шкурой. Для поддержанія поставленныхъ конусомъ жердей шалаша часто у-

2. Коническая берестяная юрта алтайскихъ тюрковъ.

траиваютъ два поперечныхъ кольца, свитыхъ изъ прутьевъ, которыя и поддерживаютъ жерди, придавая имъ больше устойчивости ¹⁾).

Внутреннее расположеніе юрты лучше всего, насколько намъ извѣстно, описано В. Радловымъ, у котораго приведенъ и планъ внутренняго устройства юрты ²⁾. Устройство всѣхъ юртъ, какъ первобытныхъ шалашей, такъ и болѣе сложныхъ типовъ, извѣстныхъ среди алтайцевъ, одинаково; различіе заключается лишь въ убран-

ствѣ, количествѣ мѣшковъ въ которыхъ хранится имущество семьи, ковровъ и въ размѣрахъ самой юрты. Какъ будетъ видно изъ нижеслѣдующаго описанія внутреннее устройство жилищъ алтайскихъ тюрковъ въ существенномъ ничѣмъ не отличается отъ устройства аналогичныхъ жилищъ у карагассовъ.

Въ срединѣ юрты находится очагъ, въ которомъ поддерживается непрерывно огонь. Надъ очагомъ ставятъ большой треножникъ, а на послѣднемъ утверждается котель. Лѣвая половина шалаша, считая отъ дверей, образуетъ мужскую половину, правая — женскую. Часть шалаша въ мужской половинѣ, ближе къ дверямъ, назначается для менѣ почетныхъ гостей; другая часть,

¹⁾ Radloff: Aus Sibirien I. стр. 267, 270; Вербицкій: Алтайскіе инородцы, стр. 12; Ядринцевъ: Отчетъ о поѣздкѣ въ горный Алтай; въ Зап. Зап.-Сибирск. Отд. И. Р. Г. О. IV. стр. 26—27, Ядринцевъ: Алтай и его инородческое царство въ Истор. Вѣст. XX. стр. 634.

²⁾ Radloff. о. с. стр. 270 и слѣд.; табл. 6. Ср. Вербицкій: Алтайскіе инородцы, стр. 12.

ближе къ стѣнѣ, противоположной двери, называется *mör* (*tör*)¹⁾ и по значенію своему равняется красному углу русской избы. Здѣсь помѣщаются хозяева и почетные гости. За тѣромъ вправо часто помѣщается хозяйская постель (*орунъ*),²⁾ передъ которой устраиваютъ обыкновенно занавѣску,двигающуюся по шнурку. Недалеко отъ постели влѣво, почти противъ входныхъ дверей, устраивается божница; она украшена коврами, ими-же прикрытъ полъ въ этомъ мѣстѣ; съ жердей свѣшиваются изображенія идоловъ: священное мѣсто юрты находится слѣдовательно въ той-же части, какъ и у карагассовъ; съ тѣмъ лишь различіемъ, что мѣсто идоловъ у алтайцевъ-шаманистовъ, заняла у карагассовъ-православныхъ христіанская икона. Священные предметы и изображенія помѣщаются алтайцами иногда кромѣ этого еще снаружи, передъ юртой: между двумя жердями протягивается шнурокъ, на которомъ висятъ пестрыя тряпки, пользующіяся религіознымъ почитаніемъ. Стѣны юрты увѣшаны мѣшками, въ которыхъ хранится имущество семьи, хозяйственныя принадлежности, орудія и пр. Слева отъ дверей помѣщается часто и молодой скотъ. Внутренность юрты представляетъ закопченныя стѣны: почти непрерывно поддерживаемый въ очагѣ огонь наполняетъ юрту ѣдкимъ дымомъ, къ которому примѣшивается кисловатый запахъ.

Зимой юрты (войлочные) покрываются двойнымъ покровомъ кошмы; иногда ихъ до известной высоты прикрываютъ и снѣгомъ, но въ общемъ войлочная юрта въ меньшей степени спасаетъ отъ стужи, чѣмъ берестяная, которую на зиму забрасываютъ до половины высоты землей и снѣгомъ.

Первобытный шалашъ, который мы встрѣтили у кочевыхъ алтайцевъ, встрѣчался или отчасти встрѣчается еще или въ качествѣ временнаго жилища или хозяйственной постройки у цѣлага ряда тюркскихъ и монгольскихъ народностей, что даетъ право заключить, что аналогичный видъ постройки былъ нѣкогда, до перехода къ болѣе высокимъ въ культурномъ отношеніи формамъ жилищъ, широко распространенъ среди большинства представителей указанныхъ народностей.

1) Буквальное значеніе этого слова—*на верху* (*V à m b é r u*, *Die primitive Cultur d. Turko-Tatarischen Volkes*, стр. 75).

2) Первоначально въ значеніи *возвышеннаго мѣста* вообще (*V à m b é r u*, *Die pr. Cultur etc.*, стр. 79).

Такъ у тѣхъ изъ алтайскихъ тюрковъ, которые уже перешли къ жизни въ деревняхъ и строятъ себѣ избы по русскому образцу, коническія юрты еще не вполне исчезли. Въ этомъ отношеніи представляетъ характерный примѣръ дер. Кюзэнъ, населенная черневыми татарами, которую посѣтилъ В. Радловъ: «деревня состоитъ изъ 20 домовъ, пишетъ онъ ¹⁾, изъ которыхъ большинство построено изъ балоковъ совершенно по русскому образцу; другіе жители живутъ еще въ остроконечныхъ берестяныхъ юртахъ». У полукочевыхъ алтайцевъ шалашъ сохраняется въ качествѣ лѣтняго жилья; этотъ типъ лѣтняго жилища былъ отмѣченъ еще въ XVIII в. между прочимъ у телеутовъ: лѣтнія юрты ихъ состояли изъ жердей, были подобны видою «кегелю» и покрыты рогожами изъ лыкъ гороховаго дерева (*Robinia Sarganata* L.) или изъ камышу ²⁾. Такія-же юрты извѣстны и у абаканскихъ татаръ, причемъ онѣ были покрываемы берестой, и служили нѣкоторымъ по крайней мѣрѣ и лѣтнимъ и зимнимъ жилищемъ.

Сибирскіе татары — барабинскіе, кузнецкіе, верхотомскіе или абинскіе, большинство которыхъ еще въ XVIII в. вело полукочевой образъ жизни, знали форму шалаша въ качествѣ жилья, постояннаго или лѣтняго. «Лѣтнія хижины (*уи*) барабинскихъ татаръ состояли, по свѣдѣніямъ отъ XVIII в., изъ воткнутыхъ въ землю и къ верху сведенныхъ на подобіе борти шестиковъ (*тыкма*). Такая юрта, которой подпоры при перекочевкѣ на другое мѣсто не вынимаются, бываетъ въ поперечникѣ сажень въ пять, и покрывается сдѣланными изъ тростнику, который укладывается прямо, рогожами (тотанъ)». ³⁾ Гмелинъ ⁴⁾ въ слѣдующихъ чертахъ описываетъ лѣтнюю юрту кузнецкихъ татаръ: онѣ круглы, къ верху заострены; внизу въ поперечникѣ онѣ имѣютъ около 3 сажень: входъ обращенъ къ востоку; это входное отверстіе прикрывается дверью; на верху продѣлано отверстіе для дыма. Внутри устроены вокругъ стѣнъ широкія скамьи; въ срединѣ въ небольшомъ углубленіи въ землѣ устроенъ очагъ. Юрты выстроены изъ тонкихъ жердей, сведенныхъ концами вверху, и покрыты камышемъ; для противодѣйствія дождю между жердями и камышемъ настиляется

1) Radloff. Aus Sibirien I, стр. 365.

2) Описаніе ...народовъ, II, изд. Миллера, стр. 162.

3) Описаніе ...народовъ, II, изд. Миллера, стр. 110

4) Gmelin: Reise durch Sibirien. I, стр. 272.

еще береста. Жилище чулымскихъ татаръ лѣтомъ было подвижное; лѣтнія юрты устраивались какъ и у барабинскихъ татаръ и покрывались берестой ¹⁾. Верхотомскіе татары, которые въ XVIII в. вели еще кочевой образъ жизни, мѣняя свое мѣстопробываніе нѣсколько разъ въ теченіе какъ лѣта, такъ и зимы, устраивали жилища «подобно кегелю» и покрывали ихъ рогожами, какъ и телеуты; такія же жилища были извѣстны также въ прошломъ столѣтіи и тюркамъ, кочевавшимъ по р. Бирюсъ ²⁾. Качинскихъ тюрковъ (жившихъ по рр. Енисею и Качѣ) Гмелинь засталъ въ періодъ перехода отъ конусообразныхъ юртъ къ курнымъ избамъ. Несмотря на то, что путешественникъ посѣтилъ улусъ ихъ около селенія Торокина въ 1735 г. въ началѣ февраля, слѣдовательно, когда тепло еще не наступало, въ юрты переселились однако и тѣ, у которыхъ были уже курныя избы. Большинство лицъ, проводившихъ и лѣто и зиму въ шалашахъ, имѣло юрты, сложенныя изъ жердей, скрѣпленныхъ поперечинами, и покрытыя берестой; только богатые покрывали остовъ оленьими шкурами. «Мы входили въ различныя юрты, пишетъ Гмелинь, и вездѣ замѣчали, что въ срединѣ горѣлъ огонь, вокругъ котораго лежали большіе и малые, мужчины, женщины и дѣти; тутъ-же лежали и собаки, съ которыми они выходятъ на охоту. Юрты были наполнены дымомъ, и мы не могли въ нихъ оставаться долго, изъ боязни задохнуться, но эти люди уже привыкли къ этому; зимой у нихъ нѣтъ другого тепла, кромѣ какъ отъ очага, который горитъ въ юртѣ» ³⁾.

На душливый воздухъ и на ѣдкій дымъ, господствующій въ юртахъ жалуются вообще все путешественники. Выше мы привели слова Радлова по этому поводу; этотъ-же путешественникъ такъ описываетъ свое ощущеніе при входѣ въ юрту, хотя послѣдняя, среди типовъ алтайскихъ жилищъ, принадлежала къ лучшимъ. «Когда я въ первый разъ вошелъ въ алтайскрю юрту, я чуть не потерялъ сознанія; непроницаемый дымъ наполнялъ все помѣщеніе, такъ что я невольно закрылъ глаза отъ боли. Лишь нѣсколько минутъ спустя пришелъ я снова въ себя... Оставаться долгое время въ юртѣ алтайскихъ калмыковъ чистое мученіе... Первая ночь,

¹⁾ Описаніе ...народовъ, изд. Миллера, II, стр. 146.

²⁾ *ibid.*, стр. 170, 171.

³⁾ Gmelin. Reise durch Sibirien. I, стр. 380, 381.

которую я провелъ въ юртѣ, далеко не была пріятной, такъ какъ послѣ того, какъ огонь угасъ, стало такъ холодно, что я въ теченіе нѣсколькихъ часовъ не могъ заснуть. Кромѣ того угаръ и дымъ причинили мнѣ сильную головную боль. Для меня совершенно непонятно, замѣчаетъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ, какъ алтайцы могутъ выносить зиму въ своихъ юртахъ, такъ какъ даже лѣтомъ приходится въ достаточной мѣрѣ страдать отъ холода: вѣтеръ и дождь проникаютъ въ каждую юрту, и если дождь сильный, то юрта начинаетъ протекать со всѣхъ сторонъ, такъ что сидящіе должны надѣвать войлочное покрывало на голову и спину» ¹⁾. «Внутренность юрты, замѣчаетъ В. И. Вербицкій, вещи въ ней и лица закопчены и чумазы. Если случается ночевать въ юртѣ, то вліяніе дыма сначала незамѣтно, но когда закроешь глаза, тогда-то они доложатъ, что ночлегъ для нихъ не благопріятенъ: ихъ что-то ѣсть. По проведеніи-же цѣлой ночи въ юртѣ, на свѣжемъ воздухѣ долго нельзя открыть глаза отъ рѣзи. Конечно, это отъ непривычки, но и у привычныхъ къ дыму алтайцевъ весьма много больныхъ глазами» ²⁾.

У сѣверныхъ бурятъ, по словамъ М. Хангалова, въ старину были употребительны въ качествѣ жилища шалаши, т. наз. *бухэке*, которые устраивались слѣдующимъ образомъ: въ землю втыкали нѣсколько длинныхъ жердей такъ, чтобы онѣ образовали конусъ; верхніе концы жердей упирались одинъ въ другой и скрѣплялись. Снаружи жерди обертывались большими полостями изъ звѣриныхъ шкуръ; верхъ оставался незакрытымъ; дымъ выходилъ въ щели между жердями. Иногда бухэкъ строился изъ молодыхъ сосновыхъ стволовъ, а низъ его вмѣсто мѣховыхъ одѣялъ закладывался снаружи хвойными вѣтками, а зимой засыпался снѣгомъ. Перекочевывая съ одного мѣста на другое, буряты брали только мѣховыя шкуры, покрывавшія бухэкъ, оставляя бревна на мѣстахъ. Лѣтомъ мѣховыя покрывки не употреблялись ³⁾.

Подобныхъ коническихъ юртъ въ настоящее время у бурятъ, кажется, не встрѣчается. Но у селенгинскихъ бурятъ онѣ были

¹⁾ Radloff. Aus Sibirien. I, стр. 273—275.

²⁾ В. И. Вербицкій: Алтайскіе инородцы, стр. 12.

³⁾ Этногр. Обзор. X, стр. 144, 145. Само слово *бухэке* г. Хангаловъ производитъ отъ бурятск. *бухэке* — *наклоняться*, „такъ какъ входъ въ бухэке дѣлался очень низкимъ“.

извѣстны еще въ началѣ текущаго столѣтія. А. Эрманъ, видѣвшій ихъ въ 1829 г., оставилъ подробное описаніе ихъ. Юрты состояли изъ жердей, поставленныхъ въ кругъ такъ, чтобы верхніе концы ихъ сходились; такъ какъ описываемыя юрты служили зимнимъ жилищемъ, то остоу былъ покрытъ двойнымъ рядомъ войлока. Эрманъ отмѣчаетъ, что по формѣ онѣ отличаются отъ самоѣдскихъ чумовъ тѣмъ, что конусъ менѣе остръ. Внутреннее устройство заключалось въ слѣдующемъ: противъ дверей у стѣны находилась божница, состоявшая изъ двухъ поставленныхъ другъ на друга ящиковъ, съ священными предметами и изображениями. Очагъ находился въ центрѣ конуса, причемъ огонь раскладывался въ ямѣ. Вокругъ очага были разложены кошмы и перины, служившія постелями ¹⁾.

Среди **башкиръ**, въ Уфимской губ., въ мѣстностяхъ, гдѣ они перешли уже къ осѣдлости, сохраняется въ качествѣ переживанія обычай устройства первобытнаго шалаша, на усадьбѣ. Шалашъ дѣлается изъ плетня, промазаннаго навозомъ, сверхъ котораго онъ покрывается соломой; шалашъ имѣетъ круглую форму; внутри, въ срединѣ, на камняхъ устанавливается котель, въ которомъ башкиры варятъ себѣ пищу ²⁾.

У **якутовъ** коническій шалашъ продолжаетъ еще существовать въ качествѣ лѣтняго жилища, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по крайней мѣрѣ. Этотъ видъ жилья описанъ какъ болѣе старыми, такъ и болѣе новыми писателями. Такъ напр. Штраленбергъ замѣчаетъ, что «лѣтнія жилища ихъ (якутовъ) круглы, какъ колпакъ съ сахарной головы, и обложены берестой, которую они крашеными конскими волосами пестро убираютъ и вышиваютъ,—съ открытымъ отверстіемъ для дыма, такъ какъ они дѣлаютъ свои каминны и огнища прямо посреди юрты съ крюкомъ, на который они вѣшаютъ... горшки... и котлы» ³⁾. Въ изданномъ Миллеромъ «Описаніи... народовъ» ⁴⁾ объ якутскихъ лѣтнихъ жилищахъ сказано, что они состоятъ изъ жердей, подобны кегелю и покрываются берестой. Миддендорфъ описываетъ эти лѣтнія юрты, какъ не-

¹⁾ A d. E r m a n: Reise um die Erde II, стр. 103—105.

²⁾ Изв. Общ. Археол. Ист. и Этногр. при И. Каз. Ун. XI, 2, стр. 184.

³⁾ S t r a h l e n b e r g: Das Nord-und Oestliche Theil v. Europa u. Asien. Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. при И. Казанск. Ун. XI, вып. 3, стр. 244.

⁴⁾ т. II, стр. 128 (СПБ. 1776).

сравненно болѣе уютныя, чѣмъ зимнія жилища якутовъ; онѣ просторны, прохладны и довольно красиво сдѣланы изъ бересты; онѣ называются урось¹⁾ «и сооружаются посреди привѣтливой мѣстности, на хорошихъ пастбищахъ, вдали отъ зимняго мѣсто-пробыванія, такъ какъ окрестности послѣдняго приходится тща-тельно оберегать отъ пастбы. Длинную выросшую траву живот-ныя легко разгребаютъ подъ снѣгомъ, потому что запасы сѣна якутъ заготовляютъ только для рогатаго скота»²⁾.

По словамъ Мейннгаузена³⁾, который видѣлъ уросы у вилюй-скихъ якутовъ, они имѣютъ до 21 фута въ поперечникѣ. Входъ съ востока. Жерди покрываются корой лиственницы или берестой. Этотъ типъ жилищъ сохраняется еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже и у богатыхъ якутовъ до настоящаго времени и тогда, когда лѣтнія и зимнія юрты строятся болѣе совершеннымъ обра-зомъ: богатые (якуты), пишетъ В. Л. Приклонскій, въ нѣсколь-кихъ шагахъ отъ юрты, на востокъ, ставятъ *урасу*: конусообраз-ное основаніе (въ видѣ сахарной головы) изъ жердей заплетается для крѣпости внизу въ три ряда сырымъ тальникомъ, что наз. *курду*, или съ молодой высокой лиственницы снимается кора, ко-торую въ два ряда обкладываетъ нижняя часть урасы. Весь остовъ покрывается особо приготовленной берестой, состоящей изъ отдѣль-ныхъ кусковъ, варимыхъ въ горячей водѣ и смазанныхъ березо-вымъ варомъ; эти отдѣльные куски бывають 2-хъ аршинъ длины и въ аршинъ ширины, расшиваются разными узорами, украше-ніями и швами изъ окрашеннаго конскаго волоса. Внутреннее устройство урасы то-же, что и въ четырехугольной юртѣ, о кото-рой нами будетъ сказано ниже. Очагъ находится посрединѣ, приче-мъ онъ представляетъ собой ящикъ, набитый глиной⁴⁾.

У долганъ конической палашъ, покрываемый оленьими шкурами продолжаетъ, по словамъ Миддендорфа⁵⁾, строиться даже среди зимо-вокъ, которыя уже представляютъ изъ себя срубы (см. рис. въ гл. II).

1) По другимъ *Urasa*. (Våmbèrgy. Das Türkenvolk, стр. 154).

2) Миддендорфъ: Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. II. стр. 781, 782.

3) К. Meinhäuser: Nachrichten über das Wilui-gebiet въ Beitr. z. Kenntniss d. Russisch. Reiches. XXVI, стр. 35.

4) В. Л. Приклонскій: Матеріалы по этнографіи якутовъ въ Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XVIII, стр. 23, 24.

5) А. Миддендорфъ: Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. II, стр. 694.

У монголовъ, кочующихъ внѣ предѣловъ Россіи, конические шалаши продолжаютъ еще сохраняться, въ качествѣ жилищъ бѣднѣйшаго населенія; эти шалаши прикрываются старымъ, прокопченнымъ войлокомъ, и употребляются въ качествѣ жилья не только лѣтомъ, но и зимой ¹⁾. О нихъ-же упоминаетъ и Г. Н. Потанинъ: по его словамъ, эти шалаши употребительны въ сѣверной Монголіи и называются *обахаи* или *хатгурь*. Для обахая берутся жерди, которыя верхними своими концами вставляются въ кругъ (*тонъ*) ²⁾ Хатгуры бывають иногда такъ малы, что двое сидящихъ людей едва въ состояніи въ нихъ помѣститься и могутъ достать рукой верхъ юрты, не вставая съ мѣста ³⁾. Другой видъ шалаша, употребительнаго у монголовъ-же, лишь формой напоминаетъ первобытный шалашъ ⁴⁾.

У астраханскихъ калмыновъ ⁵⁾ конические шалаши продолжаютъ еще встрѣчаться: это такъ наз. *джоломъ*, состоящій изъ жердей и покрытый кошмой; высота его въ центрѣ около 3 аршинъ.

Далѣе среди киргизовъ, даже тѣхъ, которые перешли уже къ полусѣдлому быту, сохраняются или въ качествѣ временныхъ, походныхъ жилищъ, или въ качествѣ жилья бѣднѣйшей части населенія рядъ формъ, повторяющихъ типъ первобытнаго коническаго шалаша. Такъ напр., на рис. 3 мы видимъ примѣръ подобнаго походнаго шалаша, состоящаго изъ жердей, связанныхъ

1) М. В. Пѣвцовъ: Очеркъ путешествія по Монголіи, стр. 69.

2) Г. Н. Потанинъ: Тангутско-тибетская окраина Китая. I, стр. 53.

3) Г. Н. Потанинъ: Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. II, стр. 108.

4) „Во время путешествій съ караванами или на богомолья, пишетъ М. В. Пѣвцовъ, монголы помѣщаются на ночлегахъ въ палаткахъ (*майханъ*) изъ синей бумажной ткани (*дабы*), подбиваемой иногда внутри болѣе грубою и рѣдкою бумажною-же тканью (*даммбою*). Остовъ ея состоитъ изъ двухъ вертикальныхъ колеьевъ отъ 6 до 9 футовъ высоты, утверждаемыхъ въ разстояніи 7—11 фут. другъ отъ друга и снабженныхъ на верхнихъ концахъ желѣзными ушками, сквозь которыя продвѣается третій коль, служащій гребнемъ, или конькомъ остова. На этотъ остовъ натягивается палатка, полы которой прикрѣпляются посредствомъ веревокъ внизу къ желѣзнымъ кольшкамъ, вбиваемымъ въ землю. По наружному виду, монгольская палатка напоминаетъ нѣсколько кругую шестигранную кровлю. Остриемъ или носомъ, она для устойчивости обращается въ навѣтренную сторону, а противоположная сторона, состоящая изъ двухъ полъ заключаетъ между ними отверстіе, служащее дверью.

5) И. Житецкій: Очеркъ быта астраханскихъ калмыковъ, стр. 4.

на верху и прикрытыхъ кошмой такъ, что остается отверстіе для входа и дымовое отверстіе на верху; огонь раскладывается посрединѣ. Иногда походный шалашъ (*кошъ*), служащій также и жилищемъ пастухамъ, устраивается на подобіе коническихъ шалашей алтайскихъ тюрковъ: кошъ, употребляемый азіатскими киргизами, въ своемъ простѣйшемъ видѣ состоитъ изъ деревянныхъ круговъ

3. Походный шалашъ бугеевскихъ киргизовъ.

отъ 1—2 саж. въ діаметрѣ, соединенныхъ по окружности жердыми ¹⁾. Нѣсколько болѣе сложный типъ представляетъ употребляемый азіатскими-же киргизами типъ шалаша, извѣстный подъ названіемъ *аблайча*; она состоитъ изъ прямыхъ жердей, поставленныхъ наклонно; на верху жерди вставляются въ особу для того приспособленный кругъ—*чатаракъ*. Одна кошма покрываетъ остовъ, причемъ такъ, что на верху оставляется отверстіе для дыма. Въ настоящее время аблайча употребляется только въ качествѣ походной юрты. Народное преданіе приписываетъ изобрѣтеніе ея хану Аблаю, который ввелъ эту форму шалаша для своего войска,

¹⁾ В. Ш н в: Зимовки ...кочевниковъ Акмолинской, Обл., стр. 11—въ Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XVII, вып. 1.

откуда и названіе шалаша—аблайча ¹⁾. По своей формѣ аблайча рѣзко отличается отъ остальныхъ видовъ жилищъ у киргизовъ, и преданіе, приписывая изобрѣтеніе ея у киргизовъ хану Аблаю, повидимому, стремилось лишь объяснить то рѣзкое отличіе, которое представляетъ болѣе архаичный типъ шалаша, отъ сравнительно сложныхъ по своему устройству рѣшетчатыхъ кибитокъ.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться, что коническая форма шалаша является распространенной и наиболѣе древней у тюркскихъ народностей, что она была извѣстна монголамъ, и что этотъ типъ слѣдуетъ считать первичнымъ въ исторіи развитія жилья у указанныхъ племенныхъ группъ.

Однако, какъ ни просто устройство конического шалаша, въ описанныхъ нами у разныхъ народовъ типахъ мы не всегда встрѣчаемъ однообразіе: это даетъ намъ возможность намѣтить главныя ступени развитія конического шалаша.

Въ описаніи устройства остова слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду, что первоначальное скрѣпленіе жердей посредствомъ простаго связыванья верхнихъ концовъ замѣняется слѣдующими приспособленіями: для поддержанія жердей въ неизмѣнномъ направленіи онѣ скрѣпляются кольцами, свитыми изъ прутьевъ; далѣе верхнія концы жердей, образующихъ остовъ, вставляются уже въ особо приспособленный для этого кругъ — чангаракъ. Этотъ послѣдній не является въ своей первоначальной формѣ въ аблайчѣ ²⁾. Едвали будетъ рискованнымъ предположить, что чангаракъ образовался первоначально изъ такого-же витаго изъ прутьевъ кольца, какъ и нижнія кольца, и служилъ лишь для расpirанія верхнихъ концовъ жердей, и только впоследствии сталъ выдѣлываться изъ дерева, съ отверстиями для вставливанія жердей. Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ фактѣ, что верхній кругъ (*тонг*) въ сѣверной Монголіи представляетъ лишь легкій обручъ, согнутый изъ тонкаго ивоваго прута ³⁾. Далѣе еще въ коническихъ шалашахъ мы видимъ зародыши дверной рамы; прежде просто раздвигаемая для устройства дверного отверстия жерди въ нѣкоторыхъ случаяхъ закрѣпляются поперечнымъ кускомъ дерева. Наконецъ,

¹⁾ Записки Зап. Сибирск. Отд. И. Р. Г. О. XV, 3. стр. 11, ст. Маковецкаго: Юрта.

²⁾ Устройство чангарака будетъ описано ниже.

³⁾ Г. Н. Потанинъ: Тангуты-тибетская окраина Китая. I. стр. 53.

въ отношеніи покрытія юрты важная переменѣна заключается въ замѣнѣ звѣриныхъ шкуръ войлокомъ (кошмами). Прежде чѣмъ сдѣлаться скотоводами, въ частности овцеводами, турки и монголы прошли періодъ охотничьяго, звѣроловческаго быта,—стадія, на которой мы теперь еще застаемъ карагасовъ и нѣкоторыхъ алтайскихъ тюрокъ.

На этой стадіи развитія покрытіемъ шалаша могли служить только звѣриныя шкуры или древесная кора, а зимою кромѣ того еще земля и снѣгъ, какъ это мы видимъ и въ настоящее время еще у нѣкоторыхъ изъ описанныхъ народностей. Лишь съ переходомъ къ чисто скотоводческому быту, когда домашній скотъ начинаетъ удовлетворять почти всѣмъ насущнымъ потребностямъ кочевника, покрытіями первобытному шалашу начинаютъ служить сначала шкуры домашнихъ животныхъ, а затѣмъ и издѣлія изъ шерсти послѣднихъ, именно кошмы, которыя вытѣсняють въ послѣдствіи всѣ остальные способы покрытія, какъ мы это, напр., видимъ у киргизовъ, у которыхъ и бѣднѣйшіе покрываютъ свои шалаша кошмами. Наконецъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ условій, коническій шалашъ изъ легко переносимаго становится постояннымъ, что приближаетъ его въ значительной степени къ категоріи осѣдлыхъ жилищъ, хотя бы сами жители и продолжали еще вести кочевой образъ жизни: обиліе лѣса въ нѣкоторыхъ областяхъ позволяетъ строить шалаша изъ сравнительно толстыхъ жердей, вслѣдствіе чего перенесеніе ихъ затрудняется; результатомъ этого, благодаря дешевизнѣ и обилію матеріала, является стремленіе оставлять остовы шалашей на прежнихъ мѣстахъ и брать съ собой при перекочевкахъ лишь покрышки. Оставленіе на мѣстѣ шалаша развивается въ значительной степени и благодаря тому, что среди лѣсниковъ-звѣролововъ сравнительно мало распространено скотоводство: выючныхъ животныхъ имѣется въ распоряженіи семьи немного, едва достаточное количество для перевозки домашняго скарба. Поэтому мы видимъ, что напр. среди алтайцевъ, не нуждающихся въ лѣсѣ, первобытный коническій шалашъ не переносится, тогда какъ у степныхъ кочевниковъ, вынужденныхъ вслѣдствіе недостатка въ лѣсѣ дорожить имъ, жилище значительно болѣе развитого типа долго еще продолжаетъ быть переносимымъ съ мѣста на мѣсто. Такимъ образомъ, прослѣживая исторію коническаго шалаша, мы доходимъ до развитія почти-что осѣдлой формы жилища.

На звѣроловческой стадіи развитія человѣку приходится почти исключительно заботиться лишь о самомъ себѣ. Домашняго скота еще не существуетъ, и потому въ первобытныхъ типахъ этой формы жилища мы не видимъ никакихъ пристроекъ, изъ которыхъ могъ бы развиться дворъ. Даже съ переходомъ къ скотоводству заботы о скотѣ не сразу приводятъ къ стремленію защищать его отъ непогоды: заботами начинаетъ пользоваться сначала лишь молодой скотъ, хуже чѣмъ старый выносящій зимній холодъ; для него однако не строятъ отдѣльныхъ помѣщеній, а берутъ его въ жилую юрту, гдѣ онъ, какъ напр. у алтайцевъ, и помѣщается около входныхъ дверей. Дальнѣйшая забота заключается въ стремленіи помѣщать скоту разбрестись: для этого устраиваются изгороди, въ которыя скотъ загоняется. Далеко не всѣ изъ упомянутыхъ народностей поднялись до устройства изгородей. Мы видѣли, наприм., что ихъ нѣтъ еще у карагасовъ; онѣ не встрѣчаются и у многихъ алтайскихъ тюрокъ, продолжающихъ еще жить въ коническихъ шалашахъ. Но напр. въ Абаканской степи, среди т. наз. абаканскихъ татаръ, В. Радловъ уже отмѣчаетъ, что юрты ихъ (коническія) принимаютъ скорѣе характеръ усадебъ, такъ какъ онѣ окружаются заборами, въ которые загоняютъ скотъ.¹⁾ Впослѣдствіи мы увидимъ, что изъ подобныхъ изгородей развиваются дворы.

Наконецъ что касается **расположенія жилыхъ построекъ въ поселкахъ**, то прежде всего нельзя ожидать здѣсь правильности: каждый строится тамъ, гдѣ находитъ для себя удобіе. Второй характерной чертой слѣдуетъ признать незначительное число жилыхъ построекъ въ селеніи, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда устраиваются уже правильныя зимовки, причемъ однако семейства родственныя другъ другу стремятся селиться близко другъ отъ друга. Число юртъ въ поселкѣ у карагасовъ, даже прямо зависитъ отъ числа семействъ, соединенныхъ узами родства²⁾. Телеуты на зимовки располагались колѣнами (аймаками), хотя численность входящихъ въ составъ аймака лицъ и была крайне невелика, такъ какъ „большая половина деревень такихъ, въ коихъ считается только отъ 4—10 дворовъ“.³⁾ Южный алтаецъ, пишетъ В. И.

1) Radloff. Aus Sibirien I, стр. 375.

2) Этногр. Сб. изд. И. Р. Г. О. вып. IV, стр. 5.

3) Описаніе народовъ II, стр. 162.

Вербицкій ¹⁾, любитъ просторъ; ему тѣсно въ большомъ обществѣ, и потому айлы ихъ обыкновенно соостоятъ не болѣе какъ изъ 3—5 юртъ, принадлежащихъ родственникамъ: отцу съ сыновьями и ихъ семействамъ. Незначительность поселковъ у кочевыхъ бурятъ подтверждаетъ сообщеніе Эрмана, который отмѣчаетъ, что описанный имъ поселокъ селенгинскихъ бурятъ состоялъ лишь изъ двухъ коническихъ юртъ. ²⁾ Вообще свѣдѣнія, что селеніе состоитъ лишь изъ самаго незначительнаго числа строеній, что даже часто семьи селятся въ одиночку, нерѣдки у различныхъ авторовъ. Въ числѣ причинъ, обуславливающихъ малолюдность селеній, на низшихъ ступеняхъ культуры по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ отнести одно изъ первыхъ мѣстъ соображеній чисто экономическаго характера. Относительно черневыхъ татаръ (*иши-кижи*) покойный Н. М. Ядринцевъ отмѣчаетъ эту причину совершенно основательно: „лѣсники или черневые татары, которыхъ мы наблюдали, пишетъ онъ, никогда не живутъ нѣсколькими семьями, аулами, ихъ *айлы* — это одинъ, много два, три шалаша съ семьями вмѣстѣ; болшею частію по одному. Этому способствуетъ бѣдность пастбищъ въ лѣсахъ и стремленіе каждому имѣть шире право на охотничьи угодья. Лѣсной просторъ ничего не даетъ для пастбищъ; онъ препятствуетъ имъ; угодья въ лѣсахъ начинаютъ дѣлиться какъ для скотоводства, такъ и для начинающагося первобытнаго земледѣлія“. ³⁾ Значеніе лѣса, какъ фактора, ограничивающаго свободу передвиженій, совершенно справедливо указано Н. М. Ядринцевымъ: этимъ значеніемъ слѣдуетъ повидимому объяснить, что алтайскіе тюрки, какъ и карагассы, перешли отъ звѣроловческаго быта почти непосредственно къ первобытнымъ способамъ обработки земли. Но и въ степяхъ, гдѣ простора болше, экономическія соображенія—необходимость прокормить многочисленныя стада, а слѣдовательно стремленіе сохранить кормъ, приводятъ къ тому же результату: расселенію небольшими группами, состоящими изъ родственниковъ и при возрастаніи группы къ дѣленію этой послѣдней на меньшія подгруппы; при изложеніи формъ жилищъ у степныхъ кочевниковъ намъ придется еще возвратиться къ этому во-

¹⁾ В. И. Вербицкій: Алтайскіе инородцы, стр. 12.

²⁾ Erman: Reise, II, стр. 103.

³⁾ Н. М. Ядринцевъ: Начало осѣдлости. Литературный Сборникъ (СПб 1885), стр. 143.

просу, и мы увидимъ, что лишь стремленіе къ самосохраненію отъ нападеній внѣшнихъ враговъ, приводитъ къ нарушенію этого принципа и къ расселенію болѣе или менѣе значительными группами.

Изучая преемственность формъ, мы должны раземотрѣть прежде всего тѣ типы жилищъ, происхожденіе которыхъ отъ первобытнаго коническаго шалаша несомнѣнно. Однимъ изъ наиболѣе близкихъ въ этомъ отношеніи къ шалашу типовъ слѣдуетъ считать переносное жилище степныхъ кочевниковъ, ихъ юрты или кибитки, извѣстныя подъ общимъ названіемъ „рѣшетчатой юрты“, или кибитки. Во многихъ мѣстахъ она служитъ единственнымъ жилищемъ; въ другихъ—среди скотоводческихъ народностей, перешедшихъ къ полукочевому быту и живущихъ зимой въ постоянныхъ помѣщеніяхъ, она является переноснымъ шалашомъ во время лѣтнихъ перекочевокъ. Отличіе рѣшетчатой юрты отъ конической въ существенномъ заключается въ слѣдующемъ: 1) она состоитъ изъ двухъ частей: нижней вертикальной стѣнки и самостоятельнаго верха; 2) нижняя стѣнка образована изъ рѣшетки, которая можетъ складываться. Этотъ видъ шалаша чрезвычайно удобопереносимъ и въполнѣ приспособленъ къ перекочевкамъ; онъ представляетъ высшую форму, до которой развился шалашъ. вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ характерныя черты рѣшетчатой юрты настолько отличаютъ ее отъ конической, что предполагать, чтобы она сразу появилась въ томъ видѣ, въ которомъ мы застаемъ ее теперь, едва ли возможно: рѣшетчатая кибитка внѣ сомнѣнія должна была пройти длинный путь, прежде чѣмъ развиться до настоящаго ея вида. Но прослѣдить это развитіе послѣдовательно нелегко: возможно на основаніи имѣющагося матеріала лишь намѣтить это развитіе въ общихъ чертахъ и высказать нѣкоторыя гипотезы.

Наиболѣе вѣроятнымъ отечествомъ рѣшетчатой кибитки повидимому слѣдуетъ считать степь: остовъ ея состоитъ изъ тонкихъ палокъ, деревянныя части ея сокращены до minimum'a; она чрезвычайно удобна для перевозки. Обитатели лѣса не имѣли нужды въ деревѣ: гдѣ бы они ни останавливались, они находили готовый матеріалъ для постройки себѣ жилищъ; кромѣ того, лѣсные жители не держатъ такихъ огромныхъ стадъ, какъ степные кочевники, которые для прокормленія скота вынуждены въ теченіе года обойти значительное количество верствъ. Только безлѣсныя пространства и вызванная ими нужда въ лѣсѣ могли научить кочевника цѣнить

его; топливомъ ему начинаетъ служить кизякъ; прежнія толстыя жерди, составляющія остовъ шалаша въ лѣсныхъ пространствахъ, должны были по необходимости замѣняться болѣе тонкими: это дѣлали необходимымъ какъ сама растительность степей, гдѣ большія деревья рѣдки, но лознякъ и камышъ встрѣчаются по озерамъ, рѣкамъ и балкамъ, такъ и неувѣренность кочевника, что онъ найдетъ на мѣстѣ новой кочевки древесный матеріалъ для постройки шалаша, вслѣдствіе чего послѣдній долженъ былъ дѣлаться возможно портативнѣе.

Въ степныхъ мѣстностяхъ мы почти не находимъ типовъ, которые могли бы объяснить, появленіе обычая дѣлать юрту на верхнюю и нижнюю части, отдѣльно разбираемыя. Несомнѣнно, что коническій шалашъ, какъ бы великъ ни былъ діаметръ его основанія, представлялъ большое неудобство, вслѣдствіе наклона стѣнъ; поэтому должно было естественно сказываться стремленіе къ выпрямленію послѣднихъ. Наболѣе простой способъ былъ надламыванье жердей. Мы уже говорили, что жерди коническихъ шалашей для устойчивости иногда скрѣпляются витыми кольцами. Если поставить жерди прямо и обломать ихъ у одного изъ колець, а затѣмъ свести ихъ концы, получится шалашъ, по контуру очень похожій на рѣшетчатую кибитку: именно, нижняя часть колевь будетъ соответствовать рѣшеткѣ, а верхняя часть колевь, наклоненныхъ къ центру—жердямъ, которыя составляютъ крышу рѣшетчатой юрты. Такой способъ постройки отмѣченъ Палласомъ среди татаръ на р. Сильгунѣ (притокъ Чулыма), которые именно такимъ образомъ устраивали свои лѣтніе шалаша, хотя имъ извѣстна была и коническая юрта: „здѣшніе крещеные татары, пишетъ Палласъ,¹⁾ живутъ лѣтомъ въ мерзкихъ юртахъ, кои состоятъ частію изъ сведенныхъ вверху шпиремъ колевь, частію же изъ березовыхъ колевь, кои, будучи съ самой земли около нѣкоторыхъ большихъ обручевъ утверждены и обломаны, составляютъ видъ калмыцкаго шалаша, и устланы сильно разваренными и вмѣстѣ шитыми бѣлыми берестами“. Отъ надламыванья верхнихъ концовъ жердей, до привязыванья къ кольямъ, образующимъ низъ шалаша, отдѣльныхъ колевь—только одинъ шагъ: подобныя юрты извѣстны алтайскимъ тюркамъ; онѣ состоятъ, по словамъ Радлова, изъ цилиндра,

¹⁾ Палласъ: Путешествіе. II, пол. 2-я, стр. 449.

вышиной приблизительно аршина $1\frac{1}{2}$, на верхній конецъ котораго опирается кегелеподобная крыша. Эти юрты не переносятся. Остовъ нижней, вертикальной стѣны юрты дѣлается изъ палокъ, вертикально воткнутыхъ въ землю, которыя на верху скрѣплены посредствомъ поперечныхъ колець. Къ верхнему концу каждой изъ стоящихъ прямо палокъ прикрѣплена жердь, образующая остовъ крыши; всѣ жерди вверху сведены вмѣстѣ, такъ что онѣ образуютъ коническую крышу; въ дверное отверстіе вставляется рама, закрываемая двойнымъ кускомъ кошмы. Остовъ покрывается кошмами, которыя обвязываются веревкой. „Эти юрты, замѣчаетъ В. Радловъ, значительно свѣтлѣе и обширнѣе, чѣмъ коническія; свѣтъ въ нихъ проникаетъ отчасти черезъ дверь, отчасти черезъ дымовое отверстіе, на много большее, чѣмъ въ конической юртѣ. Крыша этихъ юртъ значительно болѣе плоская, а діаметръ нижняго круга равняется 4—6 саженимъ. При переходѣ на другое мѣсто обитатель подобной юрты оставляетъ на мѣстѣ остовъ ея и приготовляетъ новый на новой остановкѣ, подобныя юрты встрѣчаются только въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, гдѣ потеря деревяннаго остова не имѣетъ значенія. 1)

Въ описанныхъ типахъ мы видимъ уже отдѣленіе крыши отъ нижней части юрты, т.-е. первый характерный признакъ рѣшетчатой юрты. Что касается до появленія рѣшетки, то наиболѣе вѣроятнымъ окажется предположеніе, что колья, употребительные въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, необходимо было замѣнять палками изъ тонкаго лѣса въ степныхъ мѣстностяхъ, устраивать плетень, который и послужилъ прототипомъ рѣшетки. Такой именно плетень, быть можетъ, и разумѣлъ Палласъ 2), когда при описаніи *непередвижныхъ* юртъ кундровскихъ татаръ онъ характеризуетъ нижнія стѣны юртъ слѣдующими словами: „круглыя оныхъ стѣны состоятъ изъ плетня изъ весьма тонкихъ палочекъ составленнаго, а крышка оныхъ ничто иное есть, какъ плосковатый сводъ нагнутыхъ палочекъ, кои однимъ концомъ къ плетню, а другимъ прикрѣплены къ обечайкѣ продушины, для дыму оставленной“.

Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ описываются эти юрты и въ „Описаніи народовъ“: 3) „у кундровцевъ совсѣмъ отмѣнные юрты.

1) Radloff. Aus Sibirien I, стр. 268.

2) Палласъ: Путешествіе III, пол. 2, стр. 141.

3) Изд. Миллера. II, стр. 41.

Онѣ въ поперечникѣ не будутъ и въ двѣ сажени, а составлены такъ, что *не можно* ихъ разбирать. Потолкомъ служить плоскій сводъ изъ согнутыхъ въ дугу колышковъ, которые ради отверстія же для дыму и свѣту сводятся въ кольцо; надъ отверстиемъ же симъ вѣшаютъ они для красоты пеструю тряпицу. Стѣны сдѣланными изъ тростнику рогожами, а весь шалашъ войлоками покрывается такъ, что покрывки сей снимать нельзя. Что стѣны юрты въ данномъ случаѣ не представляютъ еще рѣшетки, слѣдуетъ заключить изъ того, что юрты кундровскихъ татаръ противопоставляются юртамъ кочевыхъ ногайцевъ, которыя „состоятъ изъ частокола, который при всякой перекочевкѣ ставится вновь“. ¹⁾ Въ пользу предположенія развитія рѣшетчатой юрты въ областяхъ безлѣсныхъ говоритъ и то, что деревянныя части юрты въ настоящее время пріобрѣтаются кочевниками иногда издалека. Въ восточномъ Алтаѣ, по словамъ Г. Н. Потанина, и въ другихъ безлѣсныхъ мѣстахъ юрточные рѣшетки получаютъ изъ лѣсныхъ мѣстностей, гдѣ ихъ дѣлаютъ сами монголы. Въ г. Уляссутаѣ деревянныя части юртъ приготавливаютъ китайцы; деревянный остовъ въ безлѣсныхъ мѣстахъ стоитъ отъ 4—7 чаевъ. ²⁾

Рѣшетчатыя кибитки (монгольск. *иръ, геръ*, тюркск. *юртъ*) широко распространены у тюркскихъ и монгольскихъ народностей, ведущихъ кочевой или полукочевой образъ жизни. Устройство ихъ повсюду въ существенномъ одно и то-же. По внѣшнему виду принято дѣлать ихъ на два типа: т. наз. *калмыцкій* и *киргизскій*, на томъ основаніи, что одинъ изъ нихъ господствуетъ среди калмыковъ, другой—у киргизовъ; въ общемъ слѣдуетъ замѣтить, что калмыцкій типъ рѣшетчатыхъ юртъ преобладаетъ у монгольскихъ народностей, киргизскій—у тюркскихъ, вслѣдствіе чего указанныя названія „калмыцкій“ и „киргизскій“ типы можно было бы замѣнять „монгольскимъ“ и „тюркскимъ“ ³⁾, причемъ однако слѣдуетъ имѣть въ виду, что у тюрковъ нерѣдко встрѣчаются юрты монгольскаго типа (рис. 4), и на оборотъ. Отличіе калмыцкаго типа отъ киргизскаго заключается въ отношеніи къ контуру въ томъ, что первый представляетъ *конусообразный верхъ*, второй—*шарообразный*

¹⁾ Ibid. стр. 41.

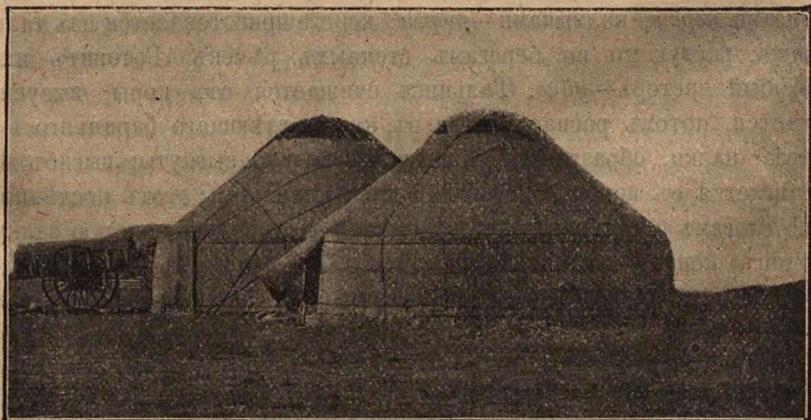
²⁾ Г. Н. Потанинъ: Очеркъ сѣверо-зап. Монголіи. II, стр. 109.

³⁾ Сами киргизы называютъ монгольскій типъ юрты *тороутъ-уй* (Потанинъ: Оч. С. З. Монголіи, стр. 108).

(рис. 5 и 6). Это различие объясняется тѣмъ, что жерди, образующія крышу юртъ, у калмыцкихъ *прямы*, а у киргизскихъ — *выгнуты*. Если вообще считать, что изъ двухъ видовъ жилища одного и

4. Походная кибитка бугеевскаго киргиза.

5. Калмыцкая рѣшетчатая юрта (съ фот. Дашгов. Этногр. Муз.).

того же типа болѣе древнимъ является то, устройство котораго болѣе просто, то калмыцкій типъ слѣдуетъ признать болѣе древнимъ, такъ какъ онъ представляетъ просто шалашъ типа аблайчи, поставленный на рѣшетку, между тѣмъ какъ для устройства выгнутыхъ жердей киргизскихъ кибитокъ требуется извѣстная доля искусства.

6. Киргизская рѣшетчатая юрта.

Въ способѣ устройства оба типа, кромѣ указаннаго различія, представляютъ много общаго, поэтому мы изложимъ ихъ параллельно. 1) Основаніемъ юрты служитъ рѣшетка, называемая киргизами *кереге*, калмыками—*терме*; кереге готовится изъ тальника, растущаго по берегамъ степныхъ рѣчекъ. Готовить ихъ особый мастеръ—*уйче*. Тальникъ очищается отъ коры, высушивается, потомъ распаривается въ кучкѣ тлѣющаго бараньяго навоза; палки, образующія рѣшетку, нѣсколько выгнуты; выгибъ достигается съ помощью особаго прибора наз. *тезь*; этотъ послѣдній, по словамъ г. Маковецаго, представляетъ довольно толстую палку, одинъ конецъ которой укрѣпляется въ землѣ, а другой подъ угломъ 45° привязывается къ козламъ. Въ верхнемъ концѣ *тезя*

1) Н. Маковецкій: Юрта (лѣтнее жилище киргизовъ) въ Запис. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XV, вып. 3, стр. 3—11; С у с л о в ъ: Очерки по исторіи древ. русск. водчества, стр. 61, 62; Ж и т е ц к і й: Астраханскіе калмыки, стр. 2 и слѣд. П ѣ в ц о в ъ: Очеркъ путешествія по Монголіи, стр. 67—70.

дѣлается прорѣзь, куда изготовляющій палки мастеръ вставляет тальникъ и тяжестью своего тѣла надавливаетъ на другой конецъ, чѣмъ палкамъ придается нѣкоторый выгибъ; эти палки остаются обыкновенно круглыми, но калмыки часто обстругиваютъ ихъ, придавая имъ форму или сплюснутаго четырехгранника, или многогранника. Палки обыкновенно окрашиваются въ коричневый или желтый цвѣта, у калмыковъ изрѣдка и въ зеленый или синій. Изъ этихъ палокъ складывается рѣшетка, причемъ киргизы обыкновенно пробуравливаютъ палки въ мѣстахъ скрещиванья, и продѣваютъ въ отверстія ремешки, концы которыхъ укрѣпляются узелками. Калмыки просто связываютъ палки ремешками, но не на глухо, а такъ, что шести въ извѣстныхъ предѣлахъ вращаются свободно, чѣмъ дается также, какъ и при киргизскомъ способѣ устройства рѣшетки, возможность, сжимая и растягивая ее, съ одной стороны увеличивать ея высоту, а съ другой—складывать ее при перевозкахъ. Само слово *kerelé*, по словамъ Вамбери, ¹⁾ значитъ „растягиваемое“, отъ *kermek*—растягивать.

Основаніе юрты составляется изъ нѣсколькихъ кусковъ рѣшетки, поставленныхъ въ кругъ; каждый отдѣльный кусокъ, составленный изъ 12—17 паръ палокъ, называется киргизами *канатъ*. Къ рѣшеткѣ привязываются жерди, называемыя киргизами *укъ* (*окъ*), монголами—*унинъ*. Эти жерди, какъ было указано выше у киргизовъ выгнутыя, у калмыковъ прямыя, вслѣдствіе чего юрты первыхъ имѣютъ куполообразный верхъ, у вторыхъ конусообразный. Величина *укъ* приблизительно аршина 4. Кромѣ формы *укъ* въ юртахъ тюркскаго и монгольскаго типа, — дальнѣйшее различіе въ способѣ устройства верха кибитки заключается въ томъ, что у калмыковъ верхній конецъ, который вставляется въ кругъ, заостренъ въ тупой клинъ, а нижній конецъ, круглый, имѣетъ отверстіе, черезъ которое продѣвается шерстяной шнурокъ, завязываемый петлей, при помощи которой жерди прикрѣпляются къ рѣшеткѣ ²⁾; у киргизовъ верхній конецъ жерди прямой, а нижній, по-

¹⁾ V a m b e r i: Die primitive Cultur des turko-tatarischen Volkes. стр. 75.

²⁾ Г. Н. Потанинъ сообщаетъ (Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи II, стр. 108), что въ южной Монголіи встрѣчается особый видъ юрты — *сырамникъ*, который въ сѣверо-западную Монголію завозятъ только случайно. „У нихъ стрѣлы (*унинъ*) прикрѣплены къ верхнему обручу посредствомъ шалнера, такъ что юрта складывается и нагружается на телегѣ. Эпитетъ *сырамникъ* собственно

гнутой, упирается въ рѣшетку и привязывается къ ней. Уки (унинъ верхнимъ концомъ своимъ вставляется въ деревянный кругъ, называемый киргизами—*чангаракъ* (*чагаракъ*), монголами—*харачи* (*тонъ*). Чангаракъ дѣлается обыкновенно изъ березы и состоитъ изъ двухъ полукруговъ, связанныхъ между собой и сбитыхъ желѣзомъ. У калмыковъ харачи устраивается нѣсколько иначе: онъ склеивается изъ небольшихъ кусковъ, число которыхъ доходитъ до 15 и болѣе; въ ободѣ харачи наглухо прибиты съ внутренней стороны 4 или болѣе полубруча (*цапрыкъ*), перекрещивающихся взаимно и возвышающихся надъ плоскостью круга¹⁾. Киргизы также употребляютъ цагрыки, которые носятъ у нихъ, равно и у другихъ тюркскихъ народностей, снабжающихъ ими свои юрты,—название кульдереушъ (*küldgöisch*), но они дѣлаются только въ томъ случаѣ, когда устраиваютъ юрту съ коническимъ верхомъ, т. е. типа калмыцкаго (монгольскаго). Въ *чангаракъ*, *харачи*, продѣлываются отверстія, въ которыя вставляются верхніе концы жердей (*укъ*, *унинъ*). Число этихъ отверстій, а слѣдовательно и вставляемыхъ въ нихъ жердей зависитъ отъ размѣровъ кибитки: ихъ бываетъ отъ 100—200. Слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что въ бѣднѣйшихъ кибиткахъ, называемыхъ у киргизовъ *кошъ*, чангаракъ не употребляется; уки просто прикрѣпляются къ рѣшеткѣ, образующей основаніе коша, а верхніе концы ихъ сводятся къ одному центру и связываются. Этотъ видъ коша представляетъ уже болѣе развитой типъ сравнительно съ кошемъ, устройство котораго нами описано выше: онъ употребляется пастухами-табунщиками; въ аулахъ подобный кошъ ставятъ для гостей и наконецъ его употребляютъ въ качествѣ походнаго шалаша, при частыхъ перекочевкахъ. Дверь въ киргизскихъ кибиткахъ состоитъ изъ рамы, вышиной не больше $1\frac{1}{2}$ арш.; боковыя стороны рамы носятъ названіе — *босага* или *таяншигъ*, нижняя часть — порогъ — *мандайча*; къ этой рамѣ прикрѣпляется обыкновенно кусокъ кошмы. Прежде,

придается къ верхнему обручу—*сыржиниъ-тонъ*. Самъ я ихъ не видалъ⁴. Не имѣя болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ видѣ юрты, мы затрудняемся, къ какому типу ее отнести. Во всякомъ случаѣ способъ скрѣпленія жердей (унинъ) съ верхнимъ кругомъ посредствомъ шалнеръ представляетъ интересный фактъ въ исторіи развитія переноснаго жилища кочевника.

¹⁾ По словамъ Г. Н. Потанина (Оч. С.-З. Монголіи, II, 108), обручъ называется *цаприкъ*, а крестовины *цангыкъ*.

по словам г. Маковецкаго, дверь (*есык*) представляла изъ себя просто рѣшетку *иткерме* «лишь бы собака не вошла въ юрту». Въ настоящее время дверь нерѣдко дѣлается двустворчатой «на манеръ русскихъ столярныхъ дверей. Въ боковыхъ сторонахъ дверной рамки, т. е. въ *босага*, имѣются выдолбленные отверстія, за которыя двери привязываются къ кереге». Двустворчатая дверь составляетъ обыкновенно необходимую принадлежность калмыцкой кибитки; г. Пѣвцовъ отмѣчаетъ существованіе створчатыхъ дверей въ монгольскихъ кибиткахъ, даже какъ черту, отличающую монгольскія кибитки отъ киргизскихъ. Различіе въ устройствѣ створчатыхъ дверей между киргизами и калмыками заключается въ томъ, что у послѣднихъ обѣ половины двери на-глухо прикрѣплены къ боковымъ косякамъ, отчего дверь всегда перевозится нераздѣльно съ дверной рамой; снаружи надъ дверями калмыки однако продолжаютъ еще привѣшивать кошму — пережитокъ періода, когда дверь двустворчатая еще не была извѣстна. Направленіе двери обыкновенно на югъ или въ сторону противоположную вѣтру. Принадлежность юрты составляетъ еще *боканы* — березовая палка, на одномъ концѣ которой дѣлается выемка или небольшая вила, которой подпираютъ чангаракъ для предупрежденія юрты отъ паденія подъ напоромъ вѣтра. Бокановъ въ большихъ юртахъ бываетъ нѣсколько: 3 — 4. Въ кошѣ боканъ замѣняется веревкой, одинъ конецъ которой привязанъ къ мѣсту скрѣпленія уковъ, а другой къ колу, вбитому въ центрѣ коша. Въ юртахъ для этой же цѣли, кромѣ бокановъ привязываютъ къ чангараку два длинныхъ аркана (*джиль-бау*), прикручиваемые также къ колу въ центрѣ юрты. Въ калмыцкихъ кибиткахъ бокановъ не дѣлается; онѣ прикрѣпляются какъ и коши веревками или тесьмами, протянутыми отъ харачи къ одному или двумъ кольямъ внутри юрты. Во время сильныхъ бурь юрты укрѣпляются и съ наружной стороны или посредствомъ соединенной кольцами тесьмы, которая набрасывается на конусъ, образующій верхъ юрты, или при помощи петли, сдѣланной изъ шерстяной веревки; къ бокамъ петли въ 2-хъ—3-хъ мѣстахъ привязываются веревки, которыя и прикрѣпляются къ вбиваемымъ по бокамъ кибитки кольямъ. Таковъ остовъ юрты: размѣры его варьируются; въ среднемъ юрты имѣютъ приблизительно 2—3 сажени въ діаметрѣ и вышиной до 5—6 аршинъ.

Въ настоящее время киргизы и калмыки покрываютъ остовъ юрты обыкновенно войлоками (*кошмами*); это вполне понятно при развитомъ въ настоящее время овцеводствѣ: «изъ домашнихъ животныхъ (у киргизовъ), справедливо замѣчаетъ по этому поводу г. Никольскій, наибольшее значеніе имѣютъ бараны, изъ шерсти которыхъ приготовляются кошмы, арканы, грубая матерія и широкія тесьмы, употребляемая для прикрѣпленія кошмъ на юртахъ»¹⁾. Что однако не всегда юрты покрывались обѣими народностями этимъ матеріаломъ, можетъ служить доказательствомъ какъ фактъ, что и въ настоящее время подъ кошменнымъ покрытіемъ киргизы устраиваютъ еще промежуточное покрытіе изъ травы, такъ и сообщаемое г. Суловымъ извѣстіе, что бѣдныя семейства астраханскихъ калмыковъ обиваютъ внѣшнія стороны своихъ жилищъ сухимъ болотнымъ растеніемъ—ситнякомъ (*zeesens*), хотя если юрта имѣетъ кошменное покрытіе, то оно накладывается непосредственно на остовъ—черта, которую Г. Н. Потанинъ считаетъ одной изъ характерныхъ, отличающихъ монгольскую кибитку отъ киргизскихъ²⁾. Знакомство съ рѣшетчатыми кибитками у другихъ народностей лишь подтверждаетъ высказанное здѣсь предположеніе.

Наиболѣе подробныя, изъ извѣстныхъ намъ, свѣдѣнія о **покрытіи киргизскихъ юртъ** мы находимъ у г. Маковецкаго (l. c.); свѣдѣнія эти касаются азіатскихъ киргизовъ, но имѣющіяся литературныя данныя позволяютъ распространить ихъ и на киргизовъ, живущихъ въ предѣлахъ Европейской Россіи. «Съ наружной стороны кереге, пишетъ г. Маковецкій, при постановкѣ юрты, кругомъ обставляются *чѣмъ*. Это родъ циновки, приготовляемой изъ высокой степной травы (по киргизски *чій*), солома которой довольно толста, а главное—гибка и очень прочна». — Далѣе, «при постановкѣ юрты употребляется много разной толщины и длины веревокъ (*арканъ*), приготовляемыхъ изъ бараньей шерсти со введеніемъ въ нее, для прочности конскаго волоса, и кромѣ того, всякая юрта должна имѣть *баскуръ*. Это тканый шерстяной поясъ, иногда съ довольно красивымъ узоромъ. Ширина баскура не больше двухъ четвертей, а длина рассчитана на величину окружности юрты». Баскуръ употребляется для связыванья рѣшетки въ ея верхней части, чѣмъ

¹⁾ А. М. Никольскій: Путешествіе на оз. Балкашъ. Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., VII, вып. 1, стр. 81.

²⁾ Г. Н. Потанинъ: Оч. Свв. Зап. Монголіи, II, стр. 108.

юртѣ, придаетъ прочность. Когда отдѣльныя части рѣшетки разставляютъ въ кругъ и отдѣльные «канаты» свяжутъ вмѣстѣ, такъ, чтобы оставить свободнымъ только отверстіе, назначенное для двери, мужчины, ставши въ центрѣ круга поднимаютъ на боканахъ чангаракъ, въ который и вставляются тотчасъ уки, нижніе концы которыхъ привязываются къ рѣшеткѣ. Затѣмъ рѣшетки, въ верхней своей части стягиваются баскуромъ и прикрывается чіемъ; послѣ этого приступаютъ къ покрытію остова кошмами: прежде всего кладутъ куски кошмы, извѣстныя подъ названіемъ *туурлыкъ*, состоящіе изъ 4-хъ квадратныхъ широкихъ кусковъ; они покрываютъ рѣшетку и $\frac{1}{3}$ часть (погнутую) укы. Затѣмъ навѣшиваютъ сшитую въ два ряда кошму, закрывающую входъ (*есыкъ*); верхняя часть кошмы забрасывается на уки; есыкъ дѣлается обыкновенно изъ бѣлой кошмы, наружная сторона которой украшается узоромъ, а нижняя подбивается узорчатымъ чіемъ. Затѣмъ на уки кладется *узюкъ*, состоящій изъ двухъ частей, имѣющихъ каждая видъ трапеціи; узюкъ кладется на уки такъ, что онъ захватываетъ туурлыкъ, и доходит на верху до окружности чангарака; узюкъ тяжестью своей держитъ и верхній конецъ дверной кошмы; на нижнемъ краѣ узюка нашиваютъ небольшіе квадратные узоры (*додеге*), что дѣлается какъ для красоты, такъ и для того, чтобы прикрѣплять къ нимъ веревки. Наконецъ чангаракъ закрывается кускомъ кошмы — *тундукъ*, представляющимъ форму удлиненнаго четырехугольника. Всѣ кошмы, употребляемыя для покрытія юрты, оторачиваются волосянымъ шнуркомъ (*джеіекъ*) и, кромѣ того по концамъ туурлыка привязывается достаточно длинная веревка; узюкъ имѣетъ 6 такихъ веревокъ, по три съ каждой стороны, а тундукъ—четыре длинныхъ веревки; ими связываются кошменные части юрты, препятствуя соскальзыванію. Богатые киргизы покрываютъ юрты бѣлыми кошмами, что даетъ имъ особенно нарядный видъ. Этотъ обычай, встрѣчающійся въ настоящее время еще у киргизовъ, по крайней мѣрѣ въ Букеевской ордѣ, отмѣченъ еще въ XVIII в. 1).

Переходя затѣмъ къ внутреннему устройству киргизской юрты, мы увидимъ, что оно не представляетъ сколько нибудь рѣзкихъ отличій отъ устройства коническихъ юртъ алтайскихъ инородцевъ

1) Миллеръ: Описаніе. II. стр. 129.

и карагасовъ. И здѣсь, какъ и тамъ, очагъ находится посрединѣ, причѣмъ огонь раскладывается или непосредственно на землѣ, или вмѣстилищемъ для топлива служитъ небольшое углубленіе (это мѣсто называется *отбасы*). Надъ очагомъ ставятъ треножникъ, на которомъ укрѣпляется котель, употребляемый при варкѣ пищи. По словамъ г. Маковецкаго, киргизы наблюдаютъ, чтобы промежутокъ между ножками треножника приходился противъ двери. Противъ двери, полукругомъ, продолжаетъ цитируемый авторъ, возлѣ рѣшетки устанавливаются на невысокихъ подставкахъ ящички (*сандыкы*) съ различнымъ добромъ киргиза. Передъ ящичками лежатъ ковры и хорошія, обыкновенно вышитыя, кошмы (*сырмакы*). Самое почетное мѣсто въ юртахъ — противъ двери, у ящичковъ. Здѣсь усаживается гость на коверъ или сырмакъ, иногда — на одѣяло. Это мѣсто называется, какъ и у алтайскихъ *тёръ*. — При входѣ, отъ дверей направо, нѣкоторая часть юрты отдѣляется ширмой изъ чіа; она служитъ кладовой; здѣсь на кереге развѣшано мясо, стоитъ треножникъ, ведра и на деревянной невысокой подставкѣ — *саба*, кожаный мѣшокъ для кумыса; кромѣ того здѣсь-же помѣщается этажерка — *осадалы*, на которой хранятся припасы, кровать (*тосань-орунъ*), ящичъ (*кебеже*), въ которомъ хранятся лучшіе съѣстные припасы и все, что чаще нужно подъ рукой, напр. чайная посуда. Мѣсто хозяина или хозяйки въ юртѣ — передъ кроватью. Если въ семьѣ есть взрослые дѣвѣцы или женатый (у бѣдняковъ) сынъ, то лѣвая часть юрты отъ входа отдается имъ и отдѣляется занавѣской. Это-же мѣсто служитъ для положенія умершихъ; тогда тоже оно отдѣляется занавѣсью. Болѣе богатые киргизы строятъ отдѣльныя юрты для взрослыхъ сыновей, гостей и пр. Гордость киргиза заключается и въ настоящее время въ обладаніи большимъ количествомъ юртъ и при томъ разнаго типа. Въ XVIII в. знатные и зажиточные киргизы устраивали особыя юрты «для женъ, дѣтей, стряпни, и для съѣстныхъ припасовъ»¹⁾. Если и въ настоящее время киргизскія юрты считаются, если оставить въ сторонѣ туркменскія, одними изъ наиболѣе богатыхъ по своему внутреннему устройству, то въ прежнее время онѣ были еще богаче въ этомъ отношеніи, когда украшеніемъ юрты служило оружіе; этотъ обычай въ настоящее время почти совершенно вывелся у большинства

¹⁾ Миллеръ: Описаніе II. 129.

киргизовъ, въ томъ числѣ и у букеевскихъ, у которыхъ развѣ только какъ исключеніе можно встрѣтить еще старинное оружіе, хотя этотъ способъ украшенія юрты и былъ имъ извѣстенъ еще сравнительно недавно ¹⁾.

Что касается **покрытія и внутренняго устройства калмыцкихъ юртъ**, то наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія по этому вопросу помѣщены въ трудѣ г. Житецкаго ²⁾. Существенныхъ отличій отъ покрытія киргизскихъ юртъ мы здѣсь не находимъ; почти тождественъ и самый способъ установки остова. Въ общемъ, по словамъ г. Житецкаго, для покрытія юрты требуется не менѣе 12 кошмъ, а именно: 4 нижнія кошмы—*иребчи*, каждая шириной въ 1 арш. и болѣе; онѣ употребляются для покрытія рѣшетки юрты снизу. Далѣе 4 среднія кошмы—*турго*, соотвѣтствующія *узюкъ* на киргизскихъ кибиткахъ и имѣющихъ также низъ шире, чѣмъ верхъ, и бока вырѣзанные во внутрь. Онѣ накидываются на шести, образующіе верхъ юрты, но такъ, что закрываютъ только часть, нижнюю половину, крыши, а нижними своими концами закрываютъ нѣсколько верхнюю часть иребчи. Верхнія, кошмы *деберъ* которыхъ бываетъ двѣ, дѣлаются сходными по формѣ съ *турго*, но длиннѣе и шире ихъ; онѣ покрываютъ верхнюю часть юрты отъ дымоваго отверстія (харачи) и внизъ, налегая нижними краями на *турго* до рѣшетки. Дверная кошма (*иште удун*)—четыреугольная, продолговатая кошма, которая укрѣпляется нѣсколько ниже линіи прикрѣпленія *турго* надъ дверью и служитъ наружной занавѣской послѣдней. Въ противоположность киргизской двери-кошмѣ, она не украшается узорами ни у калмыковъ ни у другихъ монгольскихъ народностей. Наконецъ для прикрѣпленія дымоваго отверстія служитъ еще четырехугольная кошма (*өркѣ*) съ вырѣзанными глубоко во внутрь боками, отчего получается четыре длинныхъ около аршина конца или угла, къ которымъ прикрѣплены четыре шерстяныя веревки; харачи посредствомъ *өркѣ* закрывается не на глухо, причѣмъ для пропуска свѣта и воздуха, при помощи веревокъ, легко загибается одинъ изъ угловъ *өркѣ*. Ко всѣмъ кошмнымъ частямъ прикрѣплены тесмы, которыя и служатъ для закрѣпленія ихъ на деревянномъ остовѣ.

¹⁾ А. Харузинъ: Киргизы Букеевской Орды. I, стр. 73, 74.

²⁾ И. А. Житецкій: Очерки быта астраханскихъ калмыковъ. Тр. От. Этногр. И. О. Л. Е. А. и Этнографіи. XII, 1.

Внутреннее убранство калмыцкой кибитки представляет мало различій, въ существенныхъ по крайней мѣрѣ чертахъ, отъ киргизской: „противъ маленькой, низкой двери, пишетъ А. А. Ивановскій, обыкновенно стоятъ деревянные ящики съ имуществомъ хозяевъ, нагроможденные другъ на друга. По лѣвую сторону отъ ящиковъ ставится низкая складная кровать; передъ ней отъ верха кибитки до низу протянуть занавѣсъ—кошкэ. Отъ кровати къ дверямъ ставится разная домашняя утварь: котлы, треножки, кожаные мѣшки для айрана и молока, мѣдные чайники, ведра, ложки и т. п. По правую сторону ящиковъ кладутся принадлежности для верховой ѣзды: сѣдла, узды. Передъ ящиками разстилается на полу вышитая кошма, а передъ ней на низкихъ ножкахъ ставится круглый деревянный столъ. По срединѣ кибитки—очагъ“. ¹⁾ Къ этому можно, со словъ г. Житецкаго, прибавить, что на лѣво отъ кровати, т. е. почти непосредственно противъ дверей, оставляется небольшой промежутокъ—*таклын шире* (жертвенный столъ), гдѣ помѣщается *хобол*—ящикъ съ бурханами; далѣе, что рядомъ съ послѣднимъ, влѣво, ставится *барун-баран* „родъ кладовой и гардероба“, составленный изъ поставленныхъ отчасти рядомъ, отчасти другъ на другѣ ящиковъ и сундуковъ, что такая же „кладовая“, только меньшихъ размѣровъ (*зюн-баран*), находится и направо отъ кровати, и наконецъ, что около послѣдняго, ближе къ двери, привѣшивается *табизэ*—полка для постановки деревянныхъ чашекъ, ножей и кухонныхъ приборовъ.

У другихъ монгольскихъ кочевыхъ народностей, если оставить въ сторонѣ божницу, мы также не встрѣтимъ чертъ, рѣзко отличающихъ внутреннее убранство кибитокъ сравнительно съ киргизскими. Обширная божница, представляетъ раскрашенный ящикъ (шкатулку), поставленный на другой, болѣе простой ящикъ. „Нерѣдко, пишетъ Г. Н. Потанинъ, божница, бываетъ драпирована шелковыми матеріями. На шкатулкѣ выставляются бурханы, преимущественно въ видѣ иконъ, писанныхъ на бумагѣ или дабѣ; передъ ними рядъ мѣдныхъ чашечекъ, цокцо, въ которыя наливается вода и кладутся части отъ дневной пищи—сыръ, творогъ и проч. Тутъ-же ставятся искусственные цвѣты, рѣзныя фигуры

¹⁾ А. А. Ивановскій: Монголы-Торгоуты. Тр. Автропол. Отд. II. О. Д. Е. А. и Этн. XIII, стр. 10, 11.

и другія украшенія. Подобные домашніе алтари устраиваются во всѣхъ юртахъ безъ исключенія; въ самой бѣдной юртѣ или хатгурѣ какого-нибудь обнищавшаго въ конецъ урянхайца найдется небольшой ящикъ, и передъ нимъ хоть одна мѣдная цокцо, а въ самомъ ящикѣ хранятся два, три печатанья на бумагѣ изображенія Дзонкавы, Аюши, Манджишири, или глиняный покрытый сусальнымъ золотомъ медальонъ Джангырсэка; все это тщательно укутано сначала въ шелковыя, потомъ въ бумажныя тряпки, чтобы не ветшало отъ выставки⁴. Въ общемъ, по словамъ того-же изслѣдователя, внутренность монгольской юрты гораздо больше наполнена утварью и скарбомъ, чѣмъ киргизская, и богаче громоздкой деревянной посудой. ¹⁾

Поль въ кибиткахъ обоихъ типовъ земляной, покрываемый часто кошмами или коврами, равно и камышевой настилкой, зимой иногда и звѣриными шкурами. Богатые монголы иногда устраиваютъ и деревянный поль. ²⁾

При описаніи обоихъ типовъ юртъ мы имѣли въ виду жилища зажиточныхъ хозяевъ; въ общемъ юрта бѣднаго хозяина отличается отъ юрты богатаго только величиной и чистотой войлоковъ и внутреннимъ убранствомъ. Такъ напр., въ то время какъ у богатыхъ устраиваются отдѣльные коши для молодого или больного скота, у бѣдныхъ монголовъ, по словамъ г. Пѣвцова, въ юртѣ можно встрѣтить и новорожденныхъ телятъ, ягнятъ или козлятъ, помѣщающихся въ очищенномъ для нихъ тѣсномъ уголкѣ; внутренняя поверхность юрты, въ особенности у бѣдныхъ, заполнена копотью, „которая, по словамъ того-же автора, вмѣстѣ съ пылью образуетъ на куполѣ и перекладинахъ цѣлыя пряди, спускающіяся въ видѣ бахромъ“. Въ общемъ рѣшетчатыя кибитки по общимъ отзывамъ, не производятъ того непріятнаго впечатлѣнія, какъ коническія юрты; лѣтомъ онѣ прохладны и, открывая войлоки, покрывающіе рѣшетки, дается возможность проходить свѣжему воздуху. Зимой онѣ менѣе удобны: несмотря на то, что ихъ покрываютъ на зиму двойнымъ рядомъ войлоковъ, что въ срединѣ, въ очагѣ, горитъ почти безпрестанно огонь, онѣ довольно плохо защищаютъ отъ холода и вьюги.

1) Г. Н. Потанинъ: Очерки Сѣверо-Зап. Монголіи. II, стр. 109, 110.

2) Пржевальскій: Монголія и страна Тангутовъ. I, стр. 35.

Въ описанныхъ типахъ мы видѣли, что очагъ устраивается либо непосредственно на землѣ, либо въ углубленіи. У монголовъ, кочующихъ виѣ предѣловъ Россіи, очаги въ значительной мѣрѣ уже усовершенствованы. Для того, чтобы аргаль (=кизякъ, сухой скотскій пометъ) горѣлъ лучше, употребляется, по словамъ г. Пѣвцова, бездонная цилиндрическая рѣшетка, въ которую и накладывается аргаль; эта рѣшетка служитъ одновременно и таганомъ; „она состоитъ изъ плоскихъ желѣзныхъ обручей, отъ 8—12 вершковъ въ діаметрѣ, скрѣпленныхъ между собою параллельно четырьмя желѣзными пажиланами съ багровидными, выдающимися немного вверхъ концами, на которыхъ покоится сферическій котелъ“. Рѣшетка имѣетъ обыкновенно 9—12 вершковъ высоты; благодаря свободному притоку воздуха съ боковъ, аргаль въ рѣшеткѣ горитъ лучше. Въ послѣднее время, замѣчаетъ тотъ-же авторъ, въ западной Монголіи стали мало-по-малу появляться желѣзные печи для нагрѣванія юртъ зимою. Монголы переняли ихъ отъ бійскихъ купцовъ, торгующихъ въ Кобдо и Улясутаѣ, употреблявшихъ подобныя печи для своихъ помѣщеній въ указанныхъ городахъ. Привезенныя такимъ образомъ изъ Бійска печи понравились нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ китайскихъ торговцевъ, „заказавшихъ нашимъ купцамъ доставить такія же печи и для нихъ. По ввезеннымъ бійскими купцами образцамъ, желѣзные печи въ Кобдо и Улясутаѣ стали готовить тамошніе купцы-китайцы на продажу сначала горожанамъ, а потомъ и окрестнымъ монголамъ. Листовое желѣзо для этихъ печей покупается у нашихъ купцовъ, и онѣ цѣнятся 10—12 ланъ (25—30 руб.), а потому доступны только зажиточнымъ монголамъ“. ¹⁾

Рѣшетчатая юрта широко распространена у многихъ кочевыхъ и полукочевыхъ инородцевъ: видоизмѣненія чрезвычайно незначительны; нѣкоторыя изъ нихъ однако необходимо имѣтъ въ виду для уясненія исторіи развитія этого вида переноснаго жилища. Если турименская кибитка отличается отъ киргизской только подчасъ большей величиной и бѣльшимъ богатствомъ въ убранствѣ, то причины этого слѣдуетъ искать въ большемъ благосостояніи владѣльцевъ ихъ: въ общемъ-же она представляетъ повтореніе киргизской.

¹⁾ М. В. Пѣвцовъ: Очеркъ путешествія по Монголіи, стр. 69, 70.

Хотя сарты въ Хами и перешли отчасти уже къ полной осѣдлости, но въ нѣкоторыхъ частяхъ хамійскаго оазиса еще сохраняется полукочевой бытъ: на лѣто они покидаютъ свои фанзы и выселяются на пашни, гдѣ они живутъ въ юртахъ монгольскаго типа. Хотя внутренняя обстановка этихъ жилищъ, замѣчаетъ Г. Н. Потанинъ, кромѣ отсутствія ламайскихъ особенностей, ничѣмъ не отличается отъ монгольскихъ, нельзя однако думать, что это временное явленіе, вызванное дунганскимъ мятежемъ и разореніемъ, а не остатокъ стараго быта. Существованіе особой отъ монгольской номенклатуры для частей юрты, полный составъ кочевой обстановки, и наконецъ, увѣренія самихъ жителей, что они съ незапамятныхъ временъ жили лѣтомъ въ юртахъ, говорятъ противъ такого предположенія. ¹⁾

У башкиръ мы встрѣчаемъ киргизскій типъ кибитокъ (*термой*). Главное отличіе ея отъ киргизской заключается въ томъ, что дверь у башкирской юрты всегда деревянная двухстворчатая и никогда не дѣлается изъ кошмы. Занавѣсъ дѣлать башкирскую юрту на двѣ части: мужскую (*шикъ-якъ*, т. е. дверная сторона, такъ какъ дверь находится въ мужской половинѣ) и женскую—*шаршау-уси* или *туръ-башъ*. Если у хозяина нѣсколько женъ, то шаршау бываетъ двѣ. Противъ дверей кибитки устраивается печь, сложенная изъ 4 плитъ, на которыя ставится казанъ. По сторонамъ печи вбиты 4 шеста, къ верхнимъ концамъ которыхъ привязана рама съ тонкими перекладинами; это—*лашъ*, мѣсто для сушки крута (родъ сыра). ²⁾

У алтайскихъ инородцевъ мы встрѣчаемся также съ рѣшетчатой юртой, которая строится ими по монгольскому типу, т. е. съ конусообразнымъ верхомъ. Мы видимъ у нихъ устройство дверной рамы, хотя обычай завѣшивать дверь звѣриной шкурой и продолжаетъ еще сохраняться, не смотря на то, что сама юрта покрыта кошмами. Въ общемъ рѣшетчатая юрта лучше, просторнѣе и свѣтлѣе, чѣмъ тотъ видъ алтайскихъ юртъ съ конусообразнымъ верхомъ, который нами описанъ выше, и который можетъ быть признанъ переходной формой отъ чисто конической юрты къ рѣшетчатой. Но

¹⁾ Г. Н. Потанинъ. Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. II, стр. 12.

²⁾ П. С. Назаровъ: Къ этнографіи башкиръ. Этног. Обзор. VI, стр. 179, 180.

кошмы у алтайцевъ, покрывающія остовъ рѣшетчатой юрты, обыкновенно стары и дырavy; даже богатые не имѣютъ хорошихъ покрышекъ, а остовъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ хорошо сработанъ. В. Радловъ замѣчаетъ, что по Чуѣ онъ не видалъ ни одной рѣшетчатой юрты съ хорошо выдѣланнымъ остовомъ и что онъ не ночевалъ ни въ одной юртѣ, которая могла бы защитить его отъ дождя. Единственная хорошая рѣшетчатая юрта, которую В. Радловъ видѣлъ въ указанной мѣстности, покрытая новыми бѣлыми войлоками, была, по крайней мѣрѣ остовъ, привезена изъ Монголіи. ¹⁾

Качинскіе татары живутъ въ настоящее время частью въ такихъ-же рѣшетчатыхъ юртахъ, какъ и алтайцы, ²⁾ и этотъ видъ жилища встрѣчался у нихъ еще въ XVIII в., но и тогда, какъ и въ настоящее время, онъ отличался бѣдностью; „юрты ихъ или палатки, пишетъ Палласъ, гдѣ они живутъ также и зимою, пространны и обиты войлокомъ, совершенно подобны киргизскимъ или калмыцкимъ. Но они живутъ, не выключая богатѣйшихъ, весьма не чисто“; ³⁾ а въ „Описаніи народовъ“ (изд. Миллера) ⁴⁾ мы находимъ интересное свидѣтельство о замѣнѣ покрытія кошмами берестой: „юрты ихъ сходны съ башкирскими въ видѣ и въ величинѣ. Зимою покрываютъ и они ихъ войлоками, а лѣтомъ вареною берестой“.

У караналпаковъ юрты (киргизскаго типа) превышаютъ размѣрами киргизскія и туркменскія, но отличительный признакъ ихъ заключается, по Вамбери, въ томъ, что онѣ лишены всякихъ украшеній и въ большинствѣ случаевъ имѣютъ грязный и бѣдный видъ: вмѣсто пестрыхъ поясовъ, которыми прикрѣпляются кошмы къ остову, пишетъ тотъ-же авторъ, вмѣсто кошемъ употребительныхъ у другихъ кочевниковъ, здѣсь часто въ качествѣ наружнаго покрытія выступаютъ шкуры животныхъ, а изукрашенное у другихъ кочевниковъ внутреннее помѣщеніе занято у караналпаковъ телятами. Прекрасные ковры, и подчасъ искусно вытканые мѣшки,—производство, которымъ туркменки гордятся не безъ основанія,—

¹⁾ Radloff. Aus Sibirien I, стр. 268—269.

²⁾ ibid. стр. 376.

³⁾ Палласъ: Путешествіе. II, пол., 2. стр. 461.

⁴⁾ т., II, стр. 153.

отсутствуют здѣсь окончательно, а чистоты, даже въ жилыхъ помѣщеніяхъ наиболѣе богатыхъ лицъ, здѣсь не встрѣтишь. ¹⁾

Кибитки **Кундровскихъ татаръ** представляютъ калмыцкій типъ, но палки, образующія рѣшетку скрѣпляются по способу киргизскихъ кереге; небезынтересно, что рѣшетка у кундровскихъ татаръ носитъ монгольское названіе—*тырмэ*, хотя остальные части остова кибитки имѣютъ названія тюркскія (*ук*, *шатарак*); кромѣ обычнаго покрытія землянаго пола юрты кошмами, кундровцы покрываютъ его и рогожами, на которыя кладутся тюфяки, набитые шерстью или перинами. ²⁾

У **бурятъ** мы встрѣчаемъ также рѣшетчатую войлочную юрту: она извѣстна какъ забайкальскимъ, такъ и сѣвернымъ бурятамъ, причемъ у послѣднихъ, по мнѣнію г. Хангалова, ³⁾ она появилась впоследствии и заимствована ими у забайкальскихъ своихъ сородичей.

Калмыцкій-же типъ кибитки мы встрѣчаемъ и у родственныхъ кундровскимъ татарамъ **караногайцевъ**—съ монгольскимъ-же названіемъ *тэрмэ*. Рядомъ съ этимъ типомъ встрѣчается однако и киргизскій типъ юрты, называемый караногайцами *отовъ*, причемъ отовы устраиваются всегда меньшихъ размѣровъ, чѣмъ *тэрмэ*. Двери кибитокъ (одна-или двустворчатая) деревянные и пестро раскрашены; на зиму надъ дверями привѣшиваютъ еще вышитый войлокъ; окружность *тэрмэ* достигаетъ 12 саж., въ то время какъ высота ея только 1 саж.; дымовое отверстіе—1 кв. арш. Съ трехъ сторонъ внутри кибитки постланъ на землѣ плетеный камышь, на которомъ разстилаютъ вышитые и простые войлоки; послѣдніе уставлены подушками. ⁴⁾

Во многихъ аулахъ караногайцевъ, пишетъ г. Г. Ананьевъ, ⁵⁾ можно встрѣтить *куй-мэ*—свадебную арбу, которая отличается отъ обыкновенныхъ арбъ тѣмъ, что она имѣетъ форму арбы съ кибиткой, причемъ послѣдняя сдѣлана не изъ рогожи или войлока,

¹⁾ V á m b é g y. Das Türkenvolk стр. 380.

²⁾ В. А. Мошковъ: въ Изв. О. Арх. Ист. и Этногр. при И. Каз. Ун. XII, вып. I, стр. 16, V á m b é g y: Das Türkenvolk; стр. 555.

³⁾ М. Хангаловъ: Нѣсколько данныхъ для характеристики быта сѣв. бурятъ; въ Этногр. Обзор. X, стр. 145.

⁴⁾ Ананьевъ: Караногайцы. стр. 38—40. въ Мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. XX.

⁵⁾ ib. стр. 41.

а изъ досокъ; кибитка эта сзади и спереди прикрѣплена къ арбѣ дощечками, раскрашенными въ разные пестрые цвѣта. Позади арбы имѣется маленькое квадратное отверстіе, а спереди двухстворчатая дверца; въ такихъ арбахъ возятъ невѣсть въ домъ жениховъ, чтобы никто ихъ не могъ видѣть. Мы имѣемъ здѣсь дѣло очевидно съ пережиткомъ вида, т. ск. подвижнаго жилища, который сохранился лишь при свадебномъ обрядѣ. Дѣйствительно караногайцы, насколько намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстно, представляютъ единственный примѣръ народности изъ числа живущихъ въ предѣлахъ Россіи тюрковъ или монголовъ, которые сохранили еще подвижныя, перевозимыя цѣликомъ жилища. До настоящаго времени, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ тѣмъ-же авторомъ, при перекочевкахъ (лѣтомъ онѣ совершаются нѣсколько разъ) тѣрмѣ разбираются, а „*отовы* поднимаются цѣликомъ и ставятся на арбу, причемъ колеса арбы не касаются стѣнокъ отова, ибо діаметръ основанія его въ $1\frac{1}{2}$ раза больше ширины арбы съ колесами“. Способъ перекочевки, подобный только что описанному у караногайцевъ, въ прежнее и притомъ еще не очень отдаленное время былъ распространенъ значительно шире. Мы считаемъ поэтому необходимымъ остановиться на немъ, такъ какъ онъ представляетъ интересный моментъ въ исторіи развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей.

Объ употребленіи кочевыми народами крытыхъ телѣгъ извѣстно еще со словъ писателей классическаго міра, начиная съ Геродота. О существованіи ихъ у тюрковъ и монголовъ мы узнаемъ отъ средневѣковыхъ писателей. Такъ напр. Марко Поло, говоря о татарахъ упоминаетъ отдѣльно объ ихъ кибиткахъ и объ крытыхъ повозкахъ: въ то время какъ первыя состояли изъ кольевъ, покрытыхъ войлоками, имѣли круглую форму и складывались въ связку при перекочевкахъ на 4-хъколесныя телѣги, — вторыя представляли повозки о двухъ колесахъ, „также покрытыя войлокомъ и превосходныя до того, что татары, сидя въ нихъ, выдерживаютъ цѣлый день дождь, не промокнувъ; эти телѣги тащатъ волы и верблюды, продолжаетъ путешественникъ, въ нихъ возятъ татары своихъ женъ и дѣтей, домашнюю посуду и необходимыя припасы“.¹⁾

¹⁾ Путешествія Марко Поло, пер. Шемякина, стр. 178, 179.

То-же подтверждаетъ и Плато Карпини, хотя изъ его свидѣтельства становится уже яснымъ, что рѣчь идетъ не о крытыхъ повозкахъ, а объ кибиткахъ, перевозимыхъ на колесахъ: „иныя (жилища) скоро разбираются и опять складываются и навьючиваются на скотину, другихъ же разбирать нельзя, а ставятъ ихъ на повозки. Куда бы они ни ходили, на войну или съ мѣста на мѣсто, всегда берутъ ихъ съ собою». ¹⁾

Наконецъ у третьяго писателя XIII-го в. Рубруквиса мы встречаемъ нѣкоторыя подробности сравнительно съ двумя, упомянутыми выше: о складныхъ кибиткахъ Рубруквисъ ничего не говоритъ, причѣмъ относительно кибитокъ на колесахъ можно вывести заключеніе, что онѣ устраивались изъ плетня, и только верхъ ихъ покрывался кошмами: „дома ихъ утверждены на колесахъ и состоятъ изъ переплетенныхъ кусковъ дерева и кончаются наверху отверстіемъ на подобіе камина, покрытымъ бѣлымъ войлокомъ“. Дверь закрывается узорнымъ войлокомъ. „Эти дома у нихъ бываютъ такихъ размѣровъ, что они имѣютъ до 30-ти футовъ длины; я нѣсколько разъ измѣрялъ одинъ, который имѣлъ отъ одного колеса до другого 20 футовъ; и когда этотъ домъ былъ поставленъ на колеса, онъ выходилъ за ихъ предѣлы... я насчиталъ до 22 воловъ, чтобы свезти одинъ изъ такихъ домовъ: одиннадцать съ одной стороны и одиннадцать съ другой“. Такимъ же образомъ устраивали татары, по словамъ Рубруквиса, и маленькія кибитки, въ которыхъ они перевозили свое имущество. ²⁾

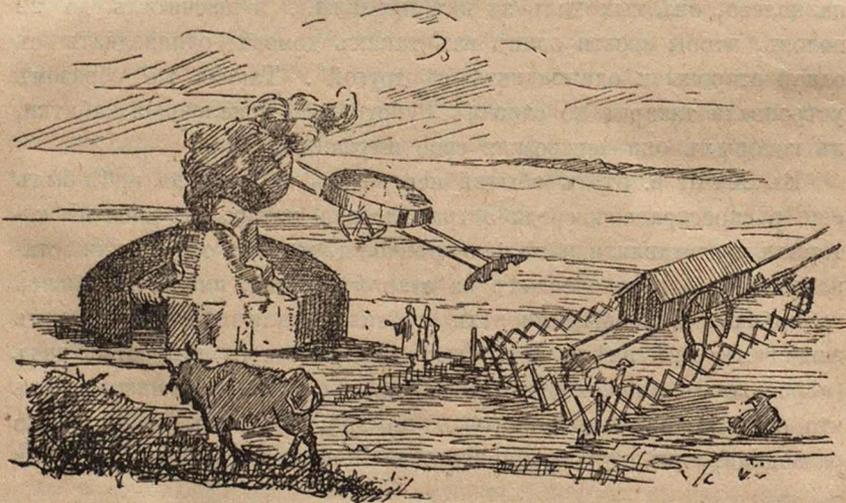
Въ XVIII в. этотъ обычай перевозить кибитку на арбѣ былъ еще распространенъ среди астраханскихъ татаръ ³⁾, кибитки которыхъ представляли настолько крѣпкое цѣлое, что остовы или оставались при перекочевкахъ на старомъ мѣстѣ, или перевозились на арбахъ. Подобныя кибитки служили исключительно лѣтнимъ жилищемъ; онѣ имѣли отчасти круглый, отчасти угловатый видъ (вѣроятно въ зависимости отъ матеріала), были очень низки, „такъ что едва въ нихъ прямо стоять можно“; въ нихъ огонь рѣдко разводили, такъ какъ для приготовленія пици устраивались особыя

¹⁾ Плато Карпини, кн. II. гл. 2. въ Собр. путешествій къ татарамъ (СПб. 1825), стр. 81.

²⁾ Voyage de Rubruquis en Tartarie. стр. 6 — 7. Bergeron Voyages faits en Asie. I. (1735 г.).

³⁾ Гмелинъ: Путешестіе по Россіи въ 1759—1770 г. II., стр. 174, 175.

юрты. Палласъ ¹⁾ лично посѣтившій кочующія селенія кундровскихъ татаръ описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: Мы видѣли, пишетъ онъ, три ихъ кочующія селенія. Ихъ юрты видомъ и строеніемъ весьма различествуютъ отъ употребляемыхъ калмыками и другими азіатскими кочующими народами. Ихъ не можно по частямъ разбирать, но тѣмъ удобнѣе ихъ ставить можно такой вточъ величины, что могутъ установиться на большой телѣгѣ и въ поперечникѣ не много болѣе 4—5 арш.... для переносенія сихъ кибитокъ съ мѣста на мѣсто ставятъ они ихъ на высокую двуколесную телѣгу, наз. арба, такъ что они какъ спереди, такъ и сзади лежатъ на оси и на подобіе зонтика покрываютъ всю телѣгу и съ колесами. На телѣгу кладутъ они все ихъ малое стяжаніе, сундуки, посуду и т. п., потомъ садятъ жену и дѣтей и со всѣмъ тѣмъ отъѣзжаютъ. У богатыхъ бываетъ такихъ кибитокъ по двѣ и болѣе, смотря по семьѣ, сверхъ того еще телѣга съ построеннымъ на оной спальнымъ чуланомъ, въ коихъ они съ женами своими покоятся. Когда они лѣтомъ, когда видятъ, что на одномъ мѣстѣ не могутъ долго прокормить свой скотъ, то юрты и всего домашняго своего снабдѣя съ телѣгъ не снимаютъ, но сидятъ подъ ними...

7. Юрта и спальный чуланъ на колесахъ у татаръ XVIII в.

¹⁾ Палласъ: Путешествіе. III, пол. 2-я, стр. 140—141.

и подъ тѣнію юрты отправляютъ свои работы. (рис. 7¹⁾) „Ежели они въ лѣтнюю пору травятъ гдѣ-ни есть короткое только время, то не снимаютъ они юртъ своихъ съ телѣгъ, но подъ оными сидятъ, ѣдятъ и спятъ. Зажиточные люди имѣютъ по двѣ и больше юртъ на телѣгахъ; нѣкоторые же строятъ и деревянные спальные чуланы на таковыхъ телѣгахъ: почему кочевья ихъ кажутся подвижными деревнями или станами» (ibid. стр. 41.)

Отъ XVIII-го вѣка мы имѣемъ свидѣтельство Клемана объ существованіи этого же обычая среди татарскаго населенія, кочевавшаго между Бендерами и Очаковымъ. Въ то время бессарабскіе татары имѣли уже рѣшетчатыя юрты, которыя, судя по описанію Клемана, въ способѣ своего устройства ничѣмъ не отличались отъ современныхъ рѣшетчатыхъ юртъ, если откинуть обычай надѣ дымовымъ отверстіемъ вывѣшивать на шестѣ нѣчто въ видѣ флага (бѣлый съ синимъ),—обычай прежде болѣе распространенный и выведшійся у большинства описанныхъ народностей въ настоящее время. Подобную рѣшетчатую юрту можно было перевозить не разбирая на телѣгъ, запряженной верблюдомъ.²⁾ Въ этомъ же смыслѣ слѣдуетъ, повидимому, понимать и слова Мартына Броневскаго, имѣвшаго возможность наблюдать крымскихъ степныхъ татаръ въ XVI в.: „въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (татары) откочевываютъ съ женами, дѣтьми, семьею, рабами и съ кибитками. Эти кибитки круглы и покрыты войлоками, но едва могутъ вмѣщать въ себя отъ 4—5 человѣкъ. Татары укладываютъ все на двуколесные возы, запряженные однимъ или двумя верблюдами, иногда волами... татары отправляются (кочевать) въ Перекопъ... иногда въ самую Таврику... иногда въ Азовъ“.³⁾ Неясное въ словахъ Броневскаго, касающееся интересующаго насъ вопроса въ достаточной степени выясняется свидѣтельствомъ путешественника XVII в., доминиканца де-Люка, замѣчающаго, что у перекопскихъ татаръ лѣтнія жилища представляютъ „круглые верхи (кибитки), арбы (плетеныя) изъ ивы, которые ставятся на колеса; такъ какъ лѣтомъ у нихъ вовсе нѣтъ постоянного мѣстопробыванія, то перевозятъ эти жилища туда, гдѣ на-

1) Рисунокъ 7 заимствованъ изъ „Описанія народовъ“, изд. Миллера. II, стр. 6.

2) Kleemann's Reisen, стр. 83, 84.

3) Описание Крыма Tartariae descriptio, Мартына Броневскаго въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древ. VI, стр. 377, 338.

ходятъ пастбище“¹⁾, равно и замѣчаніемъ Палласа (I. с.), когда онъ вслѣдъ за описаніемъ кундровскихъ татаръ говоритъ, что „по достовѣрнѣйшимъ повѣствованіямъ, крымскіе и бессарабскіе татары нравами, видомъ и родомъ жизни совершенно сходятъ съ описанными татарами“.

Какое мѣсто слѣдуетъ удѣлить этимъ кибиткамъ на колесахъ въ исторіи развитія жилища у тюрковъ и монголовъ? Н. М. Ядринцевъ, первый изъ русскихъ изслѣдователей, пытавшійся начертать на основаніи преимущества типовъ исторію жилища у тюрковъ, былъ, повидимому, склоненъ отводить имъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи развитія жилища кочевника. Такъ, говоря о способахъ современнаго кочеванія и правилахъ, регулирующихъ послѣднее, онъ замѣчаетъ, что „историческія изысканія доказываютъ, что прежде способы кочеванія были другіе. Хунну и гіень-ну (тюрки), а затѣмъ монголы имѣли болѣе простора. Передвиженіе было постоянное; кочевникъ даже не зналъ, гдѣ онъ остановится. Самое жилище или юрта была не только походная, складная, какъ нынѣ, но кибитка была поставлена на телѣги и съ телѣгами перевозилась“.²⁾ Другой изслѣдователь первобытной культуры тюрковъ Вамбери, полагаетъ, что кибитка на колесахъ ногайцевъ замѣнила *кедшеве* или *палеки*—плетенныя мѣста сидѣнья на верблюдахъ или муллахъ, и что эти кибитки употреблялись во всякомъ случаѣ только во время странствованій. Монголы, продолжаетъ тотъ же авторъ, также употребляли ихъ (кибитки на колесахъ) при Чингисѣ и его потомкахъ, но только въ волжскихъ областяхъ, а не на родинѣ³⁾, чему однако противорѣчитъ вышеприведенное свидѣтельство Марка Поло, который имѣетъ въ виду не волжскихъ степныхъ татаръ, а кочующихъ зимой въ равнинахъ, лѣтомъ въ горахъ, т.-е. во всякомъ случаѣ азіатскихъ татаръ, а равно и сообщенія Платона Карпини.

Въ пользу мнѣнія Вамбери, что кибитки на колесахъ служили только временнымъ жилищемъ, говоритъ и то, что ни одинъ изъ цитованныхъ нами писателей и не говоритъ о нихъ, какъ жилищахъ постоянныхъ. Кромѣ того, скотоводческой бытъ, изобрѣ-

1) Описаніе перекопскихъ и ногайскихъ татаръ Жана де-Люка въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древ. XI, стр. 483.

2) Н. М. Ядринцевъ: Сибирскіе инородцы, стр. 246, 247.

3) V à m b è r y: Das Türkenvolk, стр. 551.

теніе колеснаго экипажа, приученіе животныхъ къ перевозкѣ является сравнительно высокой стадіей развитія, которой предшествовалъ звѣроловческой періодъ жизни народа, а типы жилищъ, которые представляетъ этотъ періодъ среди тюркскихъ народностей, мы описали уже выше. Необходимость совершать перекочевки и подчасъ переселенія съ женами и дѣтьми должна была вызвать потребность къ прикрытію телѣгъ отъ непогоды; съ развитіемъ жилища въ легко переносимое первоначальное прикрытіе должно было замѣниться перевозомъ на арбѣ цѣлой кибитки: это было вызвано необезпеченностью степнаго кочевника въ матеріалѣ, необходимомъ ему для постройки себѣ шалаша. Мы и видимъ дѣйствительно, что кибитка, уставляемая на колеса, видоизмѣняется по мѣрѣ измѣненія и развитія жилища; такъ кундровскіе татары ставили на арбы свои небольшія юрты, которыя мы считаемъ въ числѣ переходныхъ формъ отъ первобытнаго шалаша къ рѣшетчатой юртѣ; съ появленіемъ этой послѣдней бессарабскіе татары перевозятъ ее не разбирая, наконецъ современные караногайцы дѣлаютъ это также съ рѣшетчатыми юртами (*отовами*), которыя появились у нихъ въ замѣнъ описанныхъ у ногайцевъ же XVIII в. юртъ переходнаго къ рѣшетчатой юртѣ типа. Что этотъ обычай продолжаетъ существовать и въ настоящее время у караногайцевъ, не должно удивлять: съ одной стороны перевозить кибитку не разбирая несомнѣнно менѣ хлопотливо, чѣмъ разбирать ее и снова устанавливать на новомъ мѣстѣ, съ другой стороны, если маленькіе, неудобные отовы продолжаютъ вообще существовать у караногайцевъ, несмотря на знакомство ихъ съ болѣе обширными кибитками, то это объясняется вообще консерватизмомъ народа въ отношеніи къ прежнимъ формамъ жилищъ, съ которыми онъ не легко расстаётся, и примѣры чего намъ еще придется неоднократно встрѣтить. Въ описанной г. Ананьевымъ свадебной арбѣ не трудно узнать спальные чуланы кундровцевъ, о которыхъ упоминаетъ Палласъ: помѣщеніе, прежде постоянное, устраиваемое себѣ супругами, обратилось въ ритуальный экипажъ для перевоза невѣсты.

Такимъ образомъ въ общей исторіи развитія жилищъ у тюрковъ и монголовъ кибитка на колесахъ, являются, на нашъ взглядъ, только отпрыскомъ, вызваннымъ условіями жизни этихъ народностей: большими передвиженіями въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ — отпрыскомъ, который не далъ никакихъ самостоятельныхъ формъ и

исчезъ почти совершенно, съ появленіемъ новыхъ болѣе усовершенствованныхъ типовъ жилищъ и съ сокращеніемъ района کوچеванья.

Возвращаемся къ рѣшетчатой юртѣ. Мы видѣли, что она широко распространена. Какъ бы ни было рѣзко отличіе современной рѣшетчатой юрты въ ея развитомъ видѣ отъ первобытнаго конического шалаша, предшествующее изложеніе показало, что она появилась не сразу, что можно намѣтить промежуточные звенья, связующія ее съ первобытнымъ шалашомъ. Даже послѣ появленія складной рѣшетки нѣкоторыя черты прежняго типа продолжаютъ еще сохраняться: кошемныя покрытія не сразу вытѣсняють обычай покрывать юрту берестой или камышемъ, и до настоящаго времени у нѣкоторыхъ изъ описанныхъ нами народностей сохраняется покрытіе остова циновками, или употребленіе циновокъ въ качествѣ нижняго покрытія остова, подъ кошмами. Особья условія быта поддерживаютъ до настоящаго времени среди каракалпаконъ обычай покрыванья юртъ кожами животныхъ и т. д.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно цѣнны нѣкоторыя указанія, которыя можно почерпнуть изъ сравненія описаній ногайскихъ юртъ у прежнихъ путешественниковъ. Такъ напр., Олеарій описываетъ ихъ юрты въ слѣдующихъ словахъ: онѣ (юрты) сдѣланы только изъ камыша или тростника, круглы и какъ-бы сводчатыя. На верху у нихъ отверстіе, служащее трубой, черезъ которое они (татары) пропускаютъ палку съ кускомъ кошмы, которую они могутъ поворачивать по вѣтру, съ цѣлю облегчить выходъ дыма, и который они опускаютъ, когда дрова или кизякъ выгорѣли; при большомъ холодѣ они окружаютъ всю кибитку большой покрывкой изъ войлока (кошмой), при помощи которой они хорошо сохраняютъ тепло¹⁾. Черезъ нѣсколько десятилѣтій Корнилій де-Бруинъ, бывшій въ Россіи въ первыхъ годахъ XVIII в., отмѣчаетъ для астраханскихъ татаръ, что палатки ихъ сдѣланы уже изъ рѣшетинокъ или планокъ, и покрыты уже цѣликомъ войлокомъ; но войлокъ не доходитъ до земли, а находится выше ея на 1—2 фута; кромѣ того юрты плотно покрыты еще тростникомъ; дѣлаются богатыми, кромѣ того еще и полотняные навѣсы²⁾.

1) A. Olearius: Voyage, стр. 458, 459 (Amsterd. 1727).

2) Корнилій де-Бруинъ: Путешествіе черезъ Московію; стр. 197.

Если бросить взглядъ на границы распространенія рѣшетчатой юрты легко замѣтить, что она господствуетъ именно среди кочевниковъ, живущихъ въ областяхъ бѣдныхъ лѣсомъ. Если мы встрѣчаемъ ее и въ лѣсистыхъ мѣстахъ, то тамъ она не является господствующимъ типомъ, что приводитъ къ заключенію, что она заимствована у степныхъ сосѣдей: алтайскіе инородцы далеко не всѣ обзавелись рѣшетчатыми юртами: онѣ принадлежатъ лишь болѣе состоятельнымъ, а сѣверные буряты заимствовали ихъ, по-видимому, какъ было указано выше, отъ своихъ болѣе южныхъ сосѣдей. Географическое распредѣленіе рѣшетчатой юрты говоритъ въ пользу высказаннаго нами выше предположенія о развитіи этой формы жилища въ степяхъ.

Рѣшетчатая юрта является наиболѣе высшимъ типомъ, до котораго развилось жилище кочевника, высшей формой развитія шалаша. Несмотря на то, что она вся составная и легко раскладывается, она представляетъ, когда она составлена, настолько крѣпкое цѣлое, что ее можно переносить не разбирая¹⁾; съ другой стороны установка разобранной кибитки требуетъ лишь очень незначительнаго времени.

Наконецъ, въ описанныхъ выше типахъ рѣшетчатыхъ кибитокъ можно подмѣтить слѣдующія измѣненія, которыя являются элементами для развитія болѣе сложныхъ типовъ жилья, а именно: прочное устройство дверей, вынесеніе башкирами очага изъ юрты паружу и замѣну его первобытной печью. Вынесеніе очага за предѣлы кибитки является вполне естественнымъ среди башкиръ, у которыхъ рѣшетчатая войлочная юрта служить только лѣтнимъ жилищемъ, въ теченіе жаркаго времени года; естественнымъ является и огражденіе очага камнями,—пріемъ который, приводитъ къ развитію прочной печи. Изъ другихъ чертъ въ развитіи кибитки, отмѣтимъ раздѣленіе ея на части посредствомъ занавѣси или перегородокъ, сплетенныхъ изъ травы. Наконецъ среди бурятовъ мы встрѣчаемъ примѣръ развитія кибитки еще въ томъ отношеніи, что въ ней продѣлывается иногда окно, что не мѣшаетъ ей во всемъ

¹⁾ Определить, который изъ двухъ типовъ рѣшетчатыхъ юртъ болѣе устойчивъ довольно трудно: Г. Н. Потанинъ (Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи II. стр. 108) замѣчаетъ однако что устройство конусообразнаго верха „дѣлаетъ монгольскую юрту, по сознанію самихъ киргизовъ, устойчивѣе киргизской и лучше выносящую удары вѣтра“.

остальномъ сохранять всѣ черты, типичныя для обыкновенной рѣшетчатой юрты.

Въ способахъ расселенія и послѣ появленія рѣшетчатой юрты не происходитъ замѣтныхъ измѣненій; въ основу устройства кочевки лежатъ какъ и раньше два принципа: 1) родственный, который заставляетъ родственниковъ другъ другу семейства кочевать вмѣстѣ или по крайней мѣрѣ вблизи другъ отъ друга, и 2) экономической, не позволяющей вслѣдствіе скудости пастбищъ селиться большими группами; вслѣдствіе этого у большинства писателей мы находимъ извѣстія, что аулы состоятъ обыкновенно изъ сравнительно ничтожнаго количества юртъ. Такъ полусѣдлые башкиры, жившіе еще въ XVIII в. зимой въ большихъ деревняхъ, разбивались на лѣто на небольшія группы, состоявшія изъ 5 — 20 юртъ¹⁾. Г. Пѣвцовъ отмѣчаетъ въ качествѣ характерной черты малолюдности монгольскихъ улусовъ: «на всемъ длинномъ пути по Монголіи, пишетъ онъ, (около 5000 верстъ) мы нигдѣ не встрѣчали большихъ улусовъ: величина ихъ колеблется отъ 5 до 8 юртъ и рѣдко отъ 8 до 12. ...Малолюдность монгольскихъ улусовъ, продолжаетъ авторъ, объясняется отчасти недостаткомъ обширныхъ привольныхъ пастбищъ, отчасти родственными отношеніями, лежащими въ основѣ общежитія монголовъ, поселенія которыхъ состоятъ преимущественно изъ юртъ близкихъ родныхъ. Привыкнувъ кочевать разсѣянно, монголы и на тучныхъ пастбищахъ, встрѣчающихся изрѣдка въ ихъ странѣ и способныхъ питать многочисленныя стада, не селятся сплошь большими улусами, а разбиваются на незначительныя группы изъ 4 — 8 юртъ, состоящія иногда въ полуверстѣ одна отъ другой. Исключеніемъ служатъ развѣ только княжескія ставки и большіе монастыри, около которыхъ встрѣчаются болѣе многолюдные улусы»²⁾. Тотъ-же фактъ малолюдности монгольскихъ селеній въ Монголіи можно отмѣтить и на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ Я. П. Дубровымъ³⁾. Аулы караногайцевъ состоятъ самое большое изъ 30—40 юртъ, при среднемъ количествѣ въ 8 или 10⁴⁾. То-же самое видимъ мы и среди калмыковъ

1) Описаніе... народовъ, изд. Миллера II, стр. 89.

2) М. В. Пѣвцовъ: Оч. пут. по Монголіи, стр. 67.

3) Я. П. Дубровъ: Повѣдка въ Монголію въ Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XVI, № 1—3.

4) Г. Ананьевъ: Караногайцы, стр. 41.

Астраханской губ. Собрание кибитокъ (*хотонъ*) состоитъ изъ лицъ, находящихся въ ближайшемъ родствѣ, и семейно-родственное начало составляетъ, пишетъ г. Житецкій, главное основаніе для группировки кибитокъ въ хотонъ, хотя съ измѣнившимися условіями жизни этотъ принципъ и терпитъ нарушенія; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще сохраняется обычай, что въ составъ хотона кибитка посторонняго лица принимается не иначе, какъ послѣ обѣщанія послѣдняго подчиняться обычаямъ хотона¹⁾. Подобныхъ свидѣтельствъ можно было-бы привести много. Исключеніемъ изъ этого общаго правила составляютъ тѣ кочевыя или полукочевыя народности, которыя еще недавно представляли воинственное населеніе: потребности самозащиты вынуждали ихъ селиться большими группами; въ случаѣ тревоги селеніе доставляло быстро готовое войско. Киргизы селились большими группами, причемъ и въ настоящее время среди азіатскихъ киргизовъ встрѣчаются еще селенія въ 50—80 юртъ. Но въ мѣстностяхъ, гдѣ замиреніе киргизовъ произошло уже сравнительно давно, какъ напр. въ Букеевской ордѣ, селенія распадаются на незначительныя группы. Въ эпоху воинственной жизни тюркскихъ и монгольскихъ народностей ставки однако были многолюднѣе, и древніе путешественники отмѣчаютъ, что онѣ отличаются большимъ количествомъ юртъ, какъ напр. Рубруквисъ, который относительно ставки Батгя замѣчаетъ, что издала она показала ему большимъ городомъ; впрочемъ онъ оговаривается, что такъ какъ у татаръ процвѣтало многоженство, и такъ какъ каждая жена имѣла свои повозки, то женское населеніе въ ставкахъ было вообще болѣе обширно, чѣмъ мужское²⁾. До послѣдняго времени каракиргизы жили не аулами, а цѣлыми родами, устраивали зимнія стойбища по берегамъ рѣкъ, располагая юрты непрерывнымъ рядомъ часто на 20 и болѣе верстъ. Они такимъ-же образомъ устраивали и лѣтнія перекочевки въ горы. Этотъ способъ кочеванія, пишетъ В. Радловъ, объясняется отчасти условіями страны, отчасти значительно болѣе воинственнымъ (чѣмъ у киргизъ-кхазакъ) характеромъ народа. При подобномъ способѣ установки юртъ каракиргизы могли въ нѣсколько часовъ имѣть цѣлое войско готовымъ къ нападенію или къ защитѣ. Но уже въ 1864 г.—время,

1) Ж и т е ц к і й: Очерки быта астрах. калмыковъ, стр. 34—35.

2) R u b r u q u i s: Voyage, гл. XXI; ср. также *ibid*: гл. XII и XVII.

къ которому относится путешествіе В Радлова, авторъ слышалъ, что каракиргизы, послѣ подчиненія ихъ русскимъ, т. е. послѣ минованія необходимости поддерживать военный строй, — начали мѣнять прежній способъ кочевки и стали разбиваться на аулы, какъ и киргизъ-кхазакъ¹⁾. Во всякомъ случаѣ съ упадкомъ родового быта, съ увеличеніемъ безопасности со стороны внѣшнихъ враговъ, и съ упадкомъ воинственного духа, поддерживавшаго вражду родовъ, экономическій принципъ при расселеніи сказывается съ большей интенсивностью, и заставляетъ устраивать малолюдные аулы, дабы у каждой группы не было недостатка въ травѣ и ей давалась возможность дольше оставаться на одномъ и томъ-же мѣстѣ не перекочевывая.

Чтобы покончить съ кочевымъ жилищемъ, остается сказать еще нѣсколько словъ о развитіи двора. Размѣры кибитокъ настолько незначительны, что съ развитіемъ благосостоянія онѣ не могутъ вмѣщать въ себя всего имущества кочевника; разростаніе семьи также не даетъ возможности всѣмъ членамъ ея помѣщаться подъ одной кровлей; вотъ почему уже отъ XIII в. мы имѣемъ свидѣтельства, о построеніи особыхъ помѣщеній для перевозки имущества, женъ, дѣтей и т. д. Рубруквисъ (1. с.) говоритъ, что небольшія юрты, устраиваемыя по образцу большихъ, жилыхъ юртъ, и служащія для перевозки имущества, всегда слѣдовали при перекочевкахъ за жилыми помѣщеніями, но въ то время, какъ послѣднія снимались на ставкахъ, послѣднія всегда оставались на повозкахъ, лѣтомъ—на колесныхъ, зимой на саняхъ. Члены семьи и жены имѣли также особыя повозки: такимъ образомъ развитіе жилища кочевника, его подвижнаго двора, заключается прежде всего въ увеличеніи, соотвѣтственно количеству членовъ семьи, числа какъ жилыхъ помѣщеній, такъ и подвижныхъ кладовыхъ. Впослѣдствіи по свѣдѣніямъ отъ XVIII в. и въ настоящее время мы находимъ у киргизовъ и калмыковъ тоже раздѣленіе семьи на нѣсколько кибитокъ, причемъ отдѣльныя кибитки строятся иногда специально для приготовленія кушанья²⁾. Гмелинъ упоминаетъ о существовавшей обычай строить отдѣльныя «поваренныя кибитки» у астраханскихъ татаръ³⁾. О спальныхъ чуланахъ у волжскихъ татаръ

1) W. Radloff: Aus Sibirien, I, стр. 527, 528.

2) Ср. Описаніе... народовъ, изд. Миллера, II, стр. 129.

3) Гмелинъ: Путешествіе по Россіи, II, стр. 175.

мы выше говорили со словъ Палласа. Относительно существованія обычая устраивать особую юрту для жены, дѣтей и для варки пищи у бессарабскихъ татаръ въ XVIII в. мы имѣемъ свидѣтельство Клемана ¹⁾. Обычай отдѣлять взрослыхъ лицъ въ особыя кибитки и устраивать отдѣльныя помѣщенія для варки пищи встрѣчаемъ мы и у астраханскихъ калмыковъ ²⁾. Условія, при которыхъ приходится жить кочевнику, не позволяютъ ему расширять размѣры жилого помѣщенія: онъ въ силу необходимости вынужденъ увеличивать только число помѣщеній для семьи и для храненія своего имущества — и этотъ принципъ, выработанный при условіяхъ кочевой, постоянно подвижной жизни, сохраняется, какъ мы это увидимъ ниже, и при переходѣ къ болѣе прочнымъ видамъ жилищъ.

Что касается устройства помѣщенія для скота, то кочевникъ — скотоводъ отсталъ въ этомъ отношеніи сравнительно съ развитіемъ своего жилого помѣщенія; въ то время, какъ послѣднее вполне оказалось приспособленнымъ къ постояннымъ передвиженіямъ, помѣщеніемъ для скота еще долго продолжаютъ служить простые загоны. При условіяхъ жизни, которыя заставляютъ кочевника мѣнять мѣста своего жительства, и зимой, для отысканія пищи скоту, при обширности стадъ, не можетъ быть и рѣчи о прочномъ укрытіи скота отъ зимнихъ вьюговъ. Такъ напр., монголы, живущіе внѣ предѣловъ Россіи, перекочевываютъ и зимою, хотя эти передвиженія и совершаются рѣже, чѣмъ лѣтомъ; «скотъ у нихъ круглый годъ остается подъ открытымъ небомъ, безъ всякаго крова. Только для барановъ и козъ дѣлаютъ иногда на продолжительныхъ зимнихъ стоянкахъ, круглыя ограды изъ камней, высотой фута въ три, въ которыя загоняютъ этихъ животныхъ на ночь» ³⁾. Молодыхъ животныхъ укрываютъ обыкновенно въ жилыхъ юртахъ. Исключеніе составляютъ только богатые монголы: такъ одинъ изъ ноёновъ, видѣнныхъ Я. П. Дубровымъ, жилъ въ большой чистой юртѣ, близъ которой была устроена другая поменьше: это *тогоней-гыръ* — кухня; въ ней жили рабочіе. Около тогоней-гыра былъ устроенъ дворикъ для загона табуновъ,

¹⁾ Клеман: Voyage, стр. 73.

²⁾ Житецкій: I. с. стр. 18, 34.

³⁾ М. В. Пѣвцовъ: I. с., стр. 67, 68.

и наконецъ былъ поставленъ деревянный амбаръ для домашняго скарба¹⁾. Развитие двора начинается при переходѣ кочевника къ полуосѣдности; впрочемъ, пока онъ еще сохраняетъ въ качествѣ зимняго жилья свою кибитку, — изгороди, иногда только крытыя, для скота служатъ послѣднему единственной защитой. Такъ напр., киргизы, которые живутъ около оз. Балкашъ и по теченію р. Или и зимуютъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, зимой продолжаютъ жить въ кибиткахъ, — устраиваютъ простые загоны для скота: съ появленіемъ снѣга въ степи, они направляются на зимовки, которыя они располагаютъ въ мѣстностяхъ обильныхъ камышемъ; камышевымъ заборомъ они, въ предупрежденіе снѣжныхъ заносовъ, обносятъ свои юрты, изъ камыша-же дѣлаютъ и загоны для барановъ; эти загоны представляютъ совершенно закрытый шалапъ съ маленькимъ входнымъ отверстіемъ, которое на ночь прикрывается снопомъ камыша²⁾. У караногайцевъ «зимой кибитки, по словамъ г. Ананьева (I. с.), огораживаются съ запада, съвера и востока стѣнами изъ бурьяна, для защиты отъ холодныхъ вѣтровъ; такія стѣны дѣлаются для загона скота, овецъ и лошадей во время бурановъ и метелей». Подобныя-же загороди были въ употребленіи и у степныхъ крымскихъ татаръ до перехода ихъ къ осѣдности, причемъ загороди продолжали существовать и у тѣхъ, немногихъ въ то время, степныхъ татаръ, которые строили себѣ на зиму болѣе прочныя помѣщенія; такъ въ отчетѣ таврическаго вице-губернатора А. Шостака отъ 1804 г., лично знакомившагося съ хозяйственнымъ бытомъ татаръ, говорится: „я нашелъ ихъ (татаръ) хотя занимающимися хлѣбопашествомъ, но кочующими въ лѣтнее время съ мѣста на мѣсто. На зиму хотя возвращаются они туда, гдѣ заготавливаютъ топливо и сѣно и гдѣ у *нѣкоторыхъ* есть небольшія хижины и отчасти загорожи изъ бурьяна, однакожь сіе ничуть не служитъ защитой отъ стужи, а скотъ ихъ и табуны, будучи безъ всякихъ загоновъ, всегда подвержены гибели. Зимовники ихъ въ томъ единственно заключаются, что каждое се-

1) Я. П. Д у б р о в ъ: Поездка въ Монголію, въ Изв. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XV. № 1—2, стр. 73.

2) А. М. Н и к о л ь с к і й: Путешествіе на оз. Балкашъ, стр. 81; Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. VII, вып. 1; см. также В. Ф и ш е р ъ: Оз. Балкашъ и теченіе р. Или, стр. 17, *ibid.* т. VI.

мейство или, по ихъ названію казанъ, отдѣляется небольшимъ окопомъ»¹⁾.

Какъ ни просты эти загоны, но уже въ описанныхъ формахъ мы видимъ извѣстное развитіе отъ простой изгороди до формы, приближающейся къ понятію двора; изгороди дѣлаются изъ камыша, у киргизовъ на Балкашѣ онѣ принимаютъ форму крытаго шалаша, у другихъ встрѣчаются окопы и обставливаніе кибитокъ изгородами изъ камыша — все это элементы, изъ которыхъ впоследствии складывается дворъ при развитыхъ зимовкахъ полукочевника. Наиболее развитую форму двора у кочевника, при сохраненіи въ качествѣ зимняго жилища рѣшетчатой юрты, мы встрѣчаемъ у бессарабскихъ татаръ конца XVIII в.; около юртъ, располагались, по словамъ Клемана²⁾, стойла, въ стѣны которыхъ при устройствѣ не входило ни камней, ни кирпичей; онѣ составлены были изъ тростника или дранокъ, снаружи обмазаны коровьимъ навозомъ и покрыты тростникомъ, на который накладывали сѣно и навозъ, и были окружены камышевымъ заборомъ. Въ описанной Клеманомъ формѣ мы видимъ уже дворъ, который лишь съ небольшими видоизмѣненіями и въ нѣсколько болѣе сложномъ видѣ мы встрѣтимъ у степныхъ полусѣдлыхъ народовъ, перешедшихъ уже къ болѣе высокимъ формамъ жилища.

Н. Харузинъ.

(Окончаніе будетъ).

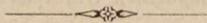
¹⁾ А. Скальковскій: О ногайскихъ татарахъ, въ Ж. М. Н. Пр. 1843. ч. XI, отд. II, стр. 156.

²⁾ Клеман: Voyage, стр. 73.

VI $\frac{6}{8}$

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,
состоящаго при Московскомъ университетѣ.

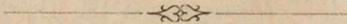

1896, № 2—3.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Высочайше утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.

1897.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЖИЛИЩА У КОЧЕВЫХ И ПОЛУКОЧЕВЫХ ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ НАРОДНОСТЕЙ РОССИИ.

II *).

Типы постоянных жилищъ.

Типы постоянных жилищъ, воспроизводящихъ форму рѣшетчатой юрты: у киргизовъ, астраханскихъ калмыковъ, бурятъ и алтайскихъ тюрковъ. Балаганы и плетневые жилища: четырехгранный шалашъ алтайскихъ тюрковъ. Балаганы алтайскихъ тюрковъ, чулымскихъ татаръ, якутовъ, бурятъ, башкиръ. Развитие балагана изъ шалаша. Плетневые жилища (мазанки) у телеутовъ, абинскихъ, перекопскихъ татаръ, вогайцевъ, астраханскихъ калмыковъ и киргизовъ. Землянки у телеутовъ, киргизовъ и ордосскихъ монголовъ. Переходные типы отъ землянокъ къ срубамъ и мазанкамъ у кузнецкихъ татаръ, башкиръ, кундровскихъ татаръ, киргизовъ. Надземныя землянки у торгоутовъ и киргизовъ. Переходъ отъ надземной землянки къ срубамъ. Срубы у башкиръ, волжскихъ татаръ, киргизовъ, алтайскихъ тюрковъ. Развитие сруба у башкиръ, иртышскихъ киргизовъ, алтайскихъ тюрковъ, сибирскихъ татаръ, бурятъ, якутовъ, акмолинскихъ киргизовъ. Развитие внутренняго устройства жилища. Развитие очага. Устройство двора. Группировка въ селенія. Переходъ къ полуосѣдлости кочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей Россіи; вліяніе лѣса на осѣданіе народности; переходъ къ полуосѣдлости въ лѣсной и степной областяхъ. Заключение.

Мы видѣли, что кочевыя народности и послѣ перехода ихъ къ постояннымъ мѣстамъ зимовки продолжаютъ еще долгое время употреблять въ качествѣ постояннаго жилища, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, одинъ и тотъ-же типъ, приспособленный къ кочевому быту. Однако потребность въ болѣе тепломъ помѣщеніи постепенно приводитъ къ стремленію отыскать болѣе прочныя формы жилища. Въ общемъ процессъ перехода къ новымъ видамъ жилья у полукочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей совершался, какъ и всюду, двоякимъ путемъ: при замѣнѣ прежняго матеріала другимъ, болѣе прочнымъ, или сохранялись древнія формы, или отыскивались новыя. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ старыя жилища не всегда уничтожаются; напротивъ того, они еще долго продолжаютъ служить сначала въ качествѣ исключитель-

*) См. Этногр. Обзор. XXVIII.

но лѣтнихъ жилищъ, а затѣмъ въ качествѣ хозяйственныхъ построекъ.

Начнемъ съ построекъ, которыя продолжаютъ сохранять старыя формы. Въ этомъ отношеніи наиболѣе рельефно можно видѣть развитіе жилья изъ переноснаго въ постоянное на **рѣшетчатой юртѣ**. Выше нами было указано, что даже послѣ того, какъ народъ выбралъ себѣ мѣста постоянныхъ зимовокъ и устроилъ крытые загоны для скота на зиму (какъ киргизы на оз. Балкашъ или бессарабскіе татары XVIII в.), онъ продолжаетъ жить еще въ рѣшетчатой юртѣ, которая, не смотря на то, что зимой покрывается двойнымъ рядомъ кошмъ, служитъ плохой защитой отъ холода. Отыскавъ себѣ новый матеріалъ для постройки, которая могла-бы больше охранять отъ стужи, народъ не ищетъ новой формы: онъ сохраняетъ старую, но воспроизводитъ ее изъ новаго матеріала; этотъ послѣдній зависитъ отъ мѣстныхъ условій.

Подобныя жилища извѣстны у киргизовъ Акмолинской области: въ степныхъ частяхъ области, занимаемой киргизами, гдѣ лѣса нѣтъ, матеріаломъ служитъ земля. Такъ въ Акмолинскомъ и Атбасарскомъ уу. зимовками бѣдныхъ киргизовъ служатъ т. наз. **чучелы**: по своему внѣшнему виду, чучелы воспроизводятъ рѣшетчатую юрту киргиза. Въ безлѣсной степи чучелы строятся изъ дерна: стѣны ихъ, образуя правильный кругъ, возводятся на 2 арш.; затѣмъ на этотъ фундаментъ, соответствующій рѣшеткѣ въ лѣтней юртѣ, дернъ кладется уже нѣсколько наклонно, такъ что образуется тупой конусъ, въ срединѣ котораго оставляется отверстіе для выхода дыма. Въ отверстіе вставляется, какъ и въ войлочной юртѣ, деревянный кругъ—чангаракъ, прикрываемый, какъ и въ послѣдней, войлокомъ. Посрединѣ чучелы выкапывается продольная съ отвѣсными боками яма, которая служитъ очагомъ: надъ нимъ устанавливается чугунный котелъ, либо непосредственно, либо на треножникѣ. Дверное отверстіе прикрывается циновкой, сплетенной изъ камыша, или коврикомъ изъ войлока. Въ лѣсныхъ мѣстностяхъ круглыя стѣны чучелы строятся изъ двойного плетня, набиваемаго землей и навозомъ, а конусообразная крыша дѣлается изъ жердей, нижній конецъ которыхъ прикрѣпленъ къ стѣнамъ, а верхній лежитъ на кругѣ или четырехугольникѣ, опирающемся на 4 столба внутри чучелы; сверхъ жердей, образующихъ крышу, накладываютъ камышъ, хворость и дернъ, а дымо-

вое отверстие прикрывается войлокомъ. Среди болѣе богатыхъ киргизовъ чучелы служатъ кухней или помѣщеніемъ для рабочихъ. Наконецъ иногда чучела строятся изъ бревень, и такъ какъ при этомъ матеріалъ нѣтъ возможности придать ей круглую форму, то ее дѣлають обыкновенно восьмиугольной ¹⁾).

Аналогичныя постройки появились недавно среди **астраханскихъ калмыковъ** въ Мало-Дербетовскомъ улусѣ. Это, по описанію г. Житецкаго, постройки, „по виду и размѣру даже совершенно одинаковыя съ калмыцкими кибитками.“ Онѣ строятся изъ камня и дѣлаются или совершенно круглыми или восьмигранными. Конусообразныя крыши возводятъ или также изъ камня, или онѣ представляютъ деревянный остовъ, покрытый кошмами. Наверху устроено дымовое отверстие, въ которое, какъ и въ войлочныхъ кибиткахъ, вставляютъ кругъ—**харачи**, съ перекрещивающимися полуобручами—**цагрыкъ**. „Но подобныя каменные кибитки, замѣчаетъ г. Житецкій, сколько я ихъ видѣлъ, назначаются не для жилья, а для приготовленія кушанья: это—кухни, главнымъ образомъ богачей изъ духовенства, и едва-ли онѣ не заимствованы отъ бурятъ и угринскихъ монголовъ, куда въ послѣднее время ежегодно отправляются астраханскіе калмыки, особенно изъ Дербетовскаго улуса ²⁾.“

Дѣйствительно, среди **бурятъ** значительно распространены подобныя постройки, но онѣ по условіямъ мѣстности строятся изъ бревень. О подобныхъ бревенчатыхъ юртахъ у бурятъ говоритъ еще Гмелинъ, который видѣлъ ихъ около д. Буринской на Бурьярѣ; онѣ уже встрѣчались, по его словамъ, и у удинскихъ бурятъ. Всѣ онѣ (юрты) шестиугольны, пишетъ Гмелинъ, и состоятъ изъ балокъ, положенныхъ другъ на друга на высоту немного болѣе $\frac{1}{2}$ сажени; начиная съ этой высоты, палки положены вкось, послѣднія наверху соединяются, но такъ, что остается отверстие для выхода дыма; палки, образующія крышу, засыпаны землею. Входъ обращенъ на востокъ. Внутри юрта подпиралась 4-мя столбами, между которыми находился очагъ, надъ которымъ прихо-

¹⁾ В. Шнэ: Зимовки и другія постоянныя сооруженія кочевниковъ Акмолинской Области, стр. 10, 11; въ Зап. Зап.-Сибирск. Отд. И. Р. Г. О. ХУП, вып. 1-й.

²⁾ И. Житецкій: Очеркъ быта астрах. калмыковъ, стр. 5.

дилось дымовое отверстіе. Въ юртахъ помѣщались и люди и молодой скоть. ¹⁾

Подобныя бревенчатыя юрты служатъ сѣвернымъ бурятамъ и до настоящаго времени зимнимъ жилищемъ. По описанію А. В. Потаниной ²⁾ юрты сѣверныхъ бурятъ имѣютъ восьмигранную форму; стѣны, однако, поднимаются на сажень и выше, крыша дѣлается также бревенчатой или досчатой; отверстіе для выхода дыма устраивается квадратное, или остается по формѣ юрты—тоже восьмиугольнымъ. Кровля поддерживается 4-мя столбами, очагъ—посрединѣ юрты, причеиъ огонь разводится непосредственно на землѣ. Полъ отъ столбовъ до стѣнъ выстилается досками, иногда впрочемъ земля ничѣмъ не покрывается. При юртѣ ставится амбаръ,—четыреугольный срубъ безъ оконъ и лабазъ: полати на 4-хъ столбахъ для склада провизіи.

Среди бурятъ Аларскаго вѣдомства, перешедшихъ въ теченіе настоящаго столѣтія къ болѣе развитымъ типамъ жилищъ, сохраняется то же многоугольная бревенчатая юрта, которая въ настоящее время, однако, служитъ лишь лѣтнимъ жильемъ. Лѣтовки аларскихъ бурятъ представляютъ также срубы, причеиъ онѣ дѣлаются 4-хъ, 5-ти, 6-ти, 8-ми угольными; длина и ширина ихъ равняется отъ $2\frac{1}{3}$ —4 саж., при высотѣ въ 3—5 аршинъ. При входѣ въ юрту дѣлаются часто глухія стѣны съ чуланами по сторонамъ; перегородокъ въ юртѣ нѣтъ; онѣ замѣнены занавѣсками; да и въ остальномъ своемъ внутреннемъ убранствѣ юрта повторяетъ устройство и убранство рѣшетчатой юрты: по стѣнамъ развѣшиваются одежда, разставляются сундуки, кладутся подушки, а на полкахъ устанавливается посуда. Крыша на юртахъ тесовая скатами, или на горбыли, которые кладутся на крышу, наваливаются большіе куски лиственничной и березовой коры и придавливаются сломъ земли, вслѣдствіе чего крыша принимаетъ куполообразную форму. Какъ въ вышеописанныхъ жилищахъ этого типа у бурятъ, и здѣсь крыша поддерживается нѣсколькими столбами; дымовое отверстіе круглое или четырехугольное. Очагъ посрединѣ. Въ богатыхъ юртахъ пространство вокругъ костра, для котораго оста-

¹⁾ Gmelin: Reise durch Sibirien, I. стр. 404, 405.

²⁾ Изъ путешествій ...А. В. Потаниной, изд. Географ. Отд. И. О. Л. Е. А. и Этногр. „Буряты“, стр. 22, 23,

вляется около 1 кв. сажени, забирается досками въ видѣ пола. Эти юрты лѣтомъ гораздо прохладнѣе: въ нихъ воздухъ лучше вентилируется, чѣмъ въ домахъ и избахъ; зимой-же онѣ стоятъ пустыми и служатъ для склада разныхъ произведеній, а также для выдѣлки *тарасуна* (хмѣльнаго напитка изъ молока).¹⁾ Описанная юрта аларскихъ бурятовъ представляетъ высшую ступень въ развитіи жилыхъ построекъ, воспроизводящихъ собой форму рѣшетчатой юрты: въ ней мы встрѣчаемъ, по крайней мѣрѣ у богатыхъ, уже досчатый полъ, и планъ ея усложняется пристройкой сѣней. У посѣщенныхъ г. Кирилловымъ бурятовъ на Байкалѣ этотъ типъ юртъ различается отъ вышеописанныхъ тѣмъ, что внутри юрты, „надъ головами, вмѣсто потолка, и вдоль нѣкоторыхъ стѣнъ на правой сторонѣ—устроены полки для посуды; на лѣвой сторонѣ, вдоль первыхъ двухъ отъ входа стѣнъ, идутъ широкія лавки—нары“. Далѣе очагъ устроенъ слѣдующимъ образомъ: „посреди юрты между столбами пола нѣтъ, а плотно убитая глинистая почва... здѣсь поставлены 3 камня, изъ которыхъ каждый имѣетъ видъ конуса, распиленного пополамъ по вертикальной оси: межъ этими камнями постоянно дымитъ огонь“. Не лишенъ интереса фактъ, что не смотря на существованіе наръ, буряты никогда не садятся на нихъ, предпочитая располагаться на полу близъ очага, на подушкахъ, войлокахъ и т. п.²⁾

Наконецъ этотъ-же типъ жилыхъ строеній извѣстенъ и среди алтайскихъ инородцевъ, но тамъ онъ продолжаетъ еще въ большинствѣ случаевъ служить зимнимъ жилищемъ. Обиліе лѣса позволяетъ алтайцамъ, какъ и бурятамъ, возводить подобныя юрты изъ дерева. О нихъ говоритъ Н. М. Ядринцевъ и совершенно вѣрно указываетъ мѣсто ихъ въ исторіи развитія жилища у алтайцевъ: „у кочевыхъ алтайцевъ и у черневыхъ существуетъ еще переходная форма—это шести-или восьмиугольная бревенчатая юрта, съ конусомъ наверху; такова зимовка скотовода. Человѣку, привыкшему къ круглому помещенію, немислимо перейти къ четырехугольному, и онъ изобрѣлъ многоугольный срубъ, замѣняющій ему ста-

1) Землеводѣніе Азіи, Карла Риттера. I. Саянское нагорье въ предѣлахъ Иркутской губ... стр. 345, 346.

2) Кирилловъ: Поездка въ Нижне-Ангарскъ... на Байкалѣ, въ Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XVII, № 1—2, стр. 6 и 7.

рую юрту, съ очагомъ посрединѣ. ¹⁾“ На рис. 8 изображена воспроизведенная г. Ядринцевымъ юрта у черневыхъ татаръ.

Подобная же 8-миугольная юрта у алтайскихъ инородцевъ описана и В. Радловымъ ²⁾. Видѣнные имъ бревенчатыя юрты были построены изъ хорошаго лѣса и образовывали правильный восьмиугольникъ; стѣны возвышались въ ростъ человѣка; крыша была также восьмиугольная, состояла изъ жердей и была покрыта

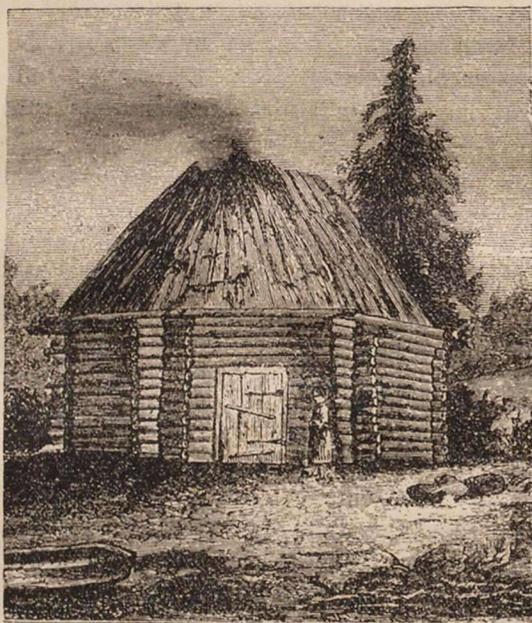

Рис. 8. Многогранная бревенчатая зимняя юрта алтайскихъ тюрковъ.

берестой; дымовое отверстіе имѣло въ поперечникѣ до $2\frac{1}{2}$ футовъ. Дверь (двустворчатая) была устроена по русскому образцу. Рис. 9 изображаетъ описанную г. Радловымъ юрту. Внутреннее устройство ея ничѣмъ не разнилось отъ устройства коническихъ юртъ, кромѣ развѣ того, что, такъ какъ она принадлежала богатому хозяину, юрта была богаче убрана.

¹⁾ Н. М. Ядринцевъ: Алтай и его инородчesk. царство. Историч. Вѣстн. XX. 1885. стр. 634.

²⁾ Radloff, Aus Sibirien. I, стр. 269—270.

Мы имѣли возможность прослѣдить въ общихъ чертахъ исторію развитія первобытнаго конического шалаша до построекъ срубами, вполнѣ подходящихъ, если вспомнить юрты аларскихъ бурятъ, къ понятію о домѣ: развитіе конического шалаша приводитъ къ рѣшетчатой юртѣ, а эта послѣдняя къ землянымъ, плетенымъ, каменнымъ или бревенчатымъ прочнымъ жилищамъ. Но какъ при господствѣ рѣшетчатой юрты, коническіе шалашы превращаются исключительно въ жилища бѣднѣйшихъ представителей племени или начинаютъ служить только походнымъ жильемъ, такъ и земляныя, бревенчатыя и др. постройки, воспроизводящія форму юрты и знаменующія собой значительный культурный прогрессъ племени, начинаютъ занимать, по переходѣ народа къ болѣе сложнымъ типамъ, второстепенное мѣсто: онѣ служатъ или только лѣтнимъ жилищемъ, какъ у аларскихъ бурятъ, или зимовками болѣе бѣднаго населенія, или кухнями, какъ чучела киргизовъ и аналогичныя постройки калмыковъ.

Рис. 9. Многогранная бревенчатая зимняя юрта алтайскихъ тюрковъ.

Коническій шалашъ служитъ однако эмбриономъ и для развитія другого рода жилищъ, именно четырехугольныхъ срубовъ. Уже въ коническихъ шалашахъ, построенныхъ изъ толстыхъ жердей, можно видѣть основаніе для болѣе прочнаго жилья; остовы ихъ не переносятся, какъ вслѣдствіе тяжести, такъ и вслѣдствіе обилія лѣса, который лѣсной кочевникъ всегда находитъ готовымъ для постройки себѣ такого-же жилища на новомъ мѣстѣ остановки. Дальнѣйшее развитіе подобнаго шалаша заключается въ томъ, что

вмѣсто круглыхъ жердей для устройства остова шалаша начинаютъ употреблять толстыя, конечно лишь плохо обдѣланныя, доски; вслѣдствіе этой замѣны одного матеріала другимъ, коническій шалашъ долженъ естественно видоизмѣнить свою форму, и изъ круга превратиться въ четырехгранный. Этотъ переходъ формы шалаша изъ конуса въ четырехгранную пирамиду хорошо извѣстенъ у финскихъ народностей, у которыхъ напр. вѣжи русскихъ лопарей и остяковъ именно произошли этимъ-же путемъ. Подобные четырехгранные шалашы извѣстны и среди алтайскихъ тюрковъ: ¹⁾ въ качествѣ лѣтняго жилья (*яйлу*) они встрѣчаются по теченію Бин и на Телецкомъ оз. Яйлу представляетъ четырехгранный шалашъ безъ оконъ, покрытый берестой. Зимой досча-

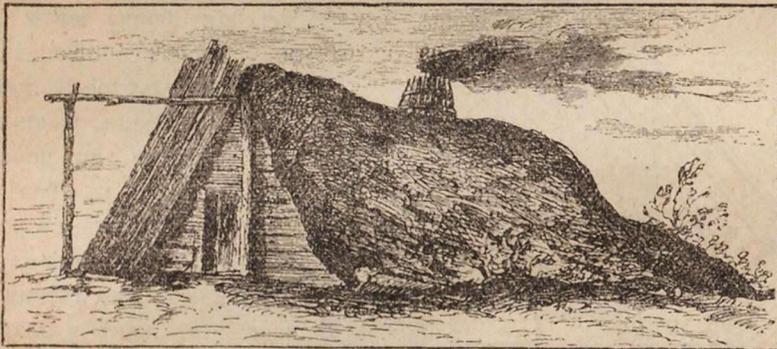

Рис. 10. Зимовка кумандицевъ.

тыя стѣны закидываются землей. „У кумандицевъ, замѣчаетъ тотъ-же авторъ, ²⁾ среди подобія русскихъ избъ мы нашли оригинальную переходную форму зимовки; это родъ шалаша съ крышей, закиданной землей, съ глинобитной печью (рис. 10), ³⁾ переходъ къ настоящей избѣ но своеобразной формы: здѣсь видно еще родство съ шалашемъ“. Жилища этого типа, въ особенности зимнія, разбираются съ трудомъ и при перекочевкахъ оставляются на мѣстахъ: они являются, такимъ образомъ, вполне прочными

¹⁾ Ядринцевъ: Сибирскіе инородцы стр. 115, см. его-же: Алтай I. с. стр. 634.

²⁾ Н. М. Ядринцевъ: Алтай: Истор. В. 1885. XX. стр. 633.

³⁾ Ibid. стр. 629.

типами жилья и составляют переходный типъ въ четырехугольнымъ постройкамъ отъ круглыхъ - коническихъ. Изъ этой формы вслѣдствіе стремленія выпрямить стѣны развиваются т. наз. балаганы и мазанки.

Балаганами, поскольку это касается жилищъ инородцевъ, принято вообще называть легкія, плохо сколоченныя постройки изъ досокъ или тонкаго лѣса, въ частности изъ этого же матеріала, поставленнаго стойми. Такія именно жилища мы встрѣчаемъ среди **алтайскихъ инородцевъ**; это шалашъ, построенный изъ лѣса, поставленнаго стойми; онъ употребляется въ качествѣ лѣтняго жилья и кроется берестой; слѣва, въ углу отъ входной досчатой двери, плохо придѣланной и держащейся на ремешкахъ, устроенъ очагъ, который иногда замѣняется чуваломъ ¹⁾. Подъ чуваломъ размѣстятъ очагъ, надъ которымъ поднимается прямая, сплетенная изъ прутьевъ и обмазанная труба, выпускающая дымъ наружу; въ видахъ удобства прикрѣпленія трубы чуваль ставится обыкновенно въ углу.

Къ этому же типу жилищъ, повидимому, слѣдуетъ причислить и зимній шалашъ алтайцевъ, о которомъ говоритъ Н. М. Ядринцевъ (I. с.); въ немъ устраивается уже окно, которое вначалѣ помѣщается наверху (въ крышѣ) и затягивается брюшиной; окно переплетено прутьями. Въ такихъ зимовкахъ также устраивается чуваль.

Зимнее жилище **чулымскихъ татаръ** въ XVIII в. представляетъ тотъ-же типъ: „Чулымское зимнее жилище, читаемъ мы въ „Описаніи... народовъ“ ²⁾, подобно въ размѣщеніи тонкаго строевого лѣса, сѣней, отверстія въ потолокъ и всего внутренняго расположенія барабинскому (гдѣ устраиваются уже срубы); только стѣны дѣлаются наискось или покато, и снаружи заваливаются ради тепла землею. Около избъ стоятъ чуланы и хлѣва.“ Больше подробностей объ этомъ типѣ мы видимъ въ описаніи Палласа. Зимнія юрты чулымскіе татары строили, по словамъ путешественника, изъ „лежащихъ прямо и поперекъ тоненькихъ березовыхъ брусевъ, на подобіе большого ящика съ косоватыми по бокамъ стѣнами. Передняя часть сего ящика остается пола и представляетъ сѣни, а другая половина загорожена поперечною стѣною съ небольшими

¹⁾ Вербицкій: Алтайскіе инородцы. стр. 12

²⁾ Изд. Миллера. II. стр. 146.

дверцами и снаружи ради тепла завалена толсто землею“. Чуваль помѣщался въ срединѣ зимовки, дымовое отверстіе, соотвѣтственно съ этимъ, находилось въ срединѣ потолка ¹⁾).

Далѣе аналогичное жилище, переходное отъ шалаша къ срубѣ, мы встрѣчаемъ у якутовъ. Основное различіе якутской юрты отъ русской избы заключается, по словамъ Мидлендорфа, въ отвѣсномъ (вмѣсто горизонтальнаго) положеніи бревень. Это даетъ возможность употреблять молодой лѣсъ (не болѣе $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ фута въ стойкѣ) и облегчаетъ рубку, отеску и подвозъ лѣса. Шесть от-

Рис. 11. Зимняя юрта якутовъ.

вѣсно впущенныхъ въ землю, но нѣсколько наклонныхъ во внутрь, столбовъ, продолжаетъ тотъ-же авторъ, у котораго мы находимъ обстоятельное описаніе и рисунокъ (рис. 11) зимней юрты якутовъ, — изъ которыхъ 4 по угламъ, а два, на футъ длиннѣе прочихъ, по срединѣ составляютъ главный остовъ; ²⁾ лежащее поперекъ обоихъ среднихъ столбовъ, прикрѣпленное шипами бревно придаетъ всему стойкость, и отъ него идетъ бревенчатая рама, соединяющая между собой свободные концы всѣхъ столбовъ. Къ этой рамѣ приставляются столбы, какъ можно плотнѣе одинъ къ другому; такимъ образомъ образуется стѣна. Такія же тонкія бревна, положенныя сверху образуютъ крышу, которая вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и потолкомъ. Стѣны обмазываются смѣсью изъ глины и

¹⁾ Палласъ: Путешествіе II. пол. 2-я стр. 449, 450.

²⁾ По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. Приклонскимъ, рама строится только изъ 4 вбитыхъ наклонно бревень. Изв. В.-С. Отд. И. Р. Г. О. XVIII, стр. 20.

навоза и обсыпаются землей; зимой все прикрывается снѣгомъ. Окна не превышаютъ квадратнаго фута. Зимой въ оконную раму вставляются куски льда; слюдяныя окна рѣдки. Съ уменьшеніемъ холодовъ ледъ въ окнахъ замѣняется плотно сплетенной сѣткой изъ конскаго волоса, которая, пропуская свѣжій воздухъ, предохраняетъ отъ комаровъ. Дверь дѣлается обыкновенно не больше 2-хъ футовъ въ квадратѣ. Въ углу стоитъ чумаль. Основаніе чумала, по словамъ г. Приклонскаго, дѣлается изъ глины, набитой въ квадратный ящикъ, а стѣнки его дѣлаются изъ стоячихъ кольевъ, проходящихъ въ крышу, которые тоже обмазываются глиной¹⁾. Впрочемъ на южномъ скатѣ Станового хребта встрѣчается „примѣненіе взятаго у гиляковъ принципа провода трубы посреди идущаго вокругъ стѣны глинянаго прилавка, которая долѣе удерживаетъ тепло“. Прилавокъ этотъ, хотя и холодный, является неотъемлемой принадлежностью якутской юрты описываемаго типа; онъ, по мнѣнію того-же изслѣдователя, „былъ вызванъ не только потребностью сидѣть и лежать, но главнымъ образомъ чрезвычайно разнообразными климатами внутри самого строенія. Нерѣдко разница между температурой на полу и температурой подъ потолкомъ бываетъ въ 50—60° Цельсія. Когда привстанешь, то легкія задыхаются отъ жары, а ноги зябнутъ. Нерѣдко начинаешь спать на полу, безъ одежды, растянувшись на шкурѣ сѣв. оленя, и все-таки обливаешься потомъ. Пробуешь встать, но падаешь отъ чада. Вскорѣ въ просонкахъ начинаешь прикрываться, потомъ невольно взберешься на прилавокъ, гдѣ опять приходится сбросить одежду. Утромъ-же васъ не защититъ уже никакая шуба и только пылающій каминъ въ состояніи согрѣть оконченѣвшіе члены“. ²⁾ Полъ въ зимнихъ юртахъ якутовъ земляной, иногда изъ убитой глины, ³⁾ у богатыхъ иногда и деревянный.

Подробное описаніе способа устройства юрты сохранилось въ очень распространенной среди якутовъ сказкѣ „о бѣломъ юно-

1) Приклонскій: Матеріалы по этнографіи якутовъ въ Изв. В.-С. Отд. И. Р. Г. О. XVIII, стр. 20.

2) А. Миддендорфъ: Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. II. стр. 780—782.

3) Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. XI, вып. 3, стр. 244; см. также: Приклонскій 1. с.

пѣ“, Юрюнгъ-Уоланъ. 1) Желая построить себѣ юрту „выбѣжалъ Юрюнгъ-Уоланъ въ темный шумящій лѣсъ и, срубивъ тамъ четыре почтенныхъ дерева, обтесалъ, обрубилъ ихъ и, притащивъ на средину поля, въ 4-хъ мѣстахъ въ землѣ продавилъ ступней четыре глубокия ямы и воткнулъ туда четыре столба, сказавши: „то будутъ четыре угла моего дома“. Изъ того-же лѣса срубилъ, обтесалъ, обрубилъ онъ 4 балки, которыя положилъ на столбы, а на нихъ двѣ матицы. Выбѣжалъ Юрюнгъ-Уоланъ въ свой мелкій молодой лѣсъ и, какъ быстрая рѣка, въ весенній разливъ сноситъ мелкій хворостъ, срубилъ и притащилъ къ столбамъ кучу лѣса, изъ котораго покрылъ потолокъ, — „чтобы дождемъ не мочило, снѣгомъ не заваливало“, поставилъ стѣны, „чтобы проходящій вольный вѣтеръ не продувалъ“, и настлалъ полъ, на которомъ не могъ-бы держаться на ногахъ семилѣтній мальчикъ — такъ онъ былъ гладокъ. „Весеннее мое солнце, кажется, съ этой стороны восходитъ“, сказалъ Юрюнгъ-Уоланъ и выбралъ въ одномъ мѣстѣ часть стѣны, чтобы тутъ была входная-выходная дверь. „Чтобы солнце не обдѣляло меня свѣтомъ, когда оно ходитъ по небу“, сказалъ Ю.-У. и пробилъ въ стѣнѣ нѣсколько окошекъ. „Чтобы вѣтеръ, дождь и снѣгъ, лѣтняя жара и зимній морозъ не проходили въ домъ“, Ю.-У. на потолокъ и стѣны настлалъ слой сѣна, а сверху насыпалъ сыпучаго бѣлаго песку въ одну сажень толщиной. По срединѣ избы поставилъ Ю.-У. изъ неочищенныхъ жердей, „чтобы глина лучше держалась“, остовъ комелька, обмазалъ его до низу сверху толстымъ слоемъ бѣлой горшечной глины. Выбѣжалъ онъ въ свой сухой лѣсъ и, притащивъ оттуда девять сухихъ словыхъ деревъ, затопилъ ими комелекъ, чтобы обмазка высохла“.

Что касается внутренняго устройства якутской юрты, то, по словамъ г. Приклонскаго, чуваль съ западной стороны непременно имѣеть отъ потолка навѣсъ (*чарапчи*); къ этому навѣсу придѣляется полка для кухонной посуды, для сушки рукавицъ, шапки и пр. Недалеко отъ этой полки подвѣшивается къ потолку, передъ каминомъ, деревянная рѣшетка (*далбырь*) для просушки платья; на ней оттаиваетъ убитая дичь, хранится оружіе. Вдоль

1) Гороховъ: Юрюнгъ-Уоланъ въ Изв. В.-С. Отд. И. Р. Г. О. XV № 5-6, стр. 44.

южной стѣны юрты богатые дѣлають глухой *оронъ* (нара), раздѣляющійся на 3 отдѣленія: ближайшее къ двери *солана-оронъ* предназначается для посѣтителей, не пользующихся уваженіемъ, второй — *орто-оронъ* для посѣтителей болѣе почетныхъ, и наконецъ третій — *унга-оронъ* для гостей почетныхъ. На западной сторонѣ идетъ тоже оронъ съ двумя отдѣленіями, отгороженными глухими стѣнками отъ смежныхъ. Юго-зап. оронъ называется *биллирикъ*, въ немъ спятъ дочери; онъ отгороженъ наглухо отъ сосѣднихъ, и на ночь завѣшивается занавѣсью (ситцевой или шелковой). Столбы биллирика, продолжаетъ цитируемый авторъ, раскрашиваются разными красками, а занавѣска расшивается бисеромъ; надъ биллирикомъ снаружи устраивается *холлорукъ* — полка съ образами, которые ставятся въ рядъ. Надъ биллирикомъ-же втыкаются перья вновь прилетѣвшихъ птицъ и кости вновь упромышленныхъ животныхъ. Далѣе рядомъ съ этимъ орономъ, противъ устья чувала устраивается еще *кятягиринъ оронъ*, предназначающійся для самихъ хозяевъ. На сѣверной сторонѣ противъ унгарона находится небольшой, отгороженный досками чуланъ — *юлякъ*, гдѣ хранится въ сундукахъ или шкафахъ лучшее семейное имущество. Рядомъ съ этимъ чуланомъ идутъ еще ороны — *хатасъ-оронъ*, на которыхъ обыкновенно помѣщаются дѣти и куда переходятъ спать дѣвушки, если въ юртѣ почуютъ посторонніе. Въ сѣв.-вост. углу дѣлается обыкновенно дверь въ хотонъ (хлѣвъ). Средняя величина площади юрты не болѣе 3½ кв. саж.; она освѣщается небольшими окнами, каждое въ 2—3 кв. четверти; число оконъ доходитъ иногда до 8-ми ¹⁾. Въ окна вставляютъ лѣтомъ бумагу, бычачьи пузыри, плетеніе изъ конскаго волоса, зимой — куски льда, пузыри и слюду; куски льда, замѣняющіе стекло, прикрѣпляютъ снаружи выгнутой жердью, одинъ конецъ которой упирается въ кусокъ льда, а другой въ землю. На зиму устраиваютъ заваленки. Юрта богатаго отличается отъ юрты бѣдняка только размѣрами и внутреннимъ убранствомъ ²⁾.

¹⁾ В. Л. Приклонскій: Матеріалы для этнографіи якутовъ въ Изв. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XVIII, стр. 20—22.

²⁾ Helmersens Beiträge z. Kenntniss d. Russ. Reiches, XXVI, стр. 35. Erman: Reise II, стр. 241; Проскуряковъ: О средне-вильской улузъ Вильскаго округа въ Этнограф. Сбор. И. Р. Г. О. VI, стр. 39.

Интересную подробность составляет фактъ, что чуваль помѣщается иногда посрединѣ юрты, т. е. на мѣстѣ, гдѣ помѣщается очагъ въ круглыхъ шалашахъ; иногда его отодвигаютъ ближе къ сѣверной сторонѣ, но во всякомъ случаѣ такъ, что онъ не прислоняется къ углу ¹⁾. Эта-же особенность въ положеніи очага отмѣчена еще въ XVIII в., когда, повидимому, не всѣ якуты еще перешли къ замѣнѣ очага чуваломъ. То-же мы видѣли выше у чулымскихъ татаръ XVIII в. Окна, которыя въ настоящее время устраиваются въ стѣнахъ юрты, замѣнялись въ прошломъ столѣтіи еще окномъ, продѣланнымъ въ потолокъ ²⁾.

Дальнѣйшее развитіе этого типа заключается въ пристройкѣ подобія сѣней съ восточной стороны, гдѣ у якутовъ всегда помѣщается входная дверь; крыша нѣсколько удлиняется посредствомъ положенныхъ на нее досокъ, такъ что послѣднія образуютъ навѣсъ передъ дверью; навѣсъ поддерживается столбами, къ которымъ привѣзжающіе привязываютъ коней ³⁾.

Описанный видъ якутскаго жилища, который, какъ и зимовку чулымскихъ татаръ, можно было бы назвать трапецевиднымъ, такъ какъ въ разрѣзѣ онъ даетъ фигуру трапеціи, служить якутамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только зимнимъ жилищемъ, замѣняемымъ на лѣто берестяной конической юртой, въ другихъ этотъ типъ является господствующимъ и въ качествѣ зимняго равно и въ качествѣ лѣтняго жилья, и, наконецъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ зимнимъ жилищемъ якуту служить уже юрта, построенная изъ прочныхъ бревенъ, по русскому образцу, описанная трапецевидная юрта служить лишь лѣтнимъ жильемъ.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ напр. въ Средне-вилюйскомъ улусѣ, описанный типъ служить и зимнимъ и лѣтнимъ жилищемъ, первое отличается отъ второго тѣмъ, что къ жилой юртѣ пристраивается такая-же, только болѣе обширныхъ размѣровъ, служащая помѣщеніемъ для скота (*хотонъ*); она отдѣляется отъ жилого помѣщенія тонкою и рѣдкою перегородкою и нагрѣвается или отъ жилой юрты, или, что впрочемъ случается очень рѣдко, посредствомъ

¹⁾ Приклонскій: 1. с. стр. 20; Erman: Reise, II, стр. 35. Проскураковъ: О средне-вилюйскомъ улусѣ Вилюйскаго округа. Этногр. Сбор. И. Р. Г. О., VI, стр. 39.

²⁾ Описаніе народовъ, изд. Миллера. II, стр. 182.

³⁾ Erman: Reise, II, стр. 306.

устроеннаго въ ней отдѣльнаго чувала¹⁾. Бѣдные соединяють хотонъ дверью съ юртой, такъ что скоть проходитъ въ него черезъ юрту. Телята содержатся въ самой юртѣ, за каминомъ. Богатые, наоборотъ, устраиваютъ хотонъ или отдѣльно, или хотя и смежно съ юртой, но съ отдѣльнымъ ходомъ; въ этихъ случаяхъ въ хотонѣ всегда имѣется отдѣльный чуваль. Помѣщенія для скота въ лѣтнихъ юртахъ этого типа, которыя отличаются отъ зимнихъ только меньшими размѣрами, — строятся по возможности отдѣльно²⁾. Въ устройствѣ указанной юрты для скота въ непосредственной близости отъ жилого помѣщенія мы видимъ стремленіе соединить хозяйственныя строенія подъ одной кровлей съ жилими.

Балаганы (*булахан*) были извѣстны въ прежнее время и бурятамъ, причемъ они, по словамъ г. Хангалова, явились въ замѣнъ шалашей (*бухэкъ*).³⁾

Къ этому же типу жилищъ слѣдуетъ отнести и балаганы, извѣстные у башкиръ. О нихъ упоминаетъ Рычковъ: это шалаша изъ луба, которые, по его словамъ, переносились съ одного мѣста на другое и служили бѣднѣйшему населенію въ качествѣ лѣтняго жилья⁴⁾. Въ настоящее время, насколько намъ извѣстно, эти балаганы не переносятся; они строятся въ мѣстахъ лѣтнихъ кочевокъ и представляютъ небольшія четырехугольныя зданія, часто даже безъ оконъ. „Берестяной домикъ — *аласыкъ*“, пишетъ г. Назаровъ, ничѣмъ особеннымъ не отличается, кромѣ того, что весь въ дырахъ, которыя въ совершенствѣ замѣняютъ окна и трубу. Нарѣ въ немъ нѣтъ, полъ-же устланъ разнымъ тряпьемъ⁵⁾. Среди горныхъ башкировъ рода Катай, лѣтнее жилище, — тотъ-же балаганъ, мы встрѣчаемъ уже въ значительно развитомъ видѣ: это небольшой срубъ, сколоченный изъ тонкихъ деревьевъ, крытый корою, съ очень маленькою дверью; къ нему пристраивается со стороны двери большей частью сдѣланное изъ плетня небольшое помѣщеніе, въ которомъ устроены чуваль, и гдѣ готовится пища. Окно это жилище не имѣетъ: оно освѣщается свѣтомъ,

¹⁾ Проскураковъ: 1. с., стр. 39.

²⁾ Приклонскій: 1. с., стр. 20, 23.

³⁾ М. Хангаловъ: Нѣсколько данныхъ для характеристики сѣв. бурятъ.

⁴⁾ Рычковъ: Дневныя записки, стр. 115.

⁵⁾ Назаровъ: Къ этнографіи башкиръ, Этнограф. Обзор IV, стр. 180.

проникающимъ черезъ дверь и черезъ щели въ стѣнахъ. Внутри устраиваются нары ¹⁾).

Вышеописанные типы балагановъ даютъ возможность начертить хотя-бы и въ общихъ чертахъ исторію ихъ развитія изъ шалаша: мы видѣли, что четырехгранный пирамидальный шалашъ, вѣроятно вслѣдствіе потребности къ расширенію внутренняго помѣщенія, обращается въ балаганъ, построенный изъ тонкаго лѣса, поставленнаго стоймя; но стѣнки его поднимаются не вертикально, а наклоняются во внутрь, что даетъ жилищу видъ трапецонда. Окно въ такомъ шалашѣ либо нѣтъ вовсе, либо окно продѣлывается на верху въ крышѣ, служащей вмѣстѣ съ тѣмъ и потолкомъ; лишь впоследствии окна начинаютъ дѣлать въ стѣнахъ, причемъ прикрытіемъ ихъ служитъ брѣшина, ледъ, пузыри и пр. О стеклѣ еще нѣтъ и помина. Стѣны постепенно выпрямляются, и жилище принимаетъ видъ правильнаго четырехугольника, по вѣншему виду уже вполне напоминающаго срубъ въ его простомъ видѣ. Крыша остается плоской или, въ лучшемъ случаѣ, дѣлается слегка на одинъ скатъ; покрытіемъ крыши служитъ тотъ-же матеріалъ, который употреблялся для покрытія шалашей: земля, береста, лубъ и т. п. Вслѣдствіе климатическихъ условій подобныя жилища обмазываются иногда глиной съ навозомъ, и тогда они представляютъ только то различіе отъ мазанокъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, что основу зданія представляетъ не плетень, а тонкія бревна. Устройство стѣнъ изъ стоекъ замѣняется горизонтальнымъ положеніемъ тонкихъ бревенъ, и въ этомъ своемъ видѣ балаганъ является ближайшимъ связующимъ звеномъ между этимъ типомъ жилья и срубомъ. Въ описанной лѣтовкѣ башкиръ-кайцевъ балаганъ развивается до прочнаго жилища съ плетневыми сѣнями, что не всегда бываетъ у первобытной формы сруба. Наконецъ, что касается внутренняго устройства, то первобытный очагъ замѣняется каминомъ-чуваломъ, причемъ этотъ послѣдній иногда продолжаетъ еще нѣкоторое время занимать мѣсто въ срединѣ помѣщенія (якуты, чулымскіе татары)—мѣсто, на которомъ естественно устраивается очагъ въ круглыхъ юртахъ,—а затѣмъ уже переносится въ уголь, находящійся у входныхъ дверей. Всѣ эти черты, характерныя для балагана въ его развитомъ видѣ, мы встрѣтимъ и въ первобыт-

¹⁾ Л. Бергхольцъ: Горные башкиры-кайцы, Этногр. Обзор. XVIII, стр. 77.

ныхъ срубахъ. Это сходство доходитъ до того, что подчасъ лишь ббльшая тонкость бревень, употребляемыхъ при устройствѣ балагановъ, отличаетъ ихъ отъ срубовъ.

Если разсмотрѣть географическое распредѣленіе описаннаго типа жилья, не трудно замѣтить, что оно распространено исключительно въ мѣстностяхъ, болѣе или менѣе богатыхъ лѣсомъ; тамъ, гдѣ чувствуется недостатокъ въ лѣсномъ строительномъ матеріалѣ, основой, образующей стѣны жилого помѣщенія, является обыкновенно плетень, что приводитъ къ новому типу жилья—мазанкамъ и ихъ разновидностямъ. Однако, зарожденіе плетневого жилья едва-ли будетъ справедливо искать исключительно въ степныхъ безлѣсныхъ пространствахъ: тамъ оно получило лишь ббльшее распространеніе, но и въ лѣсныхъ областяхъ мы также встрѣчаемся съ этимъ типомъ, такъ какъ значительная легкость въ устройствѣ заставляетъ прибѣгать къ нему и въ областяхъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ лѣсѣ.

Основа при устройствѣ плетневыхъ жилищъ заключается въ томъ, что стойки, образующія т. ск. раму, переплетаются плетнемъ отъ одной къ другой, чѣмъ образуются стѣны. Потребность сдѣлать жилье болѣе теплымъ приводитъ, какъ и при устройствѣ балагановъ, къ закидыванію стѣнъ глиной, навозомъ и пр., вслѣдствіе чего оно становится менѣе доступнымъ холоду и вѣтру.

В. Радловъ встрѣтилъ мазанки въ качествѣ зимняго жилища у телеутовъ (рис. 12) на ряду съ балаганами. Плетень былъ забро-

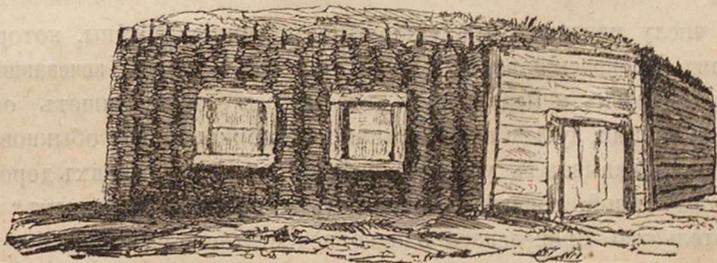

Рис. 12. Телеутская мазанка.

санъ глиною или землей. Въ деревнѣ, посѣщенной В. Радловымъ, эти дома служили телеутамъ и лѣтнимъ жильемъ. Преимущество подобныхъ построекъ заключается, по словамъ цитируемаго автора, въ томъ, что лѣтомъ онѣ прохладны, а зимой онѣ легко на-

грѣваются; кромѣ того постройка ихъ требуетъ немного труда и затратъ. Съ внѣшней стороны телеутскія мазанки чрезвычайно некрасивы и низки, такъ какъ онѣ находятся на половину подъ землей, но внутри онѣ не производятъ непріятнаго впечатлѣнія: стѣны и потолки чисто выбѣлены, полъ состоитъ изъ гладко утоптанной глины. Единственный недостатокъ этихъ домовъ, заключаетъ В. Радловъ, состоитъ въ томъ, что при каждомъ болѣе сильномъ дождѣ приходится страдать отъ проникающей сквозь стѣны сырости и что послѣ каждой непогоды стѣны требуютъ болѣе или меньшихъ поправокъ ¹⁾.

У абинскихъ татаръ, жившихъ по верхнему теченію р. Томи, около рр. Кондамы и Мразы, зимовки въ XVIII вѣкѣ представляли также мазанки, хотя и въ то время имъ были извѣстны уже бревенчатыя постройки. Зимнія хижины ихъ находились до половины въ землѣ, какъ и у современныхъ телеутовъ, но онѣ носили значительно болѣе количество чертъ первобытности; свѣтъ проходилъ черезъ дымовое отверстіе; потолокъ состоялъ изъ жердей и былъ покрытъ землею. Внутреннее устройство ихъ было очень просто, и очагъ не вездѣ былъ замѣненъ еще чуваломъ ²⁾). Мы привели описаніе плетневыхъ построекъ у указанныхъ народностей въ доказательство, что онѣ не являются исключительнымъ достояніемъ степныхъ мѣстностей, по своему типу однако онѣ скорѣе подходятъ къ другой формѣ жилищъ—къ землянкамъ, о которыхъ мы скажемъ ниже: вполне надземныя мазанки типичны для безлѣсныхъ степей.

Къ числу мазанокъ слѣдуетъ отнести зимнія хижины, которыя Мартинъ Броневскій видѣлъ въ XVI вѣкѣ у татаръ, кочевавшихъ между Днѣпромъ и Перекопомъ: „эта полоса земли, пишетъ онъ, покрыта нивами, лугами и татарскими хижинами, которыя обыкновенно варвары называютъ улусами; онѣ сдѣланы изъ тонкихъ деревьевъ, обмазаны тиной, грязью или навозомъ и покрыты камышемъ“ ³⁾). Свидѣтельство Броневскаго однако недостаточно ясно, чтобы судить, идетъ-ли рѣчь о плетневыхъ постройкахъ или о балаганахъ, и только соображеніе, что онѣ встрѣчались въ бѣдныхъ мѣстахъ

¹⁾ Radloff. Aus Sibirien. I, стр. 331, 332.

²⁾ Описаніе... народовъ, изд. Миллера. II, стр. 167.

³⁾ Описаніе Крыма, Tartariae descriptio, М. Броневскаго: Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др. VI, стр. 337.

пространствахъ, заставляеть скорѣе склоняться въ пользу мнѣнія, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ плетневыми стросніями. Тѣмъ болѣе цѣннымъ является свидѣтельство доминиканца Жана де-Люка (ок. 1625 г.), который отмѣчаетъ, что у перекопскихъ татаръ встрѣчались, при господствѣ переноснаго жилья, и плетневые строенія: „ихъ дома стоятъ бездѣлицу, пишетъ онъ; лучшіе складены изъ камня на извести; много у нихъ деревянныхъ и крытыхъ досками, другіе состоятъ изъ вбитыхъ въ землю колебевъ, между которыми вплетаютъ древесныя вѣтви, и крыты соломой“¹⁾.

Плетневые постройки были извѣстны въ XVIII вѣкѣ и **ногайцамъ**, жившимъ около кавказскихъ горъ, которые, хотя и перешли уже къ осѣдлости, занимались не только скотоводствомъ, но и хлѣбопашествомъ, но не могутъ быть причисляемы вполне къ осѣдлымъ народамъ, такъ какъ ихъ привычка кочевать выражалась въ частыхъ перемѣнахъ мѣстъ своихъ деревень: „они покидаютъ деревни свои часто и строятъ оныя, гдѣ покажутся имъ мѣста по-привольнѣе, вновь.“ Хижины ихъ „худыя, изъ хвороста сплетенныя и глиною обмазанныя“²⁾.

Наконецъ, **астраханскіе калмыки** за послѣдніе 30—40 лѣтъ начали на зиму устраивать себѣ мазанки. Замѣна кибитокъ на зиму болѣе прочными зданіями идетъ, по словамъ г. Житецкаго, съ двухъ концовъ: выстраиваютъ себѣ жилища богачи и бѣдняки; первыхъ побуждаетъ комфортъ, вторыхъ — холодъ. Послѣднимъ, впрочемъ, является на помощь правительство, выдавая на постройку денежное пособіе. Распредѣленіе ихъ въ астраханской степи далеко не равномерно: ихъ болѣе на периферіяхъ, чѣмъ внутри степи³⁾. Подробное описаніе устройства мазанокъ у калмыковъ мы находимъ у В. В. Сулова⁴⁾. По сообщаемымъ этимъ авторомъ свѣдѣніямъ мазанки (*тарлушки*) устроены слѣдующимъ образомъ: въ границахъ небольшого прямоугольника поставлено восемь высокихъ пней, обращенныхъ корнями вверхъ. Между этими пнями — *бахна* (русск. сохи) воткнуты въ землю нѣсколько стоекъ *челыкъ*; послѣднія обвиваются хворостомъ. На сохи кладутъ про-

1) Описаніе перекопскихъ и ногайскихъ татаръ ... Жана де-Люка въ Зап. И. Одесск. Общ. Ист. и Древн. XI, стр. 483.

2) Описаніе... народовъ, стр. 40, 41.

3) Житецкій. Оч. быта астрах. калмыковъ, стр. 5.

4) В. В. Суловъ. Очерки по исторіи др. русскаго зодчества. I, стр. 62, 63

гоны, а затѣмъ балки *гольденъ*; на эти послѣднія раскладываютъ жерди и на нихъ уже настилаютъ хворостъ. Весь этотъ скелетъ обмазываютъ глиною съ коровьимъ навозомъ и наконецъ всѣ стѣны жилого помѣщенія бѣлятъ краскою. Крыша также промазывается глиною и остается плоской. Мазанки собственно раздѣляются на двѣ части: въ первой находятся сѣни и кладовая или отдѣленіе для мелкаго скота, а 2-я часть составляетъ жилое помѣщеніе. Здѣсь стоитъ печь съ котломъ для воды, а по стѣнамъ прибиты полки для посуды и другихъ хозяйственныхъ принадлежностей. Мазанки освѣщаются маленькими окнами и снаружи почти до половины засыпаются землей или глиною для сохраненія тепла въ помѣщеніи.

Ордосскіе монголы, занимающіеся уже кромѣ скотоводства и земледѣліемъ, почти совершенно оставили войлочные юрты и живутъ въ мазанкахъ, сдѣланныхъ изъ плетня и обмазанныхъ глиной. Большая часть этихъ мазанокъ, пишетъ Г. Н. Потанинъ, имѣетъ видъ

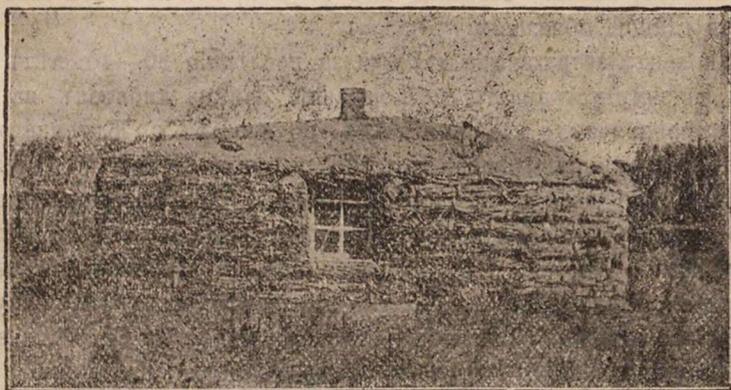

Рис. 13. Камышевый домикъ буюевскихъ киргизовъ.

продолговатыхъ сараевъ; сѣверная и южная стѣны длинныя, восточная и западная короткія; въ южной стѣнѣ дверь для входа; сверху зданіе покрыто коробовымъ сводомъ изъ такого-же плетня, какъ и стѣны; этотъ сводъ, сверху также обмазанный глиной, служитъ одновременно и крышей и потолкомъ. Внутри устройство и убранство такое-же, какъ въ китайскихъ фанзахъ: окна, оклеенныя бумагой, и жаровни для огня. Утварь китайская ¹⁾.

¹⁾ Г. Н. Потанинъ. Тангутско-тибетская окраина Китая. I, стр. 108, 109.

Наконецъ, среди *букеевскихъ киргизовъ* встрѣчаются плетневые строения, — камышевые домики. Основа ихъ состоитъ, какъ и въ обыкновенныхъ плетневыхъ строенияхъ, изъ стоекъ, а плетень замѣняется пучками камыша; форма ихъ, какъ и обыкновенно всѣхъ мазанокъ, четырехугольная. Крыша почти плоская; все зданіе очень низкое и освѣщается небольшимъ окномъ (рис. 13).¹⁾ Плетневые постройки извѣстны и при-иртышскимъ киргизамъ, которые однако употребляютъ ихъ лишь въ качествѣ хозяйственныхъ строеній. Какъ мазанки, такъ и балаганы въ развитомъ своемъ видѣ подходятъ вполне подъ понятіе дома. Разница отъ прочной избы заключается только въ матеріалѣ.

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію срубовъ, мы должны остановиться еще на одномъ видѣ жилища, которое, какъ и шалашъ, приводитъ при своемъ развитіи къ срубѣ—именно на *землянкѣ*, которая, даетъ, однако, и развитыя самостоятельныя формы, до которыхъ у полукочевыхъ тюрковъ и монголовъ срубъ не доразвился.

Если шалашъ является эмбриономъ, изъ котораго постепенно выходятъ другія формы жилья у разсмотрѣнныхъ нами народностей, то того-же нельзя вполне утверждать относительно землянокъ, если понимать послѣднія въ узкомъ смыслѣ слова, т. е. подземныхъ строеній; онѣ являются таковыми по видимому лишь у нѣкоторыхъ. Дѣло въ томъ, что потребность имѣть болѣе теплыя жилища на зиму привела нѣкоторыя народности къ отысканію себѣ жилищъ подъ землей. Землянки, т. е. врытыя въ землю жилища съ крышей, выходящей на поверхность земли, какъ извѣстно, широко были распространены у финновъ, у которыхъ онѣ играли выдающуюся роль въ исторіи развитія прочныхъ типовъ жилья. Поэтому насъ не должно удивлять, что этотъ-же типъ мы встрѣчаемъ и у нѣкоторыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей.

У *кузнецкихъ инородцевъ* напр. встрѣчаются, по словамъ Н. М. Ядринцева²⁾, землянки, совершенно схожія съ остяцкими *карамо*. Послѣднія часто устраиваются въ пещерахъ и въ горѣ. Кромѣ того на основаніи данныхъ, изложенныхъ нами въ другомъ мѣстѣ³⁾, есть полное основаніе думать, что остяцкія зем-

¹⁾ Рисунки всѣхъ типовъ жилищъ *букеевскихъ киргизовъ* заимствованы изъ коллекціи фотографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ моимъ братомъ А. Н. Харузинымъ.

²⁾ Ядринцевъ. Сибирскіе инородцы, стр. 115.

³⁾ Этнограф. Обзор. XXIV, стр. 46.

лянки возникли изъ жилищъ-ямъ, находившихся подъ землей, и лишь въ послѣдствіи постепенно поднялись надъ поверхностью. Этотъ фактъ выясняетъ тѣ переходные типы, которые мы встрѣтимъ среди землянокъ у тюрковъ. О существованіи аналогичныхъ жилыхъ строеній у телеутовъ мы имѣемъ свидѣтельства въ „Описаніи ...народовъ;“¹⁾ телеуты въ прежнее время строили жилища „въ ярахъ и разсѣлинахъ горъ, такъ что гора служила оградой съ трехъ сторонъ; крышку и переднюю стѣну дѣлали изъ хворосту и пр.“ Далѣе, повидимому, обычай устраивать себѣ подземныя жилища не вышелъ изъ употребленія и среди бѣдныхъ азіатскихъ киргизовъ, которые „зимой живутъ въ ямахъ или подземныхъ хижинахъ, гдѣ помѣщаются и дѣти и животныя.“²⁾ Наконецъ, Г. Н. Потанинъ сообщаетъ, что въ юго-восточномъ углу Ордоса, гдѣ монгольскія владѣнія захватываютъ часть площади лѣсса, монголы живутъ въ пещерахъ, вырытыхъ въ лѣссѣ.³⁾ Хотя въ настоящее время мы имѣемъ сравнительно мало свидѣтельствъ объ обычѣ устраивать себѣ землянки въ чистомъ ихъ видѣ, но нѣкоторыя формы нынѣ существующихъ или по крайней мѣрѣ недавно существовавшихъ жилыхъ или хозяйственныхъ строеній заставляютъ предполагать сравнительно широкое распространеніе этого обычая.

Жилища, *наполовину* врытыя въ землю, мы имѣли отчасти случай описать выше. Подобныя-же наполовину подземныя жилища помѣщенія отмѣчены были и Гмелиномъ у *кузнецкихъ татаръ*;⁴⁾ ихъ дома были наполовину врыты въ землю, стѣны были выведены изъ земли-же; наверху, въ крышѣ, было устроено дымовое отверстіе. У *башкиръ* Уфимской губ. въ башкирской усадьбѣ, въ небольшомъ отдаленіи отъ жилыхъ построекъ, на выгонѣ, устраивается до настоящаго времени еще землянка, въ которой сложена печь. Въ этой землянкѣ обыкновенно пекутъ хлѣбъ.⁵⁾ Въ другихъ мѣстностяхъ типъ почти первобытной землянки сохраняется башкирами при устройствѣ бань: бани—это срубки въ сажень шири-

1) II, стр. 161.

2) Lansdell. Russisch-Central-Asien, стр. 236.

3) Г. Н. Потанинъ. Тангутско-тибетская окраина Китая. I, стр. 109.

4) Gmelin. Reise durch Sibirien. I, стр. 278.

5) Пяновъ. Кара-Якуповская волость въ Изв. О. Арх. Ист. и Этногр. при И. Каз. У. XI, вып. 2, стр. 184.

ны и длины, и аршина $1\frac{1}{2}$, много 2 высоты. Потолокъ и полъ земляные; оконъ нѣтъ. Входъ очень низкій, такъ что чрезъ него можно пролѣзть только на четверенькахъ. Слѣва печь изъ голышей, наваленныхъ въ видѣ кучи. Трубы нѣтъ. ¹⁾ Далѣе подобная же землянка, наполовину врытая въ землю, извѣстна кундровскимъ татарамъ: она строится только на зиму (въ ноябрѣ), и разбирается въ мартѣ или апрѣлѣ.

Подробное описаніе ея мы находимъ у г. Мошкова ²⁾. Устройство землянки замѣчаетъ авторъ, по всей вѣроятности, заимствовано отъ русскихъ, потому что самое названіе ея—*з'эмнэнк'э* взято изъ русскаго. Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что кундровскіе татары стали переходить къ полуосѣдности лишь за послѣднее время и что даже въ настоящее время не всѣ строятъ себѣ на зиму землянки, а многіе проводятъ холодную часть года въ юртахъ. Землянка кундровцевъ устраивается слѣдующимъ образомъ: вырывается четырехугольная яма (*шункур*) аршинъ въ семь длиной, аршинъ шесть шириной и глубиной около 1 арш. По угламъ ея, вдоль будущихъ стѣнъ (*каврхасы*), вбиваются деревянныя стойки (*тыкты* или *бахана*); къ стойкамъ снаружи прикладываются доски (*тахта*), возлѣ нихъ слой камыша и, наконецъ, слой земли. Въ переднюю и заднюю стѣнки вставляются 3—4 окна; эти послѣднія состоятъ изъ деревянныхъ рамъ со вставленными въ нихъ стеклами; рамы и стекла покупаются на базарѣ. Часть стѣны, приходящаяся надъ окнами, обкладывается камышемъ. На стойки передней и задней стѣнокъ кладутъ двѣ балки, а для 3-й балки (средней) ставится въ срединѣ землянки еще 3—4 стойки; на эти три балки кладутъ брусья потолка въ разстояніи четверти одинъ отъ другого. На нихъ насыпается камышъ, на камышъ — солома и сѣно, потомъ слой навоза и, наконецъ, песокъ. Высота землянки опредѣляется такъ: „чтобы самому высокому человѣку не приходилось нагибаться“. Посрединѣ передней стѣны вставляется досчатая, одностворчатая дверь, которая виситъ на желѣзныхъ крючкахъ. Всѣ деревянныя и желѣзные части землянки заготовлены разъ навсегда, продолжаетъ г. Мошковъ, и по окончаніи зимы, когда землянку разбираютъ, скла-

¹⁾ П. С. Назаровъ. Къ этнографіи Башкиръ. I. с.

²⁾ В. А. Мошковъ: Мелодіи оренбургскихъ и погайскихъ татаръ въ Изв. Общ. Арх., Ист. и Этногр. при И. Каз. Ун. XII, вып. 1-й, стр. 13—15.

дываются на возъ и отправляются въ ближайшее поселеніе осѣдлыхъ ногайцевъ, гдѣ за небольшую плату онѣ сдаются на храненіе. Посреди землянки складывается кирпичная печь (*биш*), длиною и вышиною аршина по 2 и шириною аршина въ $1\frac{1}{2}$. Отъ печи идетъ вертикальная кирпичная труба черезъ потолокъ; въ печь вмазывается чугунный котелокъ для варки пици, а иногда и небольшая плита. Вдоль обѣихъ боковыхъ стѣнокъ землянки дѣлаются деревянные нары. Къ землянкѣ пристраивается дворъ, такъ что входная дверь землянки выходитъ въ него.

У киргизовъ Акмолинской области встрѣчаются еще выкопанныя въ землѣ жилища, съ небольшимъ, ряда въ 4, бревенчатымъ срубомъ, покрытымъ жердями съ земляной насыпью и дымовымъ окномъ ¹⁾).

Описанные виды землянокъ являются переходными типами отъ землянки—въ тѣсномъ смыслѣ слова, къ срубчатымъ или плетневымъ постройкамъ. Путемъ поднятія землянки изъ земли она становится все болѣе надземнымъ строеніемъ, при чемъ въ зависимости отъ того, происходитъ-ли укрѣпленіе стѣнъ посредствомъ плетня или бревень, развивается или мазанка или срубъ. Такимъ образомъ, землянка приводитъ постепенно къ срубѣ, такъ-же какъ къ нему приводитъ и шалашъ.

Нѣсколько другимъ путемъ происходитъ переходъ землянки къ срубѣ, когда для возведенія стѣнъ поднимающагося изъ-подъ земли жилища начинаетъ служить земля; происходитъ это, естественно, въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ, гдѣ, прежде чѣмъ перейти къ постройкамъ изъ необожженныхъ кирпичей, четырехугольныя постройки возводятся, какъ и чучела, изъ дерна. Въ первобытномъ ея состояніи мы встрѣчаемъ эту землянку у киргизовъ; устройство ея слѣдующее: стѣны возводятся изъ дерна, при чемъ толщина стѣнъ колеблется между 1 и 2 аршинами. Поверхъ земляной кладки стелется изъ жердей крыша слегка на одинъ скатъ или совершенно плоская. Оконъ въ землянкѣ нѣтъ; свѣтъ проходитъ черезъ отверстіе посрединѣ крыши, служащее также и дымовымъ отверстіемъ. Полъ земляной. ²⁾—Въ подобныхъ землянкахъ въ на-

¹⁾ Словцовъ: Путевыя замѣтки, стр. 13, въ Зап. Зап.-Сиб. Отд. II. Р. Г. О. III.

²⁾ В. Шпа: Зимовки... кочевниковъ Акмолинской области, въ Зап. Зап.-Сибирск. Отд. II. Р. Г. О. XVII, вып. 1-й, стр. 4.

стоящее время помѣщаются только рабочіе, или онѣ служатъ кладовой; въ нихъ-же ставится мелкій или большой скоть. Онѣ пристраиваются къ жилому помѣщенію и соединяются съ послѣднимъ посредствомъ двери; эти землянки значительно ниже жилыхъ, и хотя, какъ только-что было указано, онѣ служатъ теперь преимущественно для помѣщенія рабочихъ и хлѣвами, едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что въ лицѣ ихъ мы имѣемъ типъ болѣе древней землянки, которая послужила типомъ для общеупотребительнаго земляного или глинянаго зимняго жилища, распространеннаго у полукочевниковъ въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ.

Торгоутамъ зимними жилищами служатъ, по словамъ А. А. Ивановскаго, „маленькія, низкія, сбитыя изъ глины, смѣшанной съ галькой, лачужки. Два-три окна, величиною не болѣе квадратнаго полуаршина, затянутыя обыкновенно какими-нибудь старыми тряпками, съ трудомъ пропускаютъ въ такую зимовку дневной свѣтъ. Полъ — земляной. Печь сбита изъ глины, безъ трубы, а для выхода дыма, какъ и въ юртахъ, дѣлается наверху отверстіе. Такая лачужка прикрываетъ отъ холода обыкновенно такое количество людей, что, располагаясь ночью спать, они занимаютъ три четверти ея, оставляя остальную четверть на долю маленькихъ ягнятъ, помѣщаемыхъ тутъ-же, рядомъ съ ними“ ¹⁾.

Мы остановимся подробнѣе на землянкѣ **киргизовъ**, такъ какъ она дастъ возможность уяснить себѣ постепенное развитіе этого типа жилища. Мы уже видѣли, что представляетъ собой наиболѣе простой типъ киргизской землянки. Дальнѣйшее ея развитіе можно наблюдать на зимовкѣ степныхъ киргизовъ въ Эмбенскомъ уѣздѣ ²⁾. Киргизы названнаго уѣзда строятъ свои зимнія жилища обыкновенно на возвышенномъ берегу рѣки или также и въ низколежащихъ мѣстностяхъ; въ послѣднемъ случаѣ однако устраиваютъ ихъ такъ, чтобъ весенніе разливы не затопили жилья. На высокихъ мѣстахъ матеріаломъ для возведенія стѣнъ служитъ глина; на низкихъ она замѣняется дерномъ; кромѣ того, для постройки необходимы еще киргизу камышъ и липовыя жерди. Землянкѣ своей, замѣчаетъ М. А. Леваневскій, киргизъ старается дать правильную четырехугольную

¹⁾ А. А. Ивановскій: Монголы-торгоуты, стр. 11.

²⁾ М. А. Леваневскій: Очерки киргизскихъ степей Эмбенскаго у. Земле-вѣдѣніе. 1894, № 3, стр. 48.

форму, но, не имѣя понятія ни объ отвѣсѣ, ни о ватерпасѣ, вылъпливаетъ ее обыкновенно кверху у́же, съ замѣтно кривыми стѣнками, окнами и дверями; слѣдовательно, такой типъ землянки получаетъ видъ неправильнаго трапецоида. Окна выходятъ на солнечную сторону. Крышей служатъ липовыя жерди или камышъ; сверхъ камыша кладется болѣе или менѣе толстый слой навоза съ землей, и затѣмъ все это смазывается глиной. Землянка представляетъ въ большинствѣ случаевъ лишь одну комнату: ее перегородиваетъ до извѣстной степени печь со вмазаннымъ котломъ. Къ жилому помѣщенію пристраиваются обыкновенно сѣни, въ которыхъ помѣщается крупный скотъ. Къ сѣнямъ, въ свою очередь, пристраиваются помѣщенія для мелкаго скота, при чемъ они дверями соединяются съ сѣнями. Дверь въ землянку дѣлается изъ досокъ, узкая, низкая; дверной ручкой служитъ кусокъ палки, вбитый въ отверстіе, или кусокъ ремня или веревки.

Среди акмолинскихъ степныхъ киргизовъ употребительны зимовки изъ дерна. Отличительной чертой зимовокъ,—пишетъ г. Шнэ, которому мы обязаны неболѣе обстоятельнымъ описаніемъ этого вида жилища у акмолинскихъ киргизовъ¹⁾,—является тѣсная связь людскаго жилья со скотными дворами. Сплоченность до такой степени близка, что, желая попасть въ жилище киргиза, вы должны пройти почти все двory и загородки для скота. Эта скученность жилыхъ помѣщеній съ хозяйственными постройками имѣетъ свое объясненіе въ условіяхъ, въ которыхъ живетъ киргизъ-степнякъ: частыя зимнія бури вызываютъ снѣжные заносы, и киргизу необходимо защитить отъ нихъ свое жилое помѣщеніе и, кромѣ того, оставить себѣ возможность обойти и осмотрѣть свое хозяйство, не подвергаясь стужѣ. Стѣны жилого помѣщенія возводятся у акмолинскихъ киргизовъ изъ дерна; ширина стѣнъ отъ 1—2 арш. Поверхъ земляной кладки вдоль стѣнъ накладываются бревна въ одинъ рядъ или вѣнецъ, который служитъ опорой крыши, а эта послѣдняя замѣняетъ потолокъ жилья. Крыша дѣлается плоскою или съ небольшимъ наклономъ или скатомъ. Въ первомъ случаѣ укладываются толстые горбыли со стѣны на стѣну по ширинѣ жилища; бревна лежатъ не сплошь, а съ промежут-

1) В. Шнэ: Зимовки и др. постоянныя сооруженія кочевниковъ Акмолинской Области, стр. 1—12 въ Зап. Зап.-Сибирск. Отд. И. Р. Г. О. XVII, вып. 1-й.

ками, которые заполняются хворостомъ или камышемъ; поверхъ послѣднихъ настиляется дернъ. Крыша посрединѣ сдерживается балкой. Иногда, впрочемъ, устраиваются и двускатныя крыши; въ этомъ случаѣ, балка возвышается надъ общимъ уровнемъ стѣнъ на 6 — 12 вершковъ; укладка жердей идетъ на двѣ стороны ея, чѣмъ и образуется незначительный скатъ крыши, препятствующій застою воды въ дернѣ. Балка поддерживается 2—3 столбами внутри землянки, при чемъ нижніе концы столбовъ устанавливаются въ гнѣзда балки, лежащей на земляномъ полу жилия параллельно верхней. Дверь продѣлывается въ срединѣ стѣны со стороны двора, а въ противоположной стѣнѣ, лицевой, — одно или два окна, со вставленнымъ тусклымъ стекломъ и нерѣдко замѣняемымъ пузыремъ. Жилое помѣщеніе дѣлится на двѣ половины: передняя часть обставлена нарами въ $\frac{1}{4}$ арш. вышины; нары настилаются изъ досокъ или тесаныхъ бревенъ отъ нижней балки къ лицевой стѣнѣ, гдѣ опорой имъ служить другая балка или земляная заваленка. На нарахъ вся семья киргиза проводитъ день и ночь. На другой половинѣ землянки въ одномъ изъ угловъ ставится печь; она кладется изъ сырцоваго кирпича (глинобитныхъ печей, по словамъ г. Шнэ, не встрѣчается). Глиной же вымазываютъ печь снаружи и стѣны землянки; иногда то и другое еще подбѣливается. Печь состоитъ изъ двухъ отдѣленій, съ двумя отдѣльными трубами, которыя, однако, сходятся у потолка, и двумя топками: въ одномъ отдѣленіи, похожемъ на русскую лежанку, грѣется большой котель, замуравленный надъ топкой, а другое отдѣленіе сложенное въ видѣ пирамиды, представляетъ подобіе русской печи. По стѣнамъ землянки, по угламъ на полкахъ развѣшиваются и разставляются платье, конскіе уборы, кошмы и т. д. Описанное жилище имѣетъ обыкновенно 2 саж. длины, $\frac{1}{2}$ саж. ширины и 1 саж. вышины. Къ жилому помѣщенію пристраиваются справа и слѣва землянки для мелкаго скота, при чемъ эти помѣщенія обыкновенно вдвое больше размѣровъ жилия. Рядомъ съ хлѣвами строятся еще двѣ подобныя-же землянки для рабочихъ и для склада хозяйственныхъ припасовъ (кладовая). Вокругъ этихъ построекъ группируются еще загоны, устраиваемые болѣе просто: все пространство, которое образуетъ дворъ и окружается валомъ, стѣной (шириной въ $1\frac{1}{2}$ арш.) изъ земли съ тростникомъ, гнилымъ сѣномъ, валежникомъ, — киргизъ разбиваетъ на

отдѣльные квадратные загоны, съ отдѣльными воротами-калитками, съ высокимъ тыномъ изъ тальника и камыша. Весь дворъ, соединяющій въ себѣ хлѣвы, загоны и пр. прикрывается крышей, лежащей на столбахъ, которыхъ бываетъ до 30-ти и болѣе.

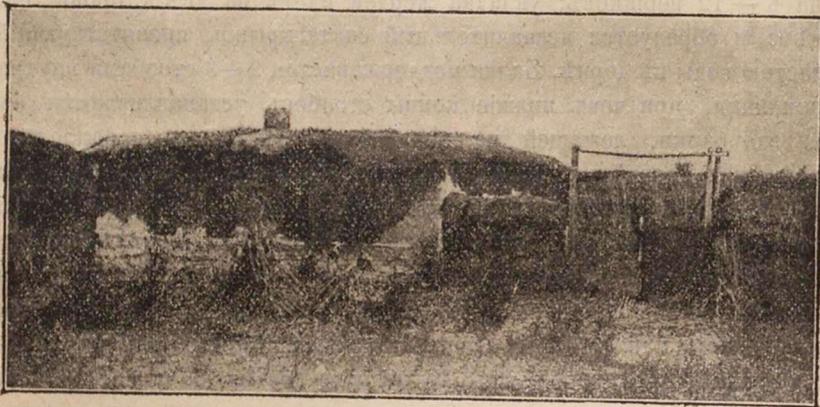

Рис. 14.

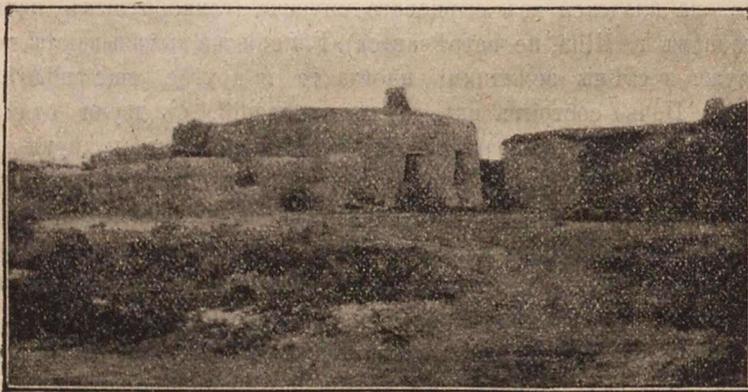

Рис. 15. Зимовки бугеевскихъ киргизовъ.

Среди киргизовъ Бугеевской орды мы встрѣчаемъ тотъ-же видъ зимовокъ, но тамъ матеріаломъ обыкновенно служить не дернъ, а глина, которая идетъ на выдѣлку кирпичей, просушиваемыхъ на солнцѣ. По внѣшнему виду и по внутреннему устройству зимовка не представляетъ существенныхъ отличій отъ только-что описаннаго типа. Рис. 14 и 15 представляютъ типы зимовокъ бугеевскихъ киргизовъ.

Немногіе караногайцы, устраивающіе себѣ прочныя жилища на зиму, возводятъ стѣны также изъ не обожженныхъ кирпичей и кроютъ ихъ камышемъ¹⁾. Тотъ-же принципъ соединенія хозяйственныхъ построекъ (помѣщеній для скота) съ жилыми мы видимъ и у **кундровскихъ татаръ**. Нѣсколько землянокъ (5—10), описаннаго выше типа, выстраиваются въ линію, при чемъ входныя двери обращены у всѣхъ въ одну сторону. Всѣ землянки имѣютъ одинъ общій четырехугольный дворъ, окруженный камышевымъ заборомъ, вышиною въ человѣческой ростъ, читаемъ мы у г. Мошкова. Дворъ раздѣленъ перегородками на части по числу отдѣльныхъ хозяевъ. Во дворъ каждаго хозяина съ одной стороны выходитъ дверь землянки, къ передней стѣнкѣ которой, въ одну линію съ нею, пристроенъ заборъ, а съ другой, противоположной, ведутъ ворота, которыя дѣлаются обыкновенно изъ двухъ стоекъ и досчатой створки, привѣщенной желѣзными петлями на желѣзныхъ крючкахъ. Створки дѣлаются простыми или рѣшетчатыми. Заборъ, окружающій зимовку, устраивается слѣдующимъ образомъ: вырывается небольшой ровъ, глубиною въ аршинъ, въ него ставится сплошной рядъ камышевыхъ сноповъ, корень которыхъ зарывается въ землю, а верхушки оплетаются вокругъ перекладинъ, лежащихъ на деревянныхъ угловыхъ стойкахъ²⁾.

Описанный типъ землянокъ и дворовъ полукочевниковъ претерпѣваетъ нѣкоторыя видоизмѣненія въ зависимости отъ благосостоянія хозяина и отъ условій мѣстности. Хотя въ описанной у акмолинскихъ киргизовъ, со словъ г. Шнэ, зимовкѣ, мы и имѣемъ уже сравнительно развитой типъ жилища, она сохраняетъ и черты первобытности. Дѣйствительно, мы видимъ въ ней уже печь, которая устраивается съ трубой; землянка раздѣлена на два помѣщенія, въ ней есть уже стекольчатая окна; но если откинуть эти появившіяся сравнительно недавно нововведенія, мы увидимъ, что землянка киргиза носитъ всѣ черты первобытнаго жилья: меньшіе размѣры, плоская крыша, служащая вмѣстѣ съ тѣмъ и потолкомъ, земляной полъ—и отличіе такой землянки отъ землянки, употребляемой въ качествѣ помѣщенія для рабочихъ или въ качествѣ хлѣва, будетъ заключаться только въ присутствіи окна, которое однако иногда прикрывается еще пузыремъ, и въ замѣнѣ

1) Г. Анаевъ: Караногайцы, стр. 43.

2) В. А. Мошковъ, I. с., стр. 15.

очага—печью. Описанный видъ землянки представляетъ еще тотъ интересъ, что онъ является переходомъ къ бревенчатымъ постройкамъ: земляныя стѣны облицованы бревнами—и если даже сравнительно у богатыхъ киргизовъ, несмотря на устройство трубной печи, иногда деревяннаго пола и относительно роскошнаго внутренняго убранства жилья, продолжаетъ держаться этотъ видъ землянокъ, то это объясняется исключительно отсутствіемъ лѣса, такъ какъ всѣ деревянныя части современныхъ землянокъ привозятся въ степь, которая позволяетъ степняку добывать на мѣстѣ только ивовый кустарникъ для плетня. Дѣйствительно, въ тѣхъ частяхъ Акмолинской Области, гдѣ лѣсъ не составляетъ рѣдкости, зимовки дѣлаются уже бревенчатая, хотя въ планѣ и внутреннемъ устройствѣ онѣ сохраняютъ тѣ-же черты, какія являются характерными для степныхъ землянокъ. Въ лѣсистыхъ частяхъ замѣчается также и другое расположеніе двора: маленькія роци, среди которыхъ обыкновенно строятся зимовки, предохраняютъ отъ зимнихъ выюговъ и заносовъ, и тамъ нѣтъ необходимости, какъ въ степныхъ частяхъ, скучивать въ одно жилища и хозяйственныя постройки; поэтому въ лѣсныхъ частяхъ хозяйственныя постройки оказываются отдѣленными отъ жилого помѣщенія¹⁾.

Мы видѣли, что описанные типы жилыхъ построекъ постепенно могутъ перейти въ срубы: балаганы и мазанки путемъ замѣны менѣе прочнаго матеріала болѣе устойчивымъ— бревнами, землянки—путемъ постепеннаго поднятія ихъ на поверхность земли, причемъ это поднятіе совершается или посредствомъ устройства между подземнымъ помѣщеніемъ и крышей плетня или сруба, или при устройствѣ земляныхъ стѣнъ—посредствомъ закрѣпленія ихъ облицовкой изъ бревенъ. Въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ дернъ замѣняется мѣстами сырыми кирпичами, замѣна, благодаря которой могутъ возникнуть уже правильныя кирпичныя или каменныя постройки; но такъ какъ послѣднія составляютъ уже принадлежность осѣдлыхъ народностей, то онѣ и не входятъ въ предѣлы названной статьи. Недостатокъ въ лѣсѣ служитъ также причиной того, что мазанки и землянки долго держатся среди степняковъ, причемъ землянки, какъ это мы видѣли, развиваются до самостоятельной формы и уже въ этомъ развитомъ видѣ переходятъ въ срубчатыя постройки. Эти послѣднія естественно должны были

¹⁾ В. Шнѣ. I. с. стр. 8, 9.

зародиться въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, и именно тамъ мы и находимъ наиболѣе примитивные типы срубовъ.

Первобытные срубы, представляющіе переходную форму отъ землянокъ, мы видѣли у башкиръ въ ихъ баняхъ, а въ качествѣ жилья они встрѣчаются у киргизовъ Акмолинской области. Первобытный-же срубъ, среднее между мазанкой и балаганомъ, мы встрѣчаемъ опять-таки у башкиръ въ ихъ лѣтнихъ жилищахъ: это небольшіе бревенчатые домики съ плоской, крытой лубомъ, крышей; полъ земляной, оконъ нѣтъ. Двѣ стороны внутреннихъ стѣнъ заняты нарами, а у третьей стѣны помѣщается очагъ или иногда чуваль. Такого рода домики башкиръ ставятъ на мѣстахъ своихъ перекочевокъ, и такъ какъ этихъ послѣднихъ бываетъ иногда 5—6, то во владѣніи одной семьи иногда находится нѣсколько такихъ домиковъ¹⁾.

Нѣкоторый прогрессъ сравнительно съ этимъ лѣтнимъ помѣщеніемъ представляютъ срубы башкиръ рода Катай. Эти избы строятся изъ тонкихъ бревенъ, крыты дранью или лубками, въ 2 окна на улицу и 1 во дворъ. Обыкновенно изба состоитъ изъ одной комнаты; дверь прямо со двора, безъ сѣней. Во внутреннемъ своемъ устройствѣ эти дома совершенно схожи съ лѣтними жилищами, но въ нихъ иногда рядомъ съ чуваломъ устраивается маленькая печь, въ которую вмазывается котель, служащій для варки мяса и подогрѣванія воды; въ немъ-же стирается бѣлье.²⁾ Въ тѣхъ-же чертахъ подобные срубы описаны у башкиръ въ XVIII ст.: „Въ деревнѣ (аулѣ) бываетъ дворовъ отъ 10—50, читаемъ мы въ „Описаніи... народовъ“³⁾;“ они срублены изъ бревенъ худо и не прочно, и состоятъ по большей части въ одной избѣ съ плоскою крышкою. Внутри расположено все по татарскому вкусу, но худо. Полати служатъ часто и хлѣвами для молодой скотины. Очагъ огороженъ вокругъ шестиками, которые перевязаны и глиною обмазаны (*чуваль*, подробное описаніе котораго у башкиръ находится у Палласа. I. стр. 649—650). Возлѣ онаго закладенъ кирпичами чугунный котель. Многія двери такъ малы, что надобно въ нихъ пролѣзать, свѣтотыя-же въ стѣнахъ окна обтянуты по большей части, вмѣсто стеколъ, пузырями, рыбьими кожами или оку-

1) П. С. Назаровъ. I. с.

2) Берггольцъ: Горные Башкиры-Катайцы; Этногр. Обзор. XVIII, стр. 88, 89.

3) II, стр. 88, 89.

нутыми въ масло трипицами. При всякомъ жильѣ есть небольшая четырехугольная кладовая.“ Дворъ башкира-катайца до настоящаго времени отличается бѣдностью: на немъ обыкновенно не дѣлается никакихъ хозяйственныхъ построекъ, если не считать амбара, который встрѣчается въ рѣдкихъ случаяхъ; скотъ помѣщается въ огороженномъ дворѣ, подъ открытымъ небомъ¹⁾. Иногда въ этихъ срубкахъ кладутъ на землю доски или разстилаютъ кошмы. Само помѣщеніе дѣлится на 2 части: первая, т. е. прихожая, служитъ для приготовления кушанья; здѣсь же устраивается и очагъ, складывается провізія; вторая, отдѣленная стѣной или занавѣской, служитъ спальней. Около жилого помѣщенія обыкновенно устраивается дворикъ, обнесенный изгородью, куда загоняютъ на ночь скотъ²⁾.

Болѣе развитой срубъ отмѣченъ Г. Баишевымъ въ описаніи быта перешедшихъ въ недавнее время къ полной осѣдлости башкиръ дер. Зіанчуриной (Орскаго у. Оренбургск. губ.); менѣе состоятельные башкиры имѣютъ въ качествѣ жилища грубосколоченные, необтесанные срубы съ 2—3-мя отверстіями для оконъ; „отверстія эти у одного и того-же дома различной формы и величины: одни имѣютъ видъ квадрата, сторона котораго $\frac{1}{2}$ арш. или $\frac{3}{4}$ арш.; другія—видъ прямоугольника, но никакъ не выше одного аршина. Рама въ нихъ вставляется прямо безъ косяковъ, а то затягиваются они и пузыремъ за неимѣніемъ рамъ.“ Такіе дома строятся обыкновенно слѣдующимъ образомъ: низенькія стѣны выводятъ прямо съ земли безъ фундамента, прорубаютъ отверстія для оконъ и двери; послѣднюю устраиваютъ съ косяками; затѣмъ стелютъ полъ и потолокъ, кладутъ печь „полуголанку“ съ очагомъ. Далѣе на самыхъ верхнихъ, расположенныхъ другъ противъ друга, бревнахъ укрѣпляютъ два столбика отъ 1-1 $\frac{1}{2}$ арш. вышиною; на столбики кладутъ жердочку, а поперекъ нея лубки, концы которыхъ связываютъ, чтобы не сбросило ихъ вѣтромъ. Это и есть обыкновенная крыша башкирскихъ домовъ“. У большинства домовъ трубъ нѣтъ: онѣ замѣняются отверстіемъ въ крышѣ.³⁾ Д. П. Ни-

¹⁾ Бергхольцъ: I. с. стр. 77.

²⁾ Д. П. Никольскій: Изъ поѣздки къ лѣснымъ Башкирамъ. Землевѣдніе, 1895. IV, стр. 51.

³⁾ М. Баишевъ: Деревя Зіанчурина въ Изв. Оренбургск. Отд. И. Р. Г. О. вып. 7, 1895 г., стр. 3—4.

кольскій встрѣчалъ у уральскихъ башкиръ въ деревянхъ избы, крытыя лубомъ, дранками, иногда просто землей. Настилка пола дѣлается, по словамъ изслѣдователя, на балкахъ и перилахъ; стѣны, потолокъ и полъ обтесаны. Обыкновенно 1-2 окна выходятъ на улицу, а одно во дворъ. Внутри избы, иногда среди наръ, оставляется промежутокъ, — мѣсто для стола, на которомъ ѣдятъ башкиры. Надъ нарами укрѣпляется шнуръ для вѣшанія платья и занавѣсь, отдѣляющая женскую половину отъ мужской. Около дверей помѣщается чумаль, рядомъ съ которымъ стоитъ печь съ закрѣпленнымъ въ нее котломъ для варки пищи. Около дома — дворы и нѣкоторыя хозяйственные постройки ¹⁾.

Татары, жившіе полуосѣдло въ XVIII вѣкѣ около Астрахани, повидимому въ устройствѣ зимовокъ ушли недалеко отъ только что описанныхъ типовъ срубовъ: всѣ въ сихъ деревянхъ находящіеся дома, пишетъ Гмелинъ ²⁾, снаружи худы, деревянные, безъ кровель, построены безпорядочно, и какъ дворы, такъ и скотскіе хлѣвы обнесены камышемъ.

Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Акмолинской Области киргизы строятъ бревенчатыя зимовки: онѣ состоятъ изъ сруба въ 15 — 17 вѣнцовъ, сложенныхъ изъ березовыхъ бревенъ толщиною 4—5 вершк. и длиною 5—7 арш. Потолокъ настиляется изъ горбылей тѣхъ-же размѣровъ, и на него наваливается камышь, земля, дернъ. Чаще всего прикрытіе зимовки этимъ ограничивается, въ рѣдкихъ случаяхъ ставятся сверху стропила ³⁾. Если откинуть внутреннее расположеніе подобной зимовки, устройство въ ней хорошей печи и дѣленіе ея на двѣ комнаты, мы получимъ тотъ-же типъ первобытнаго сруба, который мы видѣли у башкиръ.

Далѣе подобныя же срубы мы встрѣчаемъ у алтайскихъ тюрокъ. Это небольшая изба, длина и ширина которой равняется 2 саж., безъ стѣней, съ одной дверью и 2-мя маленькими окнами. „Покривившаяся печь, двѣ скамейки самой грубой работы и таковой-же миниатюрный столъ, самой грубѣйшей работы, кровать.

¹⁾ Д. П. Никольскій. Изъ поѣздки къ лѣснымъ башкирамъ, Землевѣдѣніе, 1895. IV, стр. 54—55.

²⁾ Гмелинъ: Путешествіе по Россіи. II, стр. 174.

³⁾ В. Шнв. I. с. стр. 9.

Въ маленькомъ шкафикѣ, прибитомъ къ стѣнѣ, ничтожное количество плохой посуды“—такими словами описываетъ одинъ очевидецъ срубъ-избу алтайскихъ инородцевъ.¹⁾

Дальнѣйшее развитіе этого типа заключается въ томъ, что къ срубѣ дѣлается пристройка, служащая сѣнями. Часто эта пристройка дѣлается изъ плетня, обмазаннаго глиной, т. е. къ жилому помѣщенію въ видѣ сруба пристраивается мазанка, служащая чуланомъ. Мы уже имѣли случай описать подобную постройку у башкиръ, гдѣ плетневый чуланъ пристраивается къ лѣтнему жилищу, которое по способу устройства слѣдуетъ отнести къ балаганамъ.

Аналогичную постройку, но уже въ качествѣ зимняго жилища, мы видимъ у **при-иртышскихъ киргизовъ**, которые только что начинаютъ переходить къ осѣдлости. Объединеніе киргиза, лишая его единственнаго богатства скота, вынуждаетъ его подчасъ идти на казачью линію и наниматься въ работники, а впослѣдствіи онъ обзаводится уже собственнымъ хозяйствомъ, занимается хлѣбопашествомъ и пр. Изба такого „джатака“ состоитъ обыкновенно изъ деревянной избы въ одну комнату: избы средняго достатка киргиза не имѣютъ потолковъ; крыши плоскія. Окна въ избахъ небольшія со етеклами, иногда эти послѣднія замѣняются пузыряремъ или брюшиною. Къ избѣ пристраивается чуланъ (*эттыкъ*) изъ обмазаннаго глиной плетня. Дворъ подобнаго киргиза очень бѣденъ: отдѣльная изба строится для женатаго сына, устраиваются и глухіе скотные дворы изъ бревенъ, жердей и плетня, которые кроются жердями же или хворостомъ²⁾.

У алтайцевъ кромѣ вышеописаннаго сруба мы видимъ въ качествѣ зимняго помѣщенія тотъ-же типъ жилья, но уже съ пристроенными къ нему сѣнями; этотъ видъ зимовки представляетъ собой небольшой срубъ изъ шести рядовъ; крыша скатомъ и покрыта землей; окно въ боковой стѣнѣ. Внутри, вокругъ стѣнъ, идетъ рядъ лавки, покрытой берестой; очагъ замѣненъ печью; дверь прикрѣпляется на первобытномъ шалнерѣ съ ремешкомъ³⁾. Плоская крыша иногда замѣняется двускатной, крытой берестой; бревна кладутся на мхъ. Много юртъ пятистѣнныхъ, пишетъ В. И.

¹⁾ Ядринцевъ: Сибирскіе инородцы, стр. 96.

²⁾ Катанаевъ: Прииртышскіе казаки и киргизы, стр. 24. Зап. Зап-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XV, вып. 2.

³⁾ Ядринцевъ: Алтай. I. с. стр. 634.

Вербицкій, съ двумя дверями (одна противу другой на разстояніи 2 арш.), между которыми находится предъюртіе для поклажи хозяйственныхъ принадлежностей. Входъ въ юрту закрытъ тесовою дверью, которая вращается на ремешкахъ. Съ лѣвой стороны двери устраивается очагъ, иногда и чуваль. Передъ чуваломъ, въ верху крыши, продолговатое отверстіе для свѣта; зимою оно закрывается льдиной. По передней стѣнѣ и двумъ боковымъ сдѣланы широкія, около аршина, возвышенія, отъ полу не болѣе 5 вершковъ, покрываемыя берестю, какъ и въ болѣе развитомъ описанномъ выше, со словъ Н. М. Ядринцева, типъ сруба. Въ этихъ юртахъ нѣтъ потолковъ. Полъ застилается досками, причемъ около очага оставляется непокрытое земляное пространство, имѣющее видъ полукруга.¹⁾

Зимовки въ видѣ срубовъ извѣстны были сибирскимъ татарамъ еще въ XVIII в. Такъ напр. зимнее жилище барабинскихъ татаръ описывается какъ схожее съ выше отмѣченнымъ срубомъ башкиръ, но у барабинцевъ, уже пристраивались сѣни; кромѣ того окно дѣлалось въ потолокъ, причемъ оно служило «не столько для свѣту и исхожденія паровъ, сколько для того, чтобы въ случаѣ великихъ метелицъ, во время которыхъ иногда совсѣмъ заносить снѣгомъ ихъ хижины, вылѣзть на дворъ симъ отверстіемъ и опрастывать двери»²⁾. Гмелинъ описываетъ срубы у кузнецкихъ татаръ и находитъ ихъ одинаковыми съ телеутскими; здѣсь также были широкія низкія нары³⁾. Радловъ отмѣчаетъ срубы у кумандинцевъ: это сооруженные изъ бревенъ дома, пишетъ онъ, съ небольшими сѣнями и кладовой. Жилое помѣщеніе всегда имѣетъ два окна, стекольчатыхъ или затянутыхъ брюшиной; внутри жилые имѣетъ печь; у стѣны идетъ широкая лавка и кромѣ того въ комнатѣ стоитъ еще нѣсколько ирбитскихъ сундуковъ. Въ общемъ внутри домовъ очень мало порядка⁴⁾.

Въ описанныхъ видахъ срубовъ обстановка обыкновенно бѣдна; въ нихъ часто грязно и неопрятно, и если смотрѣть съ этой точки зрѣнія, ни они, ни земляныя зимовки киргизовъ не являются болѣе удобными, чѣмъ юрты, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ,

1) В. И. Вербицкій: Алтайскіе и народцы, стр. 17, 18.

2) Описаніе... народовъ. II стр. 109.

3) Gmelin. Reise durch Sibirien. I. стр. 272.

4) Radloff. Aus Sibirien. I. стр. 363.

когда первобытный очагъ еще не замѣненъ чуваломъ или печью. Поэтому отъ большинства путешественниковъ приходится слышать жалобы на неудобства, съ которыми сопряжены остановки въ этихъ помѣщеніяхъ.

Въ срубѣ съ сѣнями мы имѣемъ уже основу для болѣе обширнаго и удобнаго жилья: по мѣрѣ увеличенія матеріальнаго благосостоянія и уровня культуры обстановка этихъ жилищъ становится чище, размѣры сруба увеличиваются, иногда появляется и крыша о нѣсколькихъ скатахъ и т. д. Съ другой стороны къ основному срубу съ сѣнями начинаютъ пристраивать другой срубъ, и такимъ образомъ происходитъ расширение жилаго помѣщенія.

Башкиры-катайцы, если имъ позволяетъ ихъ состояніе или если семья у нихъ большая, строятъ себѣ избы, состоящія изъ двухъ совершенно одинаковыхъ половинъ, раздѣленныхъ сѣнями, открытыми съ одной стороны ¹⁾. Башкиры Орскаго у. Оренбургской губ., въ дер. Зіанчуриной, жители которой лишь недавно перешли къ полной осѣдлости, если они состоятельны, имѣютъ также «два дома, которые ставятся другъ противъ друга и между ними сѣни изъ плетня или бревенъ. Все это подъ одной общей крышей; одинъ изъ этихъ домовъ имѣетъ назначеніе кухни (алш-бѣ), а другой—горницы (кунакъ-бѣ) ²⁾».

Богатые **буряты** строятъ свои избы уже по русскому образцу, «только углы постройки кладутся «въ лапу» и на шипахъ, а не крючкомъ, какъ у русскихъ крестьянъ, чѣмъ достигается экономія относительно длины бревна» ³⁾. Внутреннее устройство такого усовершенствованнаго дома мало чѣмъ отличается отъ убранства лѣтнихъ юртъ бурятъ. Но здѣсь уже обыкновенно устраивается полъ. Какъ и въ круглой юртѣ, священное мѣсто помѣщается противъ входа, немного налѣво: здѣсь становится ящикъ, нѣчто въ видѣ комода, на которомъ разставляются бурханы. Наружныя доски комода или вывозятся изъ-за границы или являются подражаніями таковымъ со стороны мѣстныхъ мастеровъ; стѣнки ящика пестро разрисованы. Передъ идолами—бурханами—даже самые бѣдные буряты ставятъ небольшія мѣдныя чашечки съ жертвоприношеніями:

¹⁾ Бергхолцъ: Горные башкиры — катайцы; въ Этногр. Обзор. XVIII, стр. 77.

²⁾ Изв. Оренбургск. Отд. И. Р. Г. О. вып. 7-й 1895 г. стр. 4.

³⁾ Землеведеніе Азіи, К. Риттера: Восточ. Сибирь. I. стр. 345.

водой, зерномъ, масломъ; въ большіе праздники въ чашку съ жертвоприношеніями вставляють ароматическія свѣчи. Тутъ-же помѣщаются разныя украшенія: колокольчики, искусственные и естественные цвѣты, стеклянныя, фарфоровыя или металлическія вазы и пр. Если на одномъ ящикѣ идола не умѣщаются, то рядомъ съ нимъ ставятъ для нихъ столики, причемъ послѣдніе драпированы яркими платками и ковриками. Вдоль стѣны, противоположной входу, стоитъ деревянная постель хозяина. Далѣе идутъ снова комоды, шкафики, этажерки, сундуки пестро раскрашенные; на право отъ входной двери иногда устраивается лавка и полка для посуды. Столы и стулья встрѣчаются у немногихъ: обыкновенно вдоль стѣны идутъ невысокія, вершковъ въ 6 вышины, нары, которыя служатъ постелями и диванами. Отапливается зимовка чуваломъ. Иногда тутъ-же устраивають и русскую печь для приготовления хлѣба; впрочемъ печь чаще дѣлають въ особомъ помѣщеніи, предназначенномъ для мелкаго скота. На одномъ изъ наружныхъ угловъ жилого помѣщенія устанавливають шесть съ утвержденнымъ на немъ цилиндромъ; послѣдній обклеенъ монгольскими надписями и служитъ молитвеннымъ приспособленіемъ для бурятъ ¹⁾.

Если къ выше приведенному описанію бурятскаго жилища прибавить, что и у сѣверныхъ алтайцевъ, въ ихъ зимнихъ, четырехугольныхъ срубкахъ, лѣвая отъ входа стѣна за очагомъ считается мѣстомъ священнымъ, на которомъ никто не можетъ садиться кромѣ хозяина юрты, его жены и дѣтей, ²⁾ мы увидимъ, что какъ у некрещенныхъ бурятъ, такъ и у алтайскихъ тюрковъ, перешедшихъ въ христіанство, остается твердымъ воспоминаніе о мѣстѣ священномъ въ круглой юртѣ: помѣщаясь въ послѣдней противъ входа, немного налѣво, оно остается на томъ-же мѣстѣ и послѣ перехода отъ круглаго жилища къ четырехугольному, причемъ у крещеныхъ алтайцевъ мѣсто идоловъ заняли православныя иконы, но ставимыя на прежнемъ, предназначавшемся для идоловъ мѣстѣ.

У якутовъ въ тѣхъ немногихъ мѣстностяхъ, гдѣ они подчиняются русскому вліянію, встрѣчаются русскія избы, по крайней

¹⁾ А. О. Раевъ: Буряты. Вѣстн. И. Р. Г. О. 1858. XXIV, отд. 2 стр. 6, 7. Изъ путешествій А. В. Потаниной, стр. 35, 36.

²⁾ Вербицкій, Алтайскіе инородцы, стр. 14.

мѣрѣ у тѣхъ изъ нихъ, которые лучше обставлены матеріально. Но срубы встрѣчаются и у тѣхъ якутовъ, которые не подвергаются въ отношеніи языка и обычаевъ воздѣйствію русскихъ: тѣ изъ якутовъ, у которыхъ есть сѣверные олени, пишетъ Миддендорфъ, пользуются этимъ упряжнымъ животнымъ и уѣзжаютъ на лѣто далеко на сѣверныя равнины въ область притоковъ Таймыра. Какъ на зимовьяхъ своихъ, такъ и на лѣтовьяхъ они строятъ себѣ жилища въ видѣ срубовъ, причемъ и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ лѣтнія кочевья находятся въ тундрѣ, далеко отъ предѣловъ лѣсной растительности, устраиваются срубы: потребныя для постройки бревна съ большимъ трудомъ доставляются изъ лѣсныхъ областей ¹⁾. Цитируемый изслѣдователь замѣчаетъ, что помянутыя жилища якутовъ не разнятся отъ аналогичныхъ зимовокъ долганъ (якутовъ на Енисеѣ), влѣдствіе чего мы и приводимъ описаніе послѣднихъ: зимовье около предѣла лѣсной растительности всегда располагается около воды. «Вмѣсто крыши зимовье (оно строится по русскому образцу съ горизонтально лежащими бревнами) обыкновенно довольствуется горизонтальной бревенчатой настилкой, покрытой дерномъ. Мы влѣзаемъ въ бревенчатый кубъ, продолжаетъ Миддендорфъ; пробраться въ него иначе нельзя, какъ сильно согнувшись, такъ какъ дверь доведена до возможно меньшаго размѣра съ тѣмъ, чтобы морозъ не прорывался непрошеннымъ гостемъ вмѣстѣ съ человекомъ. Внутри главнымъ образомъ поражаетъ очагъ, который по натурѣ своей каминъ, но по огромному размѣру—печка. Передъ нимъ находится посыпанный пескомъ ящикъ, а на послѣднемъ висѣлица, на которую навѣшивается котелъ, и которую по усмотрѣнію можно поворачивать къ огню или отворачивать отъ него, точно такъ, какъ это дѣлается въ швейцарскихъ сыроварняхъ. Пламя выбиваетъ изъ печки далеко впередъ». Въ крышѣ, служащей вмѣстѣ съ тѣмъ и потолкомъ, продѣлано дымовое отверстіе: оно закрывается при помощи жерди, къ которой наверху прикрѣпленъ кусокъ шкуры сѣв. оленя. Вокругъ стѣнъ идутъ лавки, служащія одновременно и для сидѣнья и постелями; надъ ними, въ ростъ человека, прикрѣпляется рядъ досокъ, служащій для удержанія сажи, падающей съ потолка и стѣнъ. «Небольшое пространство,

¹⁾ А. Миддендорфъ. Путешествіе на сѣв. и востокъ Сибири, II. стр. 760, 761.

которое заключаетъ въ себѣ постройка, биткомъ набито людьми, приборами и снарядами. Одинъ только невыносимый, но дезинфицирующий дымъ зимою спасаетъ отъ удушающаго, зловоннаго испаренія, а лѣтомъ отъ кровожадныхъ небесныхъ сонмовъ комаровъ¹⁾. (Рис. 16).

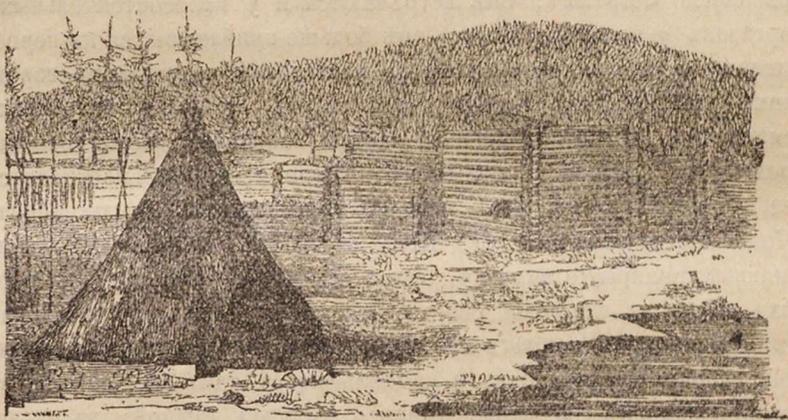

Рис. 16. Зимовка и коническій шалашъ долганъ.

Наконецъ срубы въ развитомъ видѣ мы встрѣчаемъ у богатыхъ киргизовъ. Какъ примѣръ подобной зимовки приведемъ описанную г. Словцовымъ зимовку богатаго киргиза Тотанова, которую авторъ встрѣтилъ во время своего путешествія по Акмолинской области: здѣсь небольшой дворикъ съ лицевой стороны былъ отгороженъ заборомъ съ тесовыми воротами, въ то время какъ задняя и боковыя части двора были открыты и имѣли сообщеніе съ дворами другихъ зимовокъ. Въ числѣ жилыхъ помѣщеній было и 3—4 такихъ, въ которыхъ было видно желаніе владѣльца подражать городскимъ постройкамъ. Въ пятистѣнной избѣ, пишетъ г. Словцовъ, которую мы заняли, были три равныя по величинѣ жилыя комнаты съ двумя печами, изъ которыхъ одна голландская, а другая русская. Въ первой комнатѣ со входа помѣщались обширныя нары, во второй нарь не было, третья—служила кухней. Окна во всемъ домѣ были неодинаковой высоты, потому что они прорубались не въ одно время, а по мѣрѣ приобрь-

¹⁾ Ibid. стр. 694, 695.

тенія рамъ при случаѣ на городскихъ рынкахъ 1). Зимнія жилища въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ той-же области, какъ сказано выше, строятся срубамъ, въ 15—17 вѣнцовъ, сложенныхъ изъ березовыхъ бревенъ толщиною въ 4—5 вершк., длиною 5—7 арш. Въ лѣсныхъ частяхъ области срубчатая постройка не представляютъ привилегіи богатыхъ; онѣ встрѣчаются и у малосостоятельныхъ киргизовъ и въ этомъ случаѣ онѣ больше приближаются къ первобытному срубъ; болѣе богатые въ обстановкѣ подражаютъ городскимъ постройкамъ. Крыша, какъ и въ степныхъ зимовкахъ-землянкахъ, дѣлается большею частью плоской и служитъ одновременно и крышей и потолкомъ. Потолокъ-крыша настиляется изъ горбылей и на него наваливается камышь, земля, дернъ. «Чаще всего, замѣчаетъ г. Шнѣ въ своемъ описаніи этого типа жилищъ, прикрытіе зимовки этимъ и ограничивается; въ рѣдкихъ случаяхъ ставятся сверху стропила. Домъ состоитъ изъ одной или двухъ комнатъ съ однимъ или двумя окнами въ каждой. Дверь входная одна и продѣлывается такъ-же, какъ и въ степной зимовкѣ, со двора. Комнаты дѣлятся стѣнной, въ которой, кромѣ прохода оставляется полое мѣсто для печи; внутреннія двери рѣдко навѣшиваются. Настилка пола дѣлается во все жилище и сверхъ него устраиваются нары, за исключеніемъ незначительной площади у входныхъ дверей и вокругъ печи». Нары покрываются циновками, кошмами, коврами. По стѣнамъ развѣшиваются, какъ и въ войлочной юртѣ, одежда, сѣдла, нагайки, кошмы, ковры и т. п. Небольшія въ 1 кв. аршинъ стекольчатая окна освѣщаютъ зимовку. Рамы не растворяются и на зиму дѣлаются двойными. Бѣдные киргизы продолжаютъ закрывать окна пузыряремъ или брюшиной, причемъ и самыя оконныя отверстія дѣлаются меньшихъ размѣровъ. Печь ставится посрединѣ, между комнатами, продольной стороною своею—вдоль длины зимовки. Въ устройствѣ печи въ зимовкахъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ замѣчается различіе сравнительно съ печами въ степныхъ мѣстностяхъ: она не столь приспособлена къ варкѣ пищи, и кромѣ того по устройству «приближается или къ русской печи, или къ т. н. голландской, какія встрѣчаются въ нашихъ деревняхъ. Для тѣхъ

1) Словцовъ: Путевыя замѣтки. стр. 12 — 14, въ Зап. Зап.-Сиб. отд. И. Р. Г. О. III.

и другихъ печей дѣлается бревенчатый окладъ немного выше пола, на немъ возводится печь; русская печь имѣетъ форму пирамидальную, голландскія совмѣщаютъ всю вычурность отдѣлки, на какую способенъ русскій каменщикъ. Въ русской печи дрова кладутся сзади дымовой трубы, въ глубь печи. Спереди печь затворяется не заслонкой, а дверцами на петляхъ. Внѣшній видъ такой печи очень напоминаетъ собой локомотивъ¹⁾.

Описанные типы сруба даютъ возможность выяснитъ ходъ его развитія: между пятистѣнной избой богатаго киргиза, въ которой мы уже видимъ три комнаты и первобытнымъ срубомъ—лѣтнимъ жилищемъ башкиръ, въ которомъ даже нѣтъ оконъ, существуетъ огромная разница. Но развитіе первобытнаго сруба идетъ не только путемъ устройства оконъ, расширенія сруба, пристроекъ къ нему сѣней и иногда пристройки къ послѣднимъ еще жилища—сруба: онъ развивается и другимъ путемъ, а именно посредствомъ раздѣленія внутренняго помѣщенія на комнаты, какъ мы это видѣли у киргизовъ и башкиръ. Далѣе устройство пола, замѣна очага или чувала печью, замѣна плоской крыши—крышей со скатами и т. д.—все вмѣстѣ взятое придаетъ этому типу жилья видъ прочнаго и благоустроеннаго дома. Но какъ бы ни отличалось внутреннее устройство зимовки богатаго киргиза отъ кибитки, мы видимъ въ первой лишь подражаніе второй. Какъ и у бурятъ зимнее жильё въ своемъ внутреннемъ убранствѣ лишь повторяетъ кочевой шалашъ, такъ и у киргизовъ стѣны украшены тѣмъ-же, чѣмъ они украшаютъ и свои лѣтнія, переносныя юрты. Нары, которыя мы встрѣтили почти среди всѣхъ описанныхъ выше народностей, являются лишь болѣе прочно устроенными мѣстами для сидѣнья, прототипъ которыхъ мы видимъ въ шалашѣ: низкое сидѣнье, образуемое въ кочевыхъ жилищахъ посредствомъ положенныхъ шкуръ, кошмъ, ковровъ, подушекъ, перинъ и пр., переходитъ въ такія-же широкія но непремѣнно низкія нары, которыя, какъ и въ кибиткѣ, идутъ по стѣнамъ; другой мебели, если не считать изрѣдка заносимыхъ изъ городовъ стульевъ, которые можно видѣть лишь у очень немногихъ, мы не встрѣчаемъ въ зимовкахъ.

Что касается печи, то въ тѣхъ зимнихъ жилищахъ, въ кото-

¹⁾ В. Шнѣ: Зимовки Акмод. Обл. въ Зап. Зап.-Сиб. отд. И. Р. Г. О. XVII, вып. I. стр. 9, 10.

рыхъ первобытный очагъ и чуваль успѣли уже уступить мѣсто болѣе сложнымъ сооруженіямъ мы несомнѣнно въ значительной степени видимъ вліяніе сосѣдей: появленіемъ голландскихъ, русскихъ печей полукочевья народности обязаны имъ. Но характерно то, что рядомъ съ печью, или чуваломъ продолжаетъ устраиваться и другая печь, въ которую вмазанъ котель, какъ это мы видимъ у киргизовъ и башкиръ, или очагъ, какъ это встрѣчается у долганъ и якутовъ. Что касается послѣдняго, то случаи сохраненія очага на ряду съ печью не являются рѣдкостью среди народностей, переходящихъ отъ пользованія очагами къ пользованію печами: привыкшему варить себѣ пищу въ котлахъ, надъ огнемъ, полукочевнику трудно перейти къ другимъ способамъ варки, вслѣдствіе чего онъ передъ печью продолжаетъ устраивать еще очагъ, съ приспособленіями для подвѣшиванья надъ нимъ котла. Этотъ способъ соединенія очага съ печью продолжаетъ иногда сохраняться и послѣ перехода народа къ полной осѣдлости: такія-же печи можно наблюдать и до настоящаго времени у нѣкоторыхъ финскихъ народностей, у которыхъ напр. среди вотяковъ, эстовъ, тавастовъ, кореловъ, обыкновеніе соединять печи съ очагомъ продолжаетъ господствовать ¹⁾. Болѣе интереснымъ является типъ печи со вмазаннымъ въ нее котломъ. Этотъ типъ оказывается господствующимъ среди какъ полукочевыхъ, такъ и осѣдлыхъ тюрковъ: для избы казанскихъ татаръ и осѣдлыхъ башкиръ онъ является характернымъ, и въ связи съ нарами онъ служитъ типичной чертой, отдѣляющей внутренность избы тюрковъ отъ избы ихъ русскихъ сосѣдей. Отъ осѣдлыхъ тюрковъ этотъ типъ печей перешелъ и къ нѣкоторымъ финскимъ народностямъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ финны подверглись въ болѣе значительной степени вліянію тюрковъ, какъ напр. въ нѣкоторыхъ деревняхъ мордвы и черемисовъ. Развитіе этого типа печи намъ не вполне ясно: среди описанныхъ полукочевыхъ народностей обычай устройства подобныхъ печей можетъ, естественно, объясняться заимствованіемъ; но это не бросаетъ свѣта на исторію происхожденія этого типа печи. Въ качествѣ догадки мы рѣшаемся высказать слѣдующія соображенія. Первобытная печь, какъ извѣстно, возникаетъ изъ стремленія съ одной стороны предохранить очагъ отъ дѣйствія вѣтра, съ дру-

¹⁾ См. мою статью: Очеркъ исторіи развитія жилища у финновъ, стр. 76.

гой—возможно дольше задержать тепло въ помѣщеніи. Послѣднее стремленіе приводитъ къ устройству т. н. каменки, т. е. очага, окруженнаго плитами и заваленнаго камнями: камни, накаляясь, задерживаютъ тепло нѣкоторое время и послѣ угасанія пламени; устройство подобныхъ печей крайне несовершенно: пламя выбивается часто наружу сквозь щели, оставляемые камнями. Подобную каменку мы до настоящаго времени встрѣчаемъ въ банѣ у башкиръ. Съ другой стороны стремленіе предохранить очагъ отъ дѣйствія вѣтра приводитъ къ устройству сквозныхъ прикрытій очага, какъ напр. у монголовъ, кочующихъ за границами Россіи, въ лицѣ описанной выше рѣшетки, которая замѣняетъ треножникъ, на которомъ первоначально прикрѣплялся котелъ: этотъ послѣдній ставится на рѣшетку. Болѣе первобытное приспособленіе для огражденія очага отъ дѣйствія вѣтра, чѣмъ монгольская рѣшетка, можно наблюдать въ лѣтнихъ юртахъ башкиръ, когда очагъ, какъ это было выше указано, выносится иногда за предѣлы помѣщенія, причемъ онъ ограждается четырьмя плитами; варка пиши въ котлѣ происходитъ посредствомъ постановки котла на плиты. Въ этомъ типѣ башкирскаго лѣтняго очага, представляющаго и первобытный типъ печи, равно и въ каменкѣ, представляющей лишь усовершенствованіе этого типа, мы склонны видѣть прототипъ печи со вмазаннымъ въ нее котломъ, распространенной среди полуосѣдлыхъ и осѣдлыхъ тюркскихъ народностей. Съ переходомъ къ болѣе прочнымъ типамъ жилищъ подобный очагъ могъ сохраниться и при замѣнѣ первоначальной ограды изъ каменныхъ плитъ другимъ матеріаломъ, а именно глиной, которой закидывались каменные плиты, такъ какъ глина распространяла и сохраняла теплоту дольше, чѣмъ эти послѣднія, и наконецъ перейти въ глинобитную печь со вмазаннымъ въ нее котломъ; замѣна глинобитной печи—печью, сложенной изъ кирпича, является лишь дальнѣйшимъ развитіемъ этого типа. Высказанное нами—не болѣе какъ предположеніе, но фактъ, что этотъ типъ печи получилъ наибольшее распространеніе среди волжскихъ татаръ и среди башкиръ, что онъ является у этихъ народностей господствующимъ почти исключительно типомъ печи, въ то время какъ другія кочевыя или полукочевыя тюркскія и монгольскія народности или вовсе не поднялись въ свѣтѣ развитія до устройства печей, или заимствуютъ печи у русскихъ, какъ напр. буряты, или устраи-

ваютъ одновременно и русскій и описанный типъ печи, можетъ служить нѣкоторымъ доказательствомъ, что типъ печи со вмазаннымъ въ нее котломъ зародился именно въ области, гдѣ мы встрѣчаемъ простѣйшій, какъ мы предполагаемъ, видъ ея, и оттуда уже перешелъ къ другимъ народностямъ, какъ напр. къ киргизамъ.

Высшими типами срубовъ можно закончить исторію развитія жилыхъ помѣщеній у полукочевыхъ тюрокъ и монголовъ. Дальнѣйшее развитіе этого типа принадлежитъ уже осѣдлому населенію, и если полукочевникъ и заводитъ себѣ жилища болѣе обширныя и болѣе сложно устроенныя, чѣмъ описанныя, то онъ подражаетъ или, правильнѣе, воспроизводитъ образцы, которые его осѣдлые сосѣди представляютъ ему уже готовыми.

Что касается **дворовыхъ построекъ**, то подробно развитіе ихъ можно наблюдать именно на зимовкахъ, причѣмъ слѣдуетъ отличать два вида хозяйственныхъ строеній: строенія для хозяйственныхъ цѣлей въ узкомъ значеніи слова и строенія для помѣщенія скота. Зачатки тѣхъ и другихъ мы видѣли еще при описаніи типовъ кочевыхъ жилищъ: развитіе благосостоянія не позволяетъ богатому кочевнику помѣщать все свое имущество въ одной юртѣ; онъ строитъ рядомъ съ жилой юртой другія, въ которыя переходятъ жить члены его семьи съ частью семейнаго имущества, или онъ устраиваетъ спеціальныя юрты-кладовыя, назначенныя исключительно для храненія имущества, какъ мы это видѣли у татаръ въ описаніи Рубруквиса; но въ значительномъ большинствѣ случаевъ имущество кочевника не настолько велико, и онъ довольствуется только своей жилой юртой. Намъ здѣсь важенъ только принципъ, согласно которому постройки для хозяйственныхъ цѣлей, въ силу обстоятельствъ, отдѣляются отъ жилого помѣщенія. Неумѣнье строить себѣ болѣе обширныя жилища приводитъ и полукочевыя народности, къ раздѣленію двора на рядъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ построекъ, причѣмъ, какъ это будетъ показано ниже, для этой цѣли утилизируются обыкновенно старыя формы жилья. Необходимость оберечь скотъ отъ зимнихъ холодовъ привелъ, какъ мы это видѣли выше, кочевника къ устройству крытыхъ загоновъ. Мы встрѣчаемъ ихъ-же, лишь въ болѣе развитомъ видѣ, у полукочевыхъ народностей. Мы видѣли эти крытые загоны у якутовъ, киргизовъ, кундровцевъ и караногайцевъ. Къ этимъ

типамъ можно присоединить и дворы у башкиръ, описанные г. Износковымъ.

Но рядомъ съ этимъ у большинства помянутыхъ народностей, рядомъ съ соединенными съ жилыми помѣщеніями загонами устраиваются отдѣльно другія хозяйственныя постройки: такъ напр. у башкиръ, въ Уфимской губ., усадьба состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ дворовыхъ мѣсть, загороженныхъ плетнями. Въ одномъ изъ такихъ мѣсть устраивается пчельникъ, а въ другія, на ночь, загоняются лошади и разный домашній скотъ. На главномъ дворѣ, гдѣ находится изба и холодныя постройки, устраивается изъ плетня, промазаннаго навозомъ, крытый соломой, круглый шалашъ, въ срединѣ котораго устанавливается котель: шалашъ служить для приготовления въ немъ пищи. Кромѣ того, въ небольшомъ отдаленіи отъ усадьбы, на выгонѣ, устраивается родъ землянки, въ которой пекутся хлѣбы, для чего землянка снабжена печью ¹⁾. У башкиръ рода Катай дворъ гораздо бѣднѣе: на немъ обыкновенно никакихъ другихъ построекъ не дѣлается, и только у немногихъ есть амбаръ ²⁾.

Дворъ якута представляетъ площадь въ 20 кв. саж., обнесенную городьбой съ воротами съ восточной стороны; городьба устраивается тройкимъ способомъ: 1) *сюлмогэс-кюре* или *ють-кюре* — когда вкапываются столбы съ вырубленными отверстіями для поперечныхъ въ три ряда жердей; 2) *тогосо-кюре*, когда вмѣсто столбовъ вбиваются въ землю колья парами, перевязанными въ трехъ мѣстахъ, куда и вкладываются жерди и 3) *батулу-кюре* — изъ кольевъ, поставленныхъ парами крестообразно, на которые и кладутся поперечины. Кромѣ юрты во дворѣ помѣщается хотонъ (хлѣвъ), который у богатыхъ строится отдѣльно отъ юрты; далѣе помѣщается *хоспохъ* — подполье съ крышей для сбереженія провизіи. Въ сѣверной части Якутской области вмѣсто *хоспоха* строится передъ входомъ въ юрту особый корридоръ съ чуланами посрединѣ. Наконецъ устраивается и особый навѣсъ для лошадей — *хасса*, и амбаръ, въ видѣ сруба съ плоской крышей; въ него складываютъ одежду и другія хозяйственныя принадлежности.

¹⁾ И. Износковъ: Кара-Якуповская волость, въ Изв. Об. Арх. Ист. и Этногр. при И. Каз. У. XI, вып. 2, стр. 184.

²⁾ Берггольцъ: Горные башкиры: въ Этногр. Об. XVIII, стр. 77.

Амбаръ заимствованъ якутами у русскихъ. Таковъ дворъ богатаго якута, у котораго около лѣтней юрты ставится еще и конической шалашъ (ураса), помѣщаемый обыкновенно на востокъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ юрты. Хозяйственные постройки бѣднаго якута ограничиваются юртой съ пролетной дверью въ хотонъ¹⁾.

Около зимовки богатаго киргиза строятся кромѣ помѣщенія для скота еще и жилища для рабочихъ, для гостей, большого скота и пр. Подчасъ такая зимовка, принадлежащая одному лицу, получаетъ характеръ цѣлой деревни. Такъ напр. зимовка киргизскаго бія Тотанова, описанная выше, представляла, по словамъ г. Словцова²⁾, небольшую деревеньку изъ 24 жилищъ, расположенныхъ группами, и обнесенныхъ изгородью. „Правильности въ постройкѣ домовъ и въ ихъ расположеніи нельзя было и ожидать. Архитектура построекъ самая разнообразная: здѣсь есть 3—4 жилища, въ которыхъ видно желаніе владѣльца подражать городскимъ постройкамъ, нѣсколько четырехстѣнныхъ хатъ, безъ крышъ (съ одной земляною насыпью), похожихъ на крестьянскія избы, и наконецъ образцы жилищъ первобытнаго человѣка, выкопанные въ землѣ съ небольшимъ, ряда въ 4, бревенчатымъ срубомъ, покрытымъ жердями съ земляною насыпью и дымовымъ окномъ“. Эти жилища, мало отличающіяся отъ помѣщеній для скота, были расположены около загоновъ; о томъ, что они служили жилищемъ для человѣка, можно было догадаться только на основаніи того, что изъ нѣсколькихъ кирпичей было сложено въ нихъ подобіе печи. На дворѣ былъ сложенъ кизякъ, запасы на зиму. Г. Шнэ отмѣчаетъ, что около жилья киргиза, въ зимовкѣ, строятся и чучела и коши и наконецъ первобытныя землянки, въ которыхъ находятъ себѣ убожище на зиму рабочіе. Чучела продолжаютъ сохраняться и въ качествѣ кухни, по крайней мѣрѣ среди богатыхъ киргизовъ, у которыхъ иногда происходитъ и видоизмѣненіе въ планѣ двора. Жилое помѣщеніе окружено дворомъ съ изгородью: ворота обыкновенно тесовыя на веряхъ; помѣщенія для скота продолжаютъ строиться по общему типу, но всегда стоятъ *въ сторонѣ* отъ дома; да и самъ домъ въ этихъ случаяхъ обыкновенно пятистѣнный, какъ въ зимовкѣ Тотанова, или круглый, въ четыре стѣны съ

¹⁾ Приклонскій. Матеріалы по этнографіи якутовъ въ Изв. В.-Сиб. Отд. Р. Г. О. XVIII, стр. 19—23.

²⁾ Словцовъ: I. с., стр. 12, 13.

большими и свѣтлыми окнами, съ голландской печью и т. д. Кухня же отдѣляется отъ дома, и пища готовится въ чучель¹⁾.

Соединеніе подъ одной кровлей жилого помѣщенія и скотнаго двора у степнаго полукочеваго народа вполне естественно: ему необходимо съ одной стороны оградить свое жилище отъ свѣжныхъ заносовъ, а съ другой имѣть возможность во всякую погоду обойти и осмотрѣть свое главное богатство—скоть, не подвергаясь стужѣ. Тотъ-же принципъ въ устройствѣ двора мы встрѣтили у якутовъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ по крайней мѣрѣ, гдѣ скотоводство является главнымъ источникомъ ихъ благосостоянія: юрта для помѣщенія скота пристраивается къ жилому помѣщенію, стѣна обѣ стѣну. Но среди тѣхъ якутовъ, главный источникъ благосостоянія которыхъ заключается въ другихъ занятіяхъ, напр. въ рыболовствѣ, мы уже не встрѣчаемъ дворовъ этого типа; правильнѣе дворъ исчезаетъ, если не считать конической юрты, которая, какъ напр. у долганъ, (см. рис. 16) строится около срубообразной зимовки и служитъ для хозяйственныхъ нуждъ. Вполнѣ понятнымъ является и то, что степняки тамъ, гдѣ это позволяетъ мѣстность, переходятъ къ другому типу дворовъ. Такъ киргизы, устраивающіе зимовки въ лѣсныхъ частяхъ Акмолинской области, гдѣ лѣсъ даетъ защиту отъ зимнихъ вьюгъ, „избираютъ мѣсто внутри или сбоку большого колка лѣса средняго возраста, растягивая хлѣва, дворы и загоны въ глубь колка, стараясь прикрыть зимовку лѣсомъ съ западной и сѣверо-западной стороны господствующихъ здѣсь вѣтровъ“. Кругомъ дома располагаются хозяйственныя постройки, но онѣ, въ противоположность зимовкамъ степняковъ, не столь обширны: здѣсь отдѣльно стоятъ землянки для барановъ, крытый хлѣвъ для тельныхъ коровъ, одна-двѣ клѣтушки для хозяйственныхъ принадлежностей. Для защиты скота отъ зимнихъ вьюгъ и морозовъ, киргизы въ этихъ мѣстностяхъ огораживаютъ тыномъ изъ валежника, тростника или камыша лѣсныя заросли или колки съ крупнымъ лѣсомъ, и это-то отгороженное мѣсто и служитъ, такъ сказать, основаніемъ двора, въ предѣлахъ котораго располагаются жилища и хозяйственныя строенія. Крытые загоны для скота составляютъ роскошь²⁾.

¹⁾ В. Михайловъ: Киргизскія степи Акмолинской обл. въ Зап. Зап.-Сиб Отд. И. Р. Г. О. XV, вып. 3, стр. 17.

²⁾ Шнѣ: I. с., стр. 8, 10.

Наконецъ у бурятъ мы встрѣчаемъ рядомъ съ благоустроенной зимовкой загонъ для скота и лѣтнюю юрту (многогранный срубъ), которая зимой служитъ кладовой и мѣстомъ приготовления тара-суна (хмѣльного напитка изъ молока). Мѣстами, кромѣ того строится абмаръ и лабазъ на столбахъ для храненія провизіи.

Наиболѣе развитые типы дворовъ мы встрѣчаемъ у башкиръ и киргизовъ: дворы другихъ полукочевыхъ народностей лишь подходятъ къ нимъ съ большимъ или меньшимъ приближеніемъ и могутъ быть подведены подъ два типа: 1) дворъ, въ которомъ помѣщенія для скота преобладаютъ надъ другими хозяйственными постройками, и 2) дворъ, гдѣ наоборотъ хозяйственныя постройки оттѣсняются на второй планъ помѣщенія для скота. Первый типъ устраивается по принципу соединенія жилыхъ строеній съ помѣщеніями для скота, причемъ отдѣльно стоящія хозяйственныя постройки лишь служатъ т. ск. дополненіемъ; онъ характеренъ для скотовода и степняка. Второй типъ, наоборотъ, имѣетъ своей отличительной чертой разбросанность хозяйственныхъ построекъ и можетъ считаться характернымъ для мѣстностей лѣсныхъ, гдѣ скотоводство играетъ лишь второстепенную роль въ экономическомъ быту населенія: незначительное число скота или зимуетъ подъ открытымъ небомъ, или частью помѣщается въ самомъ жильѣ, а хозяйственныя постройки, повторяющія типы болѣе древнихъ жилищъ, устраиваются по близости отъ жилья, но не соединяются съ ними. Развитіе обоихъ типовъ стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ экономическимъ бытомъ народности, причемъ благосостояніе каждаго отдѣльнаго лица и общій экономическій уровень народности вліяетъ на размѣры двора, количество находящихся на немъ построекъ и пр.

При выборѣ и устройствѣ прочныхъ зимнихъ жилищъ полукочевникъ руководствуется тѣми-же соображеніями, какъ и кочевникъ: у него мы видимъ, какъ и у послѣдняго, регулированіе группъ жилищъ двумя принципами: родственнымъ и экономическимъ. Необходимость искать защиты отъ снѣжныхъ бурановъ вынуждаетъ кочевника искать для устройства зимовки мѣсто по возможности защищенное отъ вѣтровъ. Тюрко-татарское слово *ој* или *ев*, пишетъ Вамбери, означающее въ настоящее время *домъ*, жилище, слѣдуетъ по его внутреннему смыслу переводить: *углубленіе*, *глубина долины*, *долина*; оно идентично съ корнемъ *ој*—*копать*,

выкапывать, углублять, и служить также названіемъ для понятій: *углубленіе, долина, яма, ялубь* и т. д. Если мы поэтому хотимъ изслѣдовать вопросъ о первобытномъ жилищѣ тюркскихъ народностей, то, судя по современному образу жизни кочевниковъ, необходимо придти къ заключенію, что тюрокъ въ первобытномъ своемъ состояніи имѣлъ жилище только въ теченіе суроваго времени года, и что оно устраивалось преимущественно въ такихъ долинахъ и углубленіяхъ, которыя были менѣе открыты вліянію холоднаго сѣверо-восточнаго вѣтра, и какъ таковое доставляло защиту людямъ и домашнимъ животнымъ ¹⁾. Если и лѣтомъ при устройствѣ юрты принимается особенно во вниманіе направленіе господствующихъ вѣтровъ, то при переходѣ къ полуосѣдности это соображеніе выступаетъ на первый планъ при устройствѣ зимовокъ. Еще кочующія народности, проводившія однако зиму, хотя и въ кибиткахъ, но на опредѣленныхъ мѣстахъ, руководствовались и руководствуются этимъ соображеніемъ при переходѣ на зимнія мѣста. Такъ еще Марко Поло отмѣчаетъ, что татары лѣтомъ кочевали въ горахъ, а на зиму спускались въ долины ²⁾. Киргизы у оз. Балхашъ, кочующіе лѣтомъ по Чингизъ-Тау, Тарбагатаю, Алатаунскимъ горамъ и пр. съ появленіемъ снѣга въ степи возвращаются на зимовку на старыя мѣста и выбираютъ для постановки своихъ юртъ на зиму—камыши, предохраняющіе ихъ отъ вѣтровъ ³⁾. Каракалпаки хотя и занимались еще въ XVIII в. преимущественно хлѣбопашествомъ, переходили на зиму въ камыши около Аральскаго моря ⁴⁾. Каракиргизы зимуютъ по берегамъ рѣкъ, а лѣтомъ поднимаются для кочевокъ въ горы ⁵⁾. Туркмены на зиму оставляютъ болѣе высокія мѣстности въ степи, въ которыхъ они проводятъ лѣто, и удаляются въ глубь долинъ и овраговъ, гдѣ и живутъ въ теченіе холоднаго времени года ⁶⁾. Букеевскіе киргизы устраиваютъ свои зимовки также въ защищенныхъ отъ вѣтра мѣстахъ: зимою мы видимъ ихъ въ песчаной степи Нарынъ,

1) Vámbéry: Die primitive Cultur des Turko-tatarischen Volkes. стр. 73, 74.

2) Марко Поло: Путешествіе, пер. Шемякина, стр. 178.

3) Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. VII, в. 1, ст. Никольскаго, стр. 80.

4) Рычковъ: Топографія Оренбургск. губ., стр. 125.

5) Radloff. Aus Sibirien, I, стр. 527.

6) Vámbéry: Die primitive Cultur... стр. 74.

гдѣ песчаные бугры (барханы) оберегаютъ его отъ бурановъ; лѣтомъ-же они живутъ преимущественно въ „плоской“ степи ¹⁾).

Киргизы Акмолинской области, пишетъ г. Михайловъ, живутъ отдѣльными группами въ нѣсколько семействъ каждая, и эти группы носятъ названіе ауловъ съ прибавленіемъ имени главы семейства, обыкновенно самаго зажиточнаго въ данной группѣ киргиза. Въ большинствѣ случаевъ каждый болѣе или менѣе состоятельный киргизъ имѣетъ свой собственный аулъ, въ составъ котораго входятъ нѣсколько родственныхъ семействъ, менѣе его достаточныхъ. Нерѣдко сюда-же примыкаютъ обѣднѣвшіе киргизы, т. н. джатаки. Такой порядокъ жизни, продолжаетъ г. Михайловъ, оправдывается тѣмъ, что каждый состоятельный киргизъ стремится имѣть вблизи зимовки опредѣленную площадь для прокорма своего скота въ теченіе зимы на подножномъ кормѣ и извѣстную часть сѣнокосныхъ мѣстъ, которыми онъ могъ-бы свободно распорядиться ²⁾. Группировка въ болѣе или менѣе обширныя селенія происходитъ лишь тамъ, гдѣ почва позволяетъ прокормить значительное количество скота, причемъ, такъ какъ хорошіе покосы расположены преимущественно по берегамъ рѣчекъ, то, во избѣжаніе поврежденій жилища во время половодья, зимовки изъ углубленій и низинъ иногда поднимаются на вершины холмовъ. Описывая зимовки киргизовъ степной части Акмолинской области, г. Шнэ беретъ для примѣра зимовки въ урочищѣ Тлэнъ у оз. Чаглы (Петропавловск. у.); онѣ расположены числомъ около 10 на холмѣ возлѣ рѣчки Чаглинки; лучшіе по окружности степные покосы расположены по обѣ стороны отъ рѣчки. Зимовки разбросаны по увалу, несимметрично, безъ всякаго плана; часто встрѣчаются стойбища отъ 15 до 20 зимовокъ. Выше мы видѣли при описаніи кочевыхъ ауловъ киргизовъ, что киргизы до послѣдняго времени сохраняли обычай селиться сравнительно большими группами; этотъ обычай такимъ образомъ продолжаетъ сохраняться при устройствѣ зимнихъ стойбищъ, но только тамъ, гдѣ условія мѣстности позволяютъ. Дѣйствительно въ лѣсистыхъ частяхъ Акмолинской области, гдѣ лѣсъ даетъ лишь сравнительно незначительное количество сѣна, зимовки соединя-

¹⁾ А. Харузинъ: Киргизы Букеевской Орды. I, стр. 55.

²⁾ В. Михайловъ: Киргизскія степи, стр. 5. Зап. З.-С. О. И. Р. Г. О. XV, 3.

ются въ незначительныя группы. Въ лѣсу, замѣчаетъ г. Шнэ, чаще встрѣчаются стойбища въ 2—5 зимовокъ и рѣдко найдется съ большимъ числомъ ихъ; въ лѣсныхъ стойбищахъ группы въ 15—20 зимовокъ, обычныя въ степяхъ, устраиваются только весьма богатыми киргизами, окружающими себя кліентами и бѣдняками — джатаками ¹⁾, т. е. это зимовка отдѣльнаго богатаго лица, причемъ джатаки служатъ ему рабочей силой, необходимой для охраненія его обширныхъ стадъ. Среди букеевскихъ киргизовъ зимовки располагаются также лишь очень небольшими группами подчасъ встрѣчаются совершенно одиночныя, въ особенности въ мѣстностяхъ, гдѣ травы, необходимой для прокорма скота, зимою мало.

Въ общемъ соображенія чисто экономическаго характера содѣйствуютъ или препятствуютъ устройству зимовокъ большими группами. Эти соображенія приводятъ къ тому, что у алтайскихъ тюрокъ зимовки группируются въ незначительномъ количествѣ, подчасъ даже стоять одиночно, — фактъ, который можно наблюдать и у якутовъ, оставляющихъ свой скотъ на зиму на подножномъ кормѣ. Незначительное количество дворовъ, образующихъ зимнія деревни телеутовъ и сибирскихъ татаръ было отмѣчаемо еще въ XVIII вѣкѣ ²⁾. Тоже подтверждаетъ и Гельмерсенъ ³⁾, равно и другіе изслѣдователи. Во всей Якутской области, пишетъ г. Приклонскій, въ мѣстахъ населенія якутовъ не найти ничего похожаго на русскія деревни, или хотя-бы бурятскія; юрты одна отъ другой на версты, десятки и даже сотни верстъ и нѣсколько различествуютъ въ этомъ отношеніи только тѣ наслеги, гдѣ построены церкви и инородныя управы. Около этихъ зданій группируется до десятка юртъ ⁴⁾. К. Мейнегаузенъ замѣчаетъ, что мѣста, гдѣ встрѣчаются совместно 2—3 юрты рѣдки; юрты располагаются на зиму на берегахъ озеръ, такъ какъ именно тамъ сохраняются лучшія пастбища ⁵⁾, а слѣдовательно и наибольшій запасъ на зиму сѣна. Селясь всегда у рѣкъ изобилующихъ раздольными, пологими берегами, пишетъ г. Гамовъ, якуты не живутъ селами или деревнями,

1) Шнэ: I. с., стр. 1, 8.

2) См. Описаніе... народовъ, изд. Миллера II.

3) Helmersen. I. с. ст. 48, 90.

4) Приклонскій, I. с. стр. 19.

5) Helmersen's Beiträge, XXVI, стр. 36.

но семействами, дворами. Дворы отстоятъ другъ отъ друга верстѣ на 50—200; замѣчено, что якутскіе юрты ближе скучиваются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ инородцы усиленнѣе занимаются земледѣліемъ¹⁾.

Естественно также, что во всѣхъ этихъ случаяхъ не можетъ быть рѣчи о правильности въ расположеніи поселка: единицей является **дворъ** и каждый ставитъ его тамъ, гдѣ онъ находитъ это для себя удобнѣе. Такъ напр. въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ якуты живутъ селеніями, въ этихъ послѣднихъ нѣтъ порядка: всякій ставитъ свою юрту, гдѣ ему удобнѣе, не заботясь объ улицѣ²⁾.

Лишь особья обстоятельства видоизмѣняютъ беспорядочность плана поселковъ, характерную для всѣхъ народностей, стоящихъ на низкой ступени развитія. Такъ климатическія условія вынуждаютъ башкиръ располагать мѣстами свои зимовки правильно въ рядъ, направляя окна на югъ. Правильность въ расположеніи зимовокъ отмѣчена нѣкоторыми писателями у бурятъ. „Подъѣзжая къ бурятской деревнѣ, пишетъ г. Раевъ, замѣчаешь прежде всего на горизонтѣ чернѣющія, движущіяся точки—это кочующій скотъ: лошади, коровы, овцы, а иногда и верблюды. Но также въ отдаленіи вы видите группу черныхъ точекъ большаго размѣра,—это юрты... онѣ стоятъ довольно правильно одна возлѣ другой, и представляютъ видъ деревни“³⁾. Довольно трудно однако опредѣлить, объясняется ли относительная правильность построекъ въ зимнихъ селеніяхъ бурятъ климатическими условіями или воздѣйствіемъ русскихъ. Во всякомъ случаѣ неправильность въ планѣ слѣдуетъ въ общемъ считать господствующей въ зимнихъ селеніяхъ полукочевыхъ народностей. Тоже слѣдуетъ сказать о малолюдности селеній, такъ какъ болѣе или менѣе обширныя по количеству жилыхъ строеній зимовки извѣстны намъ почти исключительно лишь среди киргизовъ и башкиръ, и то лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ обиліе травъ позволяетъ первымъ составлять сравнительно большія группы, а вторымъ дается эта возможность путемъ заготовленія сѣна на зиму; этимъ ослабляется воздѣйствіе условій мѣстности, такъ какъ соображенія о достаточности или недостаточности подножнаго корма скоту перестаетъ, при заготов-

1) И. Гамовъ, Очерки далекой Сибири, стр. 26.

2) Приклонскій, 1. с. стр. 19.

3) А. О. Раевъ, Буряты. Вѣстн. И. Р. Г. О. 1858, стр. 6.

къ сѣна, играть выдающуюся роль при выборѣ мѣста зимовки. Мы отмѣчаемъ эти характерныя черты для селеній полукочевыхъ народностей, какъ элементы, развитіе которыхъ происходитъ уже послѣ перехода ихъ къ полной осѣдлости, вслѣдствіе чего мы не считаемъ необходимымъ останавливаться на нихъ подробнѣе.

Намъ остается коснуться еще вопроса о времени перехода описываемыхъ народностей отъ чисто кочевого къ полукочевому быту и связанному съ нимъ переходу отъ переносныхъ жилищъ къ постояннымъ. Если признать, что полукочевой бытъ имѣетъ свое начало съ того момента, когда данный народъ, мѣняя нѣсколько разъ свои кочевки лѣтомъ, начинаетъ проводить зиму въ опредѣленныхъ мѣстахъ, то большинство кочевыхъ народностей пришлось-бы причислить къ полукочевымъ: каждый кочевникъ избѣгаетъ совершать передвиженія зимой и старается перезимовать въ мѣстности, уже извѣстной ему какъ вслѣдствіе обилія травъ, такъ и возможности укрыться отъ вѣтровъ. Такія опредѣленныя перекочевки съ лѣтнихъ мѣстъ на опредѣленныя зимнія отмѣчаетъ еще Рубруквисъ среди татарскихъ ордъ, кочевавшихъ въ предѣлахъ современной европейской Россіи. Въ настоящее время лишь немногія народности кочуютъ и зимой: такъ напр. племена, живущія въ Монголіи, мѣняютъ свои зимнія мѣста только подъ давленіемъ крайней необходимости—именно недостатка травъ. Тоже слѣдуетъ замѣтить о нерчинскихъ бурятахъ, которые въ 40-хъ годахъ текушаго столѣтія совершали перекочевки на большія пространства вслѣдствіе недостатка корма¹⁾.

Пребываніе зимой въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ не лишаетъ, однако, описанныя народности всѣхъ чертъ, типичныхъ для кочевника. Намъ кажется поэтому болѣе справедливымъ признать за моментъ перехода народности отъ кочевого къ полукочевому быту появленіе у него постоянныхъ, прочныхъ жилищъ на зиму: только тогда народъ можетъ считаться прикрѣпленнымъ къ извѣстной почвѣ—черта типичная для понятія объ осѣдлости—и различіе полукочевника отъ вполне осѣдлаго будетъ заключаться въ томъ, что въ то время, какъ послѣдній прикрѣпленъ къ постоянному жилищу въ теченіе всего года, первый прикрѣпляется къ нему лишь

¹⁾ Erman. Archiv, 1843, стр. 51. Ueber die Burjaten des Nertschinscker Kreises.

пока продолжается холодное время года. Устройство прочныхъ зимовокъ есть, конечно, лишь внѣшнее выраженіе осѣданія народа: параллельно съ этимъ идетъ сокращеніе района кочевокъ, постепенное избѣганіе передвигаться и лѣтомъ и пр.; но все эти черты менѣе наглядны, менѣе уловимы въ бытѣ народа и не могутъ быть прослѣжены съ тою точностью, какъ это можно сдѣлать относительно исторіи появленія постоянныхъ зимовокъ. Слѣдуетъ, однако, признать, что данныя, имѣющіяся по этому вопросу въ распоряженіи этнографіи, не достаточно полны, по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ народностей. Въ общемъ, однако, представляется возможнымъ придти къ заключенію, что осѣданіе народа происходитъ раньше, если онъ живетъ въ лѣсистой полосѣ, чѣмъ если онъ кочуетъ въ степяхъ,—правило, которое, однако, какъ мы это увидимъ, допускаетъ иногда исключенія.

Вліяніе лѣса въ этомъ отношеніи прекрасно обрисовано Н. М. Ядринцевымъ, и, хотя его слова относятся преимущественно къ алтайскимъ тюркамъ, они могутъ быть распространены вообще на охотничьи народности, живущія въ лѣсу, равно и на кочевниковъ-скотоводовъ, поселившихся въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ: мы имѣемъ полное основаніе думать, пишетъ г. Ядринцевъ, что лѣса имѣли огромное значеніе на остановку передвиженія и кочеваніе первобытныхъ народовъ, на ихъ культуру и образъ жизни. Можно сказать, что осѣдность зародилась въ лѣсахъ и благодаря лѣсамъ. Лѣса замедляютъ и ставятъ много непреодолимыхъ препятствій въ свободѣ передвиженій хозяйства, сравнительно съ степными условіями. Лѣсникъ не имѣетъ простора, онъ не выжигаетъ лѣса и привыкъ дорожить лѣсомъ, какъ звѣроловъ... Лѣсной охотникъ, пѣшеходъ на лыжахъ, хотя и дѣлаетъ огромныя разстоянія, но не такія, какъ степнякъ... Рыбные промыслы хотя и побуждаютъ отлучаться отъ постоянныхъ мѣстъ и жилищъ, въ то-же время заставляютъ держаться вблизи богатыхъ рыбалокъ и рѣкъ,—иначе ими завладѣютъ другіе. ¹⁾ Въ горномъ Алтаѣ мы видимъ, пишетъ тотъ-же авторъ въ другомъ мѣстѣ, что алтайскій скотоводъ далеко не таковъ, какъ номадъ-киргизъ или монголъ; горы и горныя долины замкнули и ограничили его передвиженія, перекочевки и сгузили ихъ до нѣсколькихъ верстъ... Лѣса той-же горной мѣст-

¹⁾ Н. М. Ядринцевъ: Сибирскіе инородцы, стр. 117.

ности еще болѣе замкнули и сѣзуили переходы населенія—они создали особенную форму быта. ¹⁾ Дѣйствительно, зародыши осѣдлости мы замѣчаемъ уже у большинства алтайскихъ инородцевъ, не смотря на то, что формы жилища многихъ изъ нихъ слѣдуетъ отнести къ разряду болѣе первобытныхъ; если тамъ осѣданіе народа происходитъ въ извѣстной степени раньше, чѣмъ переходъ къ болѣе высокимъ формамъ жилищъ, то это происходитъ оттого, что лѣсъ, доставляя въ обилии матеріалъ для постройки, даетъ возможность строить первобытный шалашъ настолько прочно, что остовъ его оставляютъ при перекочевкахъ на старыхъ мѣстахъ. Но лѣсъ, сѣуживая районъ перекочевокъ и содѣйствуя такимъ образомъ осѣданію племени, долгое время не приводилъ алтайскихъ инородцевъ къ устройству болѣе прочныхъ жилищъ: и до сихъ поръ многіе изъ нихъ довольствуются исключительно одной конической юртой, и попытки устраивать имъ избы не всегда приводили къ желаннымъ результатамъ, что, впрочемъ, до извѣстной степени можетъ объясняться тѣмъ, что для алтайца переходъ въ выстроенную для него избу иногда влечетъ за собой и попытки приучить его къ земледѣлію и сдѣлать его такимъ образомъ окончательно осѣдлымъ. Новокрещенный алтаецъ не можетъ, пишетъ тотъ же авторъ, примириться сразу съ осѣдлымъ жилищемъ (какъ онъ не можетъ сразу по крещеніи сдѣлаться осѣдлымъ земледѣльцемъ, къ чему стремятся обыкновенно миссіонеры): органическая потребность въ воздухѣ и привычка передвиженія не позволяютъ ему примириться съ избой. Отъ этого новокрещены не могутъ сразу жить въ избахъ; даже даваемые имъ избы отъ миссіи зпущены и грязны, и живутъ они въ большинствѣ въ берестяныхъ шалашахъ ²⁾).

Начало устройства срубовъ у *нѣкоторыхъ* изъ алтайскихъ народностей, слѣдуетъ, повидимому, отнести въ сравнительно далекое прошлое, такъ какъ въ XVIII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, телеуты имѣли уже прочныя зимовки, хотя въ то время воспоминанія о жизни въ землянкахъ были еще живы: „нынѣ строятъ они (телеуты) жилища свои на чистыхъ мѣстахъ; языческаго закона телеуты во всемъ сходны съ барабинскими... а содержащіе мугаметанскую вѣру и

¹⁾ Н. М. Ядринцевъ: Алтай; въ Ист. Вѣстн. XX, стр. 633.

²⁾ Н. М. Ядринцевъ: Сибирскіе инородцы, стр. 96.

превосходящіе идолопоклонную свою братію разумомъ, прилежаніемъ, заживностью и достатками, подобныя во всемъ россійскимъ деревенскимъ избамъ, исключая только свойственныя татарамъ полаты и комелекъ¹⁾." Кумандинцы, повидимому, также довольно давно перешли уже къ зимовкамъ, типы которыхъ у нихъ довольно разнообразны; ихъ можно было-бы причислить даже къ вполне осѣдлымъ народностямъ, если-бы въ качествѣ переживанія прошлаго кочевого быта у нихъ не осталось стремленія черезъ нѣсколько лѣтъ мѣнять мѣста своихъ деревень²⁾. Въ общемъ, однако, полное господство коническихъ юртъ среди большинства алтайскихъ народностей, устройство себѣ зимовокъ немногими, болѣе богатыми, служитъ доказательствомъ, что алтайцы лишь въ очень недавнее время стали обращаться въ полуосѣдлое населеніе, и, если не считать телеутовъ и отчасти кумандинцевъ, еще далеко не всѣхъ представителей разныхъ алтайскихъ народностей можно назвать полукочевниками.

Далѣе **качинскіе татары** въ настоящее время всѣ уже обзавелись зимовками, и В. Радловъ приводитъ эту черту, какъ отличающую качинцевъ отъ алтайскихъ тюрковъ³⁾, причемъ начало перехода ихъ отъ кочевого къ полукочевому быту слѣдуетъ отнести къ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Дѣйствительно, Палласъ ничего не упоминаетъ объ ихъ зимовкахъ, указывая только, что юрты они употребляютъ какъ въ качествѣ лѣтняго, такъи зимняго жилья⁴⁾; въ „Описаніи... народовъ“ (II, стр. 153) говорится то же, причемъ прибавляется, что они кочуютъ и лѣтомъ и зимою; но Гмелинъ, посѣтившій ихъ въ 1735 г. сообщаетъ, что богатые качинцы уже обзавелись курными избами, въ которыхъ они живутъ зимой, а лѣтомъ переходятъ жить въ юрты⁵⁾.

Между тюрками, извѣстными подъ общимъ названіемъ **сибирскихъ татаръ**, переходъ къ полуосѣдлости совершился еще въ XVII вѣкѣ, причемъ въ то время всѣ они имѣли уже зимовки, т. е. процессъ перехода отъ кочевого къ полукочевому быту уже завершился. Въ этомъ фазисѣ развитія застаютъ писатели XVIII

1) Описаніе... народовъ; изд. Миллера, II, стр. 161, 162,

2) Н. М. Ядринцевъ: Алтай, стр. 635.

3) Radloff: Aus Sibirien. I., стр. 376.

4) Палласъ: Путешествіе. II, пол. 2-я, стр. 461.

5) Gmelin: Reise durch Sibirien I. стр. 381.

вѣка абинскихъ, барабинскихъ, кузнецкихъ, чулымскихъ и др. татаръ¹⁾. Въ настоящее время сибирскіе татары перешли отъ полукочеваго уже къ вполне осѣдлому быту. Исключеніе до известной степени представляютъ кизильцы: хотя отъ кочевокъ во многихъ мѣстахъ осталось лишь одно воспоминаніе, но кизильцы, живущіе въ степной части лѣваго берега Бѣлаго Юсса, продолжаютъ еще перекочевывать на лѣтнія мѣста²⁾.

Бураты также стали переходить къ полусѣдлости довольно давно; дѣйствительно этотъ процессъ совершался неравномѣрно; во всякомъ случаѣ для насъ важенъ фактъ, что еще Гмелинъ въ концѣ первой половины прошлаго столѣтія нашель у нихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по крайней мѣрѣ, уже срубчатыя многоугольныя юрты³⁾. Впрочемъ мы видѣли выше, что нерчинскіе бураты въ концѣ 1-й половины XIX в. продолжали сохранять еще кочевой бытъ.

Якуты еще по свѣдѣніямъ прошлаго столѣтія все имѣли зимовки, и процессъ осѣданія въ то время у нихъ уже завершился, хотя иногда имъ приходилось и зимой мѣнять свое мѣстопробываніе, что объясняется вѣроятно всею недостаткомъ подножнаго корма на мѣстахъ зимовокъ, но зимнія юрты у нихъ въ то время были общимъ явленіемъ⁴⁾.

Наконѣцъ **башниры** въ XVIII же вѣкѣ почти все перешли уже къ полусѣдлости: «башкиры до самаго того времени, какъ Россіянами покорены, да и послѣ того еще долго, вели жизнь кочевую; но мало по малу они соединили странственную пастушью жизнь съ сопряженнымъ со всегдашними жилищами землешествомъ. Нынѣ все они имѣютъ одномѣстныя зимнія хижины и подвижныя лѣтнія юрты»⁵⁾. «Отъ другихъ степныхъ народовъ, замѣчаетъ Палласъ, разнятся они тѣмъ, что зимою живутъ въ избахъ»⁶⁾. Даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ хлѣбо-

1) Gmelin: Reise durch Sibirien: I, стр. 272, 278; Палласъ: Путешествіе, II, пол. 2, стр. 449, Описаніе ...народовъ. II, стр. 109, 110, 146, 167.

2) А. Д. Клеменцъ: Предвар. свѣд. объ экскурсіи въ Ачинскій и Канскій округа, въ Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XX, № 1, стр. 45.

3) Gmelin: Reise durch Sibirien I. стр. 404, 405.

4) Описаніе народовъ II. стр. 182; Strahlenberg: въ Изв. О. А. И. и Э. при И. Каз. У. XI, 3, стр. 244.

5) Описаніе народовъ II, стр. 88, 89.

6) Палласъ: Путешествіе. I. стр. 649

пашество не являлось существеннымъ занятіемъ, какъ напр. среди башкиръ по берегамъ р. Діомы (притока р. Бѣлой), о которыхъ Рычковъ выражается, что «всѣмъ извѣстно, что они въ хлѣбопашествѣ почти совсѣмъ не упражняются, а польза ихъ происходитъ отъ одного только скотоводства», ¹⁾ населеніе уже всецѣло обзавелось прочными зимовками. Несмотря на приведенныя показанія авторовъ, слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что переходъ къ полукочевому быту совершался среди башкиръ въ разныхъ мѣстахъ ихъ жительства не одновременно, но въ общемъ можно признать, что къ концу XVIII вѣка этотъ переходъ уже почти совершенно завершился и даже начался переходъ отъ полуосѣдлаго къ осѣдлому быту, какъ напр. среди башкиръ Кара-якуповской волости, о которыхъ г. Износковъ сообщаетъ, что они сдѣлались осѣдлыми еще въ концѣ прошлаго столѣтія ²⁾.

Приведенныхъ фактовъ, кажется, вполне достаточно для установленія того общаго положенія, что указанная нами народности начали переходить къ полукочевому быту и обзаводиться прочными зимовками еще въ XVIII в., причемъ у нѣкоторыхъ этотъ процессъ завершился уже къ началу текущаго столѣтія. Даже среди алтайскихъ тюрковъ, наиболѣе отставшихъ въ этомъ отношеніи, мы видимъ начало перехода къ полуосѣдлости въ теченіе прошлаго столѣтія: ихъ изолированность, низкій уровень ихъ культуры задержалъ переходъ къ полной осѣдлости; охотничій и рыболовческій бытъ, вѣроятно, сыгралъ въ этомъ отношеніи задерживающую роль.

Совершенно другое замѣчаемъ мы среди степныхъ монголовъ и тюрковъ: у нихъ не было подъ рукой лѣсовъ, которые, задерживая перекочевки, доставляли-бы одновременно и матеріалъ для построекъ, болѣе прочныхъ, чѣмъ переносная юрта; этимъ слѣдуетъ повидимому объяснить, что переходъ къ болѣе развитымъ типамъ жилищъ совершился у нихъ очень поздно, у многихъ продолжается еще совершаться, а у нѣкоторыхъ почти даже не начинался.

Исключеніе изъ этого составляютъ только нѣкоторыя народности, которыя перешли къ полуосѣдлости сравнительно давно,

¹⁾ Рычковъ: Дневныя записки, стр. 115.

²⁾ И. Износковъ: Кара-Якуповская волость, стр. 184.

причемъ этотъ переходъ совершился подъ вліяніемъ осѣдлыхъ сосѣдей.

Такъ **перенепскіе татары** по свѣдѣніямъ конца XVI и начала XVII в. вели уже полуосѣдлый образъ жизни: о зимовкахъ болѣе прочныхъ, чѣмъ переносныя юрты упоминають Мартинъ Броневскій и Жанъ де-Люкъ ¹⁾, хотя большая часть степныхъ крымскихъ татаръ и продолжала еще зимовать въ кибиткахъ. Процессъ перехода къ полуосѣдлости совершался однако лишь крайне медленно, такъ какъ еще въ 1804 г. Таврической вице-губернаторъ А. Шостакъ свидѣтельствовалъ, что на зимнихъ мѣстахъ только «у *нѣкоторыхъ* есть небольшія хижины и отчасти загорожи изъ бурьяну» ²⁾. Появленіе хотя-бы зародышей полуосѣдлости въ столь отдаленное время именно среди степныхъ крымскихъ татаръ, слѣдуетъ, повидимому, объяснить вліяніемъ, оказываемымъ на нихъ жителями горныхъ частей Крыма, которые представляли и въ то время коренное осѣдлое населеніе. Косвеннымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить то обстоятельство, что болѣе отдаленные отъ вліянія осѣдлыхъ сосѣдей **бессарабскіе татары** еще въ концѣ XVIII в. зимовали въ юртахъ, хотя и устраивали уже закрытые загоны для скота ³⁾.

Далѣе подъ вліяніемъ кабардинцевъ переходятъ въ XVIII в. почти къ полной осѣдлости и часть **ногайцевъ**, жившихъ около кавказскихъ горъ: ихъ деревни, которыя ногайцы часто перемѣщали съ мѣста на мѣсто, были воспроизведеніемъ кабардинскихъ деревень, отличающа отъ послѣднихъ большей бѣдностью и отсутствіемъ въ нихъ крѣпкихъ башенъ, характерныхъ для кабардинскихъ селеній ⁴⁾.

Наконецъ часть **астраханскихъ татаръ** вела въ XVIII в. уже полуосѣдлый образъ жизни: ихъ небольшія деревни съ срубобразными жилыми помѣщеніями были населены исключительно только зимою ⁵⁾. Эта перемѣна быта касалась однако только тѣхъ татаръ, которые жили недалеко отъ Астрахани, гдѣ жили и совершенно осѣдлые татары, и несомнѣнно была вызвана вліяніемъ

1) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. VI стр. 337 и XI, стр. 483.

2) Ж. М. Н. Пр. 1843, часть XI, отд. II, стр. 156.

3) Kleemann's Risen, I. с.

4) Описаніе народовъ, II, стр. 40.

5) Гмелинъ: Путешествіе по Россіи: II, стр. 174.

города, такъ какъ татары, жившіе нѣсколько ниже по Волгѣ, вели въ XVIII в. еще вполне кочевую жизнь.

Въ то время, какъ въ лѣсной полосѣ конецъ прошлаго столѣтія застаеть уже большинство не осѣдлыхъ тюрокъ и монголовъ перешедшими въ значительной степени къ полукочевому быту— въ степной области наоборотъ большинство народностей ведетъ кочевой образъ жизни еще въ началѣ текушаго столѣтія, причемъ переходъ къ полусѣдлому быту происходитъ лишь въ немногихъ пунктахъ и распространяется не на всю народность, а лишь на отдѣльныхъ ея представителей. Даже въ настоящее время далеко не всѣ неосѣдлые турки и монголы, населяющіе Европейскую Россію перешли къ полусѣдлости. Такъ среди **астраханскимъ калмыковъ** только въ послѣдніе 30—40 лѣтъ кибитка у незначительной впрочемъ части ихъ стала, главнымъ образомъ на зиму, замѣняться и постоянными жилыми постройками, причемъ переходъ къ полусѣдлости покровительствуется правительствомъ, путемъ выдачи бѣднымъ калмыкамъ денежныхъ пособій; круглыя или многогранныя каменные постройки, повторяющія типъ войлочныхъ кибитокъ стали появляться также лишь въ недавнее время ¹⁾. **Торгоуты**, хотя имѣютъ въ настоящее время въ качествѣ зимнихъ жилищъ прочныя постройки, но несомнѣнно обзавелись ими лишь въ сравнительно недавнее время: до переселенія ихъ въ концѣ прошлаго столѣтія за предѣлы Россіи они представляли еще совершенно кочевое населеніе, и попытки правительства пріохотить представителей высшихъ классовъ къ жизни въ прочно устроенныхъ жилищахъ оказались, по словамъ Гмелина, совершенно тщетными ²⁾.

Караногайцы и до настоящаго времени принадлежать къ кочевымъ народностямъ, и попытка правительства сдѣлать караногайцевъ, хотя отчасти, осѣдлыми, привела къ ничтожнымъ результатамъ. Попытка эта, пишетъ г. Ананьевъ ³⁾, заключалась въ томъ, что любому караногайцу для постройки сакли отпускалась на извѣстное число лѣтъ небольшая сумма денегъ безъ процентовъ.

¹⁾ И. Житецкій: Оч. быта Астраханскихъ калмыковъ, стр. 5.

²⁾ Гмелинъ: Путешествіе по Россіи. I.

³⁾ Г. Ананьевъ: Караногайцы въ Сб. Мат. для оп. мѣстн. и племенъ Кавказа, XX, стр. 42.

Однако нашлось только нѣсколько семействъ караногайцевъ, пожелавшихъ построить себѣ сакли. Это были исключительно караногайцы, живущіе около Терекли-Мектенъ (административнаго центра караногайцевъ). Выстроенныя ими сакли образуютъ маленькій хуторокъ, въ которомъ хозяева живутъ только зимою, лѣтомъ же они переселяются въ свои кибитки, а сакли остаются совершенно пустыми.

Относительно кавказскихъ туркменъ извѣстно, что первыя попытки привести ихъ къ осѣдности относятся лишь къ 60-мъ годамъ XIX в.

Наконецъ, что касается кундровскихъ татаръ, то писатели XVIII в. рисуютъ ихъ еще вполне кочевыми; переходъ къ полуосѣдности началъ совершаться лишь въ теченіе XIX в., причемъ въ началѣ 2-й половины текущаго столѣтія часть кундровцевъ не перешла еще къ прочнымъ зимовкамъ. Въ началѣ 50-хъ годовъ только часть кундровцевъ, по словамъ г. Неболсина, проводила зиму въ постоянныхъ избахъ, построенныхъ на русской ладъ и русскими плотниками; лѣтомъ эта группа кочевала въ кибиткахъ; другая, меньшая группа круглый годъ кочевала въ кибиткахъ. Г. Мошковъ¹⁾, сообщающій намъ наиболѣе новыя свѣдѣнія о кундровцахъ, замѣчаетъ по этому поводу: есть еще третья группа кундровцевъ, составляющая средину между двумя упомянутыми, о которой у г. Неболсина ничего не говорится. Кундровцы этой группы, хотя не имѣютъ постоянныхъ жилищъ, но и не остаются круглый годъ въ кибиткахъ: они строятъ себѣ на зиму землянки, описанныя нами выше въ своемъ мѣстѣ, которыя съ наступленіемъ весны разбираютъ. «Существовала-ли эта группа во времена г. Неболсина, продолжаетъ г. Мошковъ, или она продуктъ новѣйшаго времени? Если-же кундровцы, кочевавшіе въ 50-хъ годахъ круглый годъ въ кибиткахъ, перешли въ наше время къ землянкамъ, то всѣ-ли они это сдѣлали или только часть ихъ? Эти вопросы я не беру съ рѣшить». Если однако предположить, что въ настоящее время всѣ кундровцы уже перешли къ полуосѣдности, то свидѣтельство г. Неболсина во всякомъ случаѣ приводитъ къ заключенію, что этотъ переходъ совершился лишь въ самое недавнее время.

¹⁾ В. А. Мошковъ—въ Изв. Об. Арх. Ист. и Этнографіи при И. Каз. У., XII, 1, стр. 13.

Переходъ киргизовъ къ полуосѣдности совершился въ настоящее время еще не вполне: и теперь еще многіе киргизы, какъ напр. живущіе около оз. Балкашъ и по р. Или, не знаютъ прочныхъ зимовокъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ послѣднія уже есть, бѣднѣйшее населеніе продолжаетъ однако все еще зимовать въ кибиткахъ. Въ XVIII в. и въ началѣ текущаго столѣтія киргизы представляли собой еще совершенно кочевое населеніе, причемъ переходъ къ зимовкамъ начался прежде всего у западныхъ киргизовъ, въ частности среди тѣхъ, которые вмѣстѣ съ ханомъ Букеемъ перешли въ предѣлы Европейской Россіи. Начало осѣдлой жизни въ Букеевской ордѣ, пишетъ А. Н. Харузинъ¹⁾, у котораго мы заимствуемъ свѣдѣнія о началѣ перехода какъ букеевскихъ, такъ и азіатскихъ киргизовъ къ полуосѣдности, положилъ ханъ Джангиръ. «Примѣръ, который я подалъ къ домообзаведенію, замѣчаетъ ханъ Джангиръ въ своихъ запискахъ, и мои личныя убѣжденія побудили родоначальниковъ и нѣкоторыхъ старшинъ къ постепенному устройству на зимовкахъ домовъ и землянокъ съ нѣкоторыми хозяйственными принадлежностями». Однако самъ ханъ Джангиръ, воспитанный въ домѣ астраханскаго губернатора, человѣкъ образованный, по словамъ М. Киттара, до 1824 г. вель, подобно своимъ предшественникамъ и прочимъ киргизамъ, жизнь кочевую, но, вступивъ въ этомъ году въ бракъ съ дочерью оренбургскаго муфтія—Фатимой, образованной по европейски, въ скоромъ времени построилъ себѣ домъ, чѣмъ и положилъ начало полуосѣдности среди киргизовъ и мѣстному административному центру—Ханской Ставкѣ. Остатокъ зимы 1824 г. ханъ провелъ съ молодою женою на берегу Каспійскаго моря, гдѣ онъ и убѣдился, сколько неудобствъ представляетъ кибитка зимою для женщины, привыкшей съ дѣтства къ городскимъ теплымъ домамъ; по крайней мѣрѣ, замѣчаетъ Киттара, если вѣрить разсказамъ, мысль объ устройствѣ постоянного зимняго жилища родилась въ умѣ Джангира именно въ это время. Зимы 1826 г. ханъ провелъ уже въ деревянномъ домѣ на мѣстѣ современной Ханской Ставки; но, сдѣлавъ этотъ важнѣйшій шагъ къ осѣдности, ханъ Джангиръ не сразу простился съ прежнимъ образомъ жизни: въ своемъ деревянномъ домѣ онъ жилъ только

1) А. Харузинъ: Киргизы Букеевской Орды. I. стр. 55—58, 77, 78.

зимою, а лѣтомъ выходилъ на кочевье «къ подвластнымъ ему киргизъ-кайсакамъ». Лишь впоследствии имъ былъ выстроенъ и лѣтній домъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ зимней ставки. Хану начали подражать другіе киргизы, но при немъ обзавелись зимовками только $\frac{1}{16}$ часть всего населенія; еще въ 1840 г. прочныя зимнія жилища представляли исключеніе. Въ 1862 г. уже около $\frac{2}{3}$ киргизовъ Букеевской орды устроили себѣ зимнія жилища, въ то время какъ остальные продолжали еще и зимой жить въ кибиткахъ. Въ настоящее время, замѣчаетъ цитируемый авторъ, можно смѣло сказать, что зимніе дома имѣютъ все киргизы въ Букеевской степи, а въ кибиткахъ проводятъ зиму только пастухи, которые и не могутъ иначе усмотрѣть за пасущимся скотомъ. Нѣкоторые киргизы, преимущественно богатые, проводятъ уже въ домахъ и лѣто.

Переходъ къ зимовкамъ началъ совершаться въ Букеевской степи раньше, чѣмъ за Ураломъ. Между тѣмъ какъ разные авторы говорятъ о зимнихъ домахъ въ Букеевской степи уже въ 50-хъ, 40-хъ и даже 30-хъ годахъ, М. Михайловъ (1867 г.) въ своемъ очеркѣ зауральскихъ киргизовъ говоритъ, что они въ кибиткахъ живутъ и лѣто и зиму. Впрочемъ это свидѣтельство М. Михайлова слѣдуетъ понимать только въ томъ смыслѣ, что *большинство* киргизовъ не имѣетъ зимовокъ, такъ какъ двумя годами позднѣе Л. Арасанскій (Причины волненія въ киргизскихъ степяхъ) считаетъ возможнымъ раздѣлить киргизовъ на двѣ группы; значительно большую—кочевую, не знающую зимовокъ, и меньшую—полукочевую, строящую себѣ зимовки. Киргизы первой группы, по словамъ того-же автора, богаче полукочевыхъ: послѣдніе переходятъ къ полусѣдлости подъ вліяніемъ бѣдности; ихъ вынуждаетъ вести полукочевой образъ жизни недостатокъ свободныхъ мѣстъ для перекочевокъ. „Степь, замѣчаетъ г. Арасанскій, не смотря на свою необъятность, все-таки раздѣлена между родами на части, и этотъ раздѣлъ строго соблюдается“. Бѣдность, какъ мы увидимъ ниже, является крупнымъ стимуломъ при переходѣ киргизовъ къ полусѣдлому и даже къ сѣдлому быту, но фактъ, что и богатые киргизы строятъ себѣ зимовки служитъ доказательствомъ, что бѣдностью нельзя исключительно объяснить переходъ азіатскихъ киргизовъ къ полусѣдлости. Если вѣрить свидѣтельству А. Левшина (Вѣстн. Европы. 1820, № 22), мысль объ устройствѣ проч-

ныхъ зимовокъ появилась у хана Малой орды даже ранѣе, чѣмъ совершился переходъ хана Джангира къ полусѣдлости. Левшинъ, имѣвшій въ первомъ десятилѣтіи XIX в. свиданіе съ ханомъ Малой орды Ширгазомъ, говоритъ, что Ширгазъ искренно желалъ выстроить себѣ домъ и побуждать киргизовъ къ осѣдлости. «Послѣ увеселеній, пишетъ Левшинъ, насъ опять позвали къ хану Ширгазу. Мы нашли его грѣющимся у разведеннаго въ кибиткѣ его огня, и, накинувъ на себя поданныя намъ соболы шубы, сѣли возлѣ него. Холодъ, дававшій себя сильно чувствовать въ кибиткѣ, навлекъ разговоръ о невыгодахъ кочевой жизни; ханъ долго разсуждалъ объ этомъ и неоднократно высказывалъ желаніе имѣть домъ и свое намѣреніе завести хлѣбопашество для примѣра подвластнымъ ему киргизамъ». Этому намѣренію хана нескоро удалось осуществиться, но это свидѣтельство важно, какъ доказательство, что починъ къ переходу къ болѣе высокимъ типамъ жилища исходилъ и здѣсь, какъ и въ Букеевской степи, отъ главы народа.

Во всякомъ случаѣ въ настоящее время устройство зимовокъ подвигается среди азіатскихъ киргизовъ двоякимъ путемъ: ихъ строятъ богатые киргизы, при чемъ бѣдные продолжаютъ жить и зимой или въ кибиткахъ или въ чучелахъ. Но переходятъ къ полусѣдлости и бѣдняки; этотъ фактъ хорошо наблюдается на при-иртышской казачьей линіи, при чемъ часто киргизы подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ становятся и вполне осѣдлыми. Число киргизовъ, выселяющихся изъ степи и осѣдающихъ при казачьихъ пограничныхъ линіяхъ (особенно по Иртышу), пишетъ г. Катанаевъ¹⁾, можно сказать, увеличивается съ каждымъ годомъ. Каждый сколько-либо значительный падежъ скота въ степи, всякая засуха, всякое болѣе или менѣе общее и частное обвинаніе той или иной семьи киргизовъ-степняковъ, всякій вновь открывающійся на линіи источникъ заработковъ или спросъ на рабочую силу и пр. имѣютъ послѣдствіемъ выселеніе киргизовъ изъ степи къ русскимъ поселеніямъ, массами или по одиночкѣ. При первоначальномъ своемъ появленіи на казачьей линіи киргизъ представляетъ изъ себя бѣдняка, лишившагося своего имущества—скота, и не могущаго слѣдовать при перекочевкахъ за своимъ ауломъ.

¹⁾ Катанаевъ: При-иртышскіе казаки и киргизы Семипалатинскаго у., стр. 21—24 въ Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., XV, вып. 2.

Онъ начинается съ того, что нанимается въ поденники или вообще въ рабочіе къ кому-либо; черезъ годъ—два онъ старается перевести къ себѣ свою семью и родственниковъ, которые по прибытіи на линію также поступаютъ въ рабочіе. Иногда, проживъ такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ, эти рабочіе (джатаки) возвращаются въ степь и приселяются съ собственными зимовками къ другимъ киргизамъ. Въ большинствѣ-же случаевъ, разъ поселившійся на казачьей линіи киргизъ уже не возвращается въ степь на постоянное жительство: тамъ въ степи ему уже нечего дѣлать; здѣсь его прикрѣпляютъ вновь усвоенныя имъ привычки, потребности, заработка всякаго рода. «Киргизы на казачьей линіи, продолжаетъ г. Катанаевъ, зимуютъ частью на войсковыхъ запасныхъ земляхъ, частью на казачьихъ надѣльныхъ. Есть мѣстности, гдѣ зимовыя постройки киргизовъ настолько прочны и постоянны, что ихъ можно считать за осѣдлыя поселенія въ общепринятомъ смыслѣ. Не далѣе какъ 15—20—30 лѣтъ тому назадъ стоянки эти представляли собою не болѣе, какъ гнѣзда юртъ въ безпорядкѣ разбросанныхъ по казачьимъ землямъ. Нынѣ зимовыхъ юртъ уже совсѣмъ не существуетъ; всюду (близъ казачьихъ линій) онѣ замѣнены болѣе постоянными—землянками и деревянными избушками, сгруппированными мѣстами какъ-бы деревьями. Съ наступленіемъ лѣта киргизы покидаютъ свои зимовки и отходятъ отъ нихъ съ каждымъ годомъ все менѣе и менѣе далеко. Числясь зачастую въ отдаленныхъ отъ линій степныхъ волостяхъ, прилинейные киргизы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе теряютъ связь съ своими волостями, прикрѣпляясь къ осѣдлымъ русскимъ поселеніямъ. Неоднократно такіе киргизы ходатайствовали не только о закрѣпленіи за ними насиженныхъ казачьихъ земель, но и о совершенномъ обращеніи ихъ въ казаки съ оставленіемъ лишь неприкосновеннымъ ихъ вѣроисповѣданія. Съ другой стороны не прекращающійся за послѣднее время приливъ киргизовъ къ Иртышу начинаетъ уже беспокоить казаковъ; эти послѣдніе, усиливъ вообще надзоръ за самовольными приселеніями киргизовъ на ихъ земли, не разъ уже въ нѣкоторыхъ поселкахъ возбуждали ходатайства о выселеніи киргизовъ въ ихъ степныя волости». Въ заключеніе г. Катанаевъ сообщаетъ, что въ районѣ казачьихъ земель Павлодарскаго и Семипалатинскаго уу., по обѣимъ сторонамъ Иртыша живетъ болѣе или менѣе постоянно киргизовъ до 12000 душъ об.

пола. Среди азіатскихъ киргизовъ переходъ къ полуосѣдлой жизни болѣе интенсивно, какъ и у астраханскихъ калмыковъ, направляется по периферіямъ, тамъ гдѣ они близко сталкиваются съ осѣдлымъ населеніемъ, но этотъ переходъ въ настоящее время еще не законченъ.

Азіатскіе туркмены перешли къ полуосѣдлости и даже къ осѣдлости, только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они близко сталкивались съ осѣдлыми сосѣдями, у которыхъ они заимствовали и типы зимовокъ и осѣдлыхъ жилищъ.

Что касается т. н. азербейджанскихъ татаръ¹⁾, то повидимому осѣданіе ихъ началось въ давнее время и очевидно происходило подъ вліяніемъ осѣдлыхъ жителей Закавказья. Процессъ этого перехода однако, насколько онъ касается сельскаго населенія, уловить весьма трудно, потому что повидимому значительная часть,

1) По корректурному недосмотру мною пропущено, при изложеніи типовъ кочевыхъ жилищъ тюрковъ и монголовъ, описаніе юрты кочевыхъ азербейджанскихъ татаръ. Ихъ *алачуги* представляютъ какъ бы переходный типъ отъ коническаго шалаша къ рѣшетчатой юртѣ. Алачуги „устройства изъ тростника или изъ нѣсколькихъ жердей или тычинокъ гибкихъ деревьевъ, согнутыхъ въ *дуу* и *откнутихъ* обоими концами въ землю. Эти жерди переплетаются другими въ горизонтальномъ направленіи, такъ что внутренность такого помѣщенія представляетъ видъ купола“. Остовъ закрывается войлокомъ или камышевою рогожею; отверстіе для двери завѣшивается войлокомъ. Юрта изнутри поддерживается шестомъ. На верху вырывается круглое или четырехугольное дымовое отверстіе, служащее часто и ояномъ. Противъ входа въ алачугу, пишетъ Н. Дубровинъ, у котораго мы заимствуемъ описаніе ея, у стѣны, сложены подушки, одѣяла, платье, оружіе, конская сбруя и пр. По одну сторону, за перегородкою хранится масло, молоко и сыръ, а по другую сторону, также за перегородкою, мука, сарачинское пшено и все съѣстное. Алачуга дѣлится тростниковыми перегородками на нѣсколько комнатъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое назначеніе. Изрядка устраиваются и карачадры—четыреугольныя палатки изъ черной шерстяной матеріи; этотъ видъ жилища заимствованъ татарами у курдовъ, у которыхъ онъ является господствующимъ. (Дубровинъ: Ист. войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, т. I, кн. 2, стр. 353). Иногда лѣтнее жилище даже у осѣдлыхъ азербейджанскихъ татаръ сохраняетъ еще слѣды прежняго кочеваго быта: онъ устраивается такъ, что стѣны окружаютъ помѣщеніе только съ 3-хъ сторонъ, а четвертая остается открытой, и завѣшивается во время непогоды войлокомъ. Постоянныя жилища состоятъ мѣстами изъ подземныхъ жилищъ-ямъ (*еаъ*), покрытыхъ деревомъ и сверху засыпанныхъ землею; потолокъ поддерживается изнутри 4-мя столбами; крыша обыкновенно круглая. Мѣстами эти землянки представляютъ переходный типъ отъ подземной землянки къ над-

говорящихъ на азербейджанскомъ нарѣчїи, мусульманъ Закавказья представляютъ лишь тюркизированныхъ коренныхъ жителей, которыхъ пришедшїй тюркскїй элементъ засталъ уже осѣдлыми. Изученіе типовъ постоянныхъ жилищъ у азербейджанцевъ поэтому является крайне затруднительнымъ, такъ какъ они находятся въ такой тѣсной связи съ типами жилищъ ихъ осѣдлыхъ сосѣдей, совершенно чуждыхъ имъ по языку и происхожденію, что есть полное основаніе предполагать, что турки заимствовали ихъ отъ тюркизированныхъ ими народовъ, которые издавна употребляли, хотя и первобытные, но постоянныя жилища. Азербейджанскіе татары сохранили кочевой или полукочевой бытъ только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ условія климатическія и рельефа страны особенно способствовали поддержанію скотоводческо-кочеваго быта.

На основаніи вышеизложенныхъ фактовъ, можно придти къ заключенію, что въ общемъ процессъ перехода къ полуосѣдлости и высшимъ формамъ жилья за нѣкоторыми исключеніями у степныхъ тюрковъ и монголовъ Россїи направлялся съ запада на востокъ, если не считать центральную Азію, гдѣ наводнявшія ее кочевыя народности перешли къ осѣдлости очень давно, подъ вліяніемъ кореннаго населенія. Чѣмъ дальше кочевники заходили отъ своей первоначальной родины, чѣмъ дольше они оставались въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, тѣмъ скорѣе они, подъ вліяніемъ своихъ сосѣдей, обзаводились прочными жилищами на зиму: въ настоящее время крымскіе степные татары представляютъ уже вполне осѣдлое населеніе, букеевскіе киргизы обзавелись всѣ зимовками, то же, повидимому, слѣдуетъ сказать и про кундровскихъ татаръ; среди азіатскихъ киргизовъ происходитъ также процессъ осѣданія, хотя среди нихъ еще многіе проводятъ зиму въ юртахъ. Но чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ меньше успѣ-

земнымъ жилищамъ, т. е. подъ землей находится лишь половина жилища, а другая выходитъ наружу. Наконецъ строятся и турлучныя землянки (*оба*), оконныя отверстія которыхъ закрываются камышевыми рогожами. Ими пользуются обыкновенно жители горныхъ деревень, спускающіеся въ долину только весной для воздѣлыванья полей, осенью же возвращающіеся въ горы (ib. 354). Несмотря на тюркскія названія этихъ видовъ жилищъ, есть, какъ это было указано, полное основаніе предполагать, что они не являются продуктомъ самостоятельнаго развитія азербейджанскихъ татаръ, и вслѣдствіе этого не могутъ быть введены въ общую исторію развитія жилищъ у тюрковъ.

ховъ степные народы сдѣлали по пути къ полусѣдлости: у торгоутовъ мы видимъ еще зимовки, а у другихъ монгольскихъ народностей Монголіи, если оставить въ сторонѣ перешедшихъ къ осѣдлости подъ вліяніемъ Китая монголовъ, мы ихъ уже совсѣмъ не встрѣчаемъ, и монголы перекочевываютъ даже въ зимнее время. Исключеніемъ изъ этого общаго правила направленія процесса перехода къ полусѣдлости отъ запада на востокъ составляютъ только астраханскіе калмыки, караногайцы и кавказскіе туркмены, причемъ это объясняется особенными условіями ихъ быта, сравнительной изолированностью и отсутствіемъ инициаторовъ въ ихъ средѣ, которые, какъ напр. киргизскіе ханы, подавали примѣры къ переходу къ полусѣдлости; впрочемъ у калмыковъ этотъ процессъ, разъ начавшись, продолжается довольно интенсивно. Въ этомъ отношеніи, однако, степняки значительно отстали отъ своихъ сородичей, населяющихъ богатыя лѣсомъ мѣстности: процессъ перехода у первыхъ начинается въ серьезныхъ размѣрахъ только съ начала текущаго столѣтія, тогда какъ у послѣднихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ алтайскихъ инородцевъ и части бурятъ, онъ уже завершился въ концѣ прошлаго вѣка. Что переходъ къ полусѣдлости, а затѣмъ и къ полной осѣдлости совершается преимущественно подъ вліяніемъ сосѣдей, доказывается между прочимъ тѣмъ, что осѣданіе народа совершается по периферіямъ, вдоль черты, по которой происходитъ наиболѣе частое столкновеніе кочевыхъ и осѣдлыхъ народностей. Фактъ, отмѣчаемый г. Житецкимъ для астраханскихъ калмыковъ, переходъ которыхъ къ полусѣдлости совершается преимущественно именно по окраинамъ территоріи, населенной калмыками, можно прослѣдить и на всей территоріи, занятой монгольскими и тюркскими народностями. Относительно тюрковъ и монголовъ европейской Россіи мы имѣли возможность прослѣдить это; что касается до азіатскихъ, то мы видѣли, что наиболѣе старыя свидѣтельства объ осѣданіи киргизовъ относятся къ области при-иртышской, гдѣ киргизы сталкиваются съ русскимъ элементомъ. На югѣ, въ центральной Азіи, тюрки перешли къ осѣдлой жизни только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ плодородная почва уже съ древнихъ временъ привела къ развитію прочнаго осѣдлаго населенія. Но, въ случаяхъ, когда они находятся дальше отъ осѣдлаго населенія, они продолжаютъ еще вести кочевой образъ жизни. Если мы будемъ подви-

гаться дальше на востокъ, мы замѣтимъ, что тюрки и монголы осѣдаютъ исключительно въ мѣстностяхъ, гдѣ они сталкиваются съ осѣдлыми сосѣдями—китайцами; примѣромъ этого могутъ служить описанные Г. Н. Потанинымъ въ «Тангутско-тибетской окраинѣ Китая» ордоскіе монголы, равно и сарты въ Хами, о которыхъ говоритъ тотъ-же путешественникъ въ «Очеркахъ Сѣв.-Западной Монголіи». Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что фанзы этихъ сартовъ представляютъ отличія отъ китайскихъ; судя по вышеприведенному свидѣтельству о томъ, что и до настоящаго времени сарты въ Хами не перешли еще окончательно къ осѣдлости, есть основаніе предполагать, что процессъ осѣданія ихъ началъ совершаться въ сравнительно недавнее время.

Подводя итоги вышеизложенному мы можемъ въ краткихъ словахъ выставить нижеслѣдующія положенія. У разсмотрѣнныхъ нами народностей процессъ развитія жилища подвигался слѣдующимъ образомъ: 1) первобытный конусообразный шалашъ, покрываемый вѣтвями, берестой, звѣриными шкурами служитъ одной изъ исходныхъ точекъ для развитія болѣе усовершенствованныхъ типовъ жилища; изъ него постепенно вырабатывается войлочная юрта, сначала простая, затѣмъ черезъ нѣсколько переходныхъ типовъ рѣшетчатая, которая, повидимому, выработалась въ степныхъ мѣстностяхъ; тамъ-же она получила и наибольшее распространеніе, что слѣдуетъ приписать тому объединяющему значенію, которое имѣетъ степь, въ противоположность лѣсистымъ и горнымъ мѣстностямъ. «Степь не знаетъ преградъ, она не знаетъ строгаго разграниченія земли на участки, степь сама по себѣ есть объединяющій элементъ, заставляющій всѣхъ живущихъ на ней считаться въ большей или меньшей степени членами одной семьи». Этимъ значеніемъ степи слѣдуетъ объяснить, что на всемъ громадномъ пространствѣ, занимаемомъ разными степными народностями, мы видимъ только два типа рѣшетчатыхъ юртъ. Представляя высшій типъ въ исторіи развитія формъ переноснаго шалаша, рѣшетчатая юрта, при переходѣ народа къ осѣдлости, служитъ типомъ для устройства болѣе прочныхъ жилищъ, повторяющихъ ея форму: они строятся изъ земли, плетня, наконецъ бревенъ или камня и приводятъ къ типу многогранныхъ каменныхъ или срубчатыхъ построекъ (киргизы, астрах. калмыки, буряты, алтайскіе тюрки). Конусообразный

шалашъ приводитъ къ срубѣ и другимъ путемъ: замѣна жердей образующихъ остовъ досками даетъ типъ четырехграннаго шалаша, изъ котораго постепенно развиваются трапецевидныя балаганы, равно и плетневые постройки, которыя при замѣнѣ болѣе прочнымъ матеріаломъ переходятъ въ срубы (якуты, алтайскіе тюрки, астрах. калмыки). 2) Къ срубамъ приводятъ и землянки: первобытная землянка или постепенно поднимается надъ поверхностью почвы, образуя въ верхней своей части мазанку или срубъ, или надземное земляное жилище покрывается вначалѣ деревомъ для болшей устойчивости стѣнъ, а впослѣдствіи замѣняется срубомъ. 3) Первоначальный срубъ даетъ дальнѣйшій толчекъ къ развитію избы, какъ и первобытное надземное земляное жилище: въ наиболѣе простыхъ типахъ оконъ нѣтъ, ихъ замѣняетъ дымовое отверстіе; окно въ стѣнѣ появляется впослѣдствіи, при чемъ первоначально оно прикрывается льдомъ, брѣшиной и пр.; очагъ находится по срединѣ, какъ и въ шалашѣ. Постепенно очагъ переходитъ въ каминъ (чуваль), который затѣмъ переставляется въ уголъ помѣщенія. вмѣстѣ съ тѣмъ развивается и печь, причемъ она устраивается или въ видѣ каменки или со вмазаннымъ въ нее котломъ. Другіе виды печей являются заимствованными; привычка готовить пищу въ котлѣ, привѣшиваемомъ надъ очагомъ, приводитъ къ соединенію заимствованнаго типа печи съ печью со вмазаннымъ въ нее котломъ (киргизы, башкиры) или съ очагомъ (долгане). Во внутреннемъ устройствѣ эти типы жилищъ продолжаютъ повторять въ общихъ чертахъ убранство шалашей. Развитіе срубовъ и надземныхъ земляныхъ жилищъ приводитъ къ расширенію ихъ путемъ пристройки къ основному типу—сѣней, сначала плетневыхъ или бревенчатыхъ, а также пристройки такого-же типа жилища къ сѣнямъ (киргизы, башкиры). Земляной полъ постепенно замѣняется деревяннымъ, а плоская крыша—крышей со скатами. 4) Соответственно съ ходомъ усовершенствованія жилища появляются и хозяйственныя постройки: развивается понятіе о дворѣ, который изъ простой изгороди для скота и постановки отдѣльныхъ юртъ для взрослыхъ членовъ семьи, переходитъ болѣе или менѣе въ обширное сооруженіе, при чемъ въ мѣстностяхъ, гдѣ скотоводство играетъ первенствующую роль, скотные дворы устраиваются крытыми и соединяются подъ одну кровлю съ жилымъ помещеніемъ (якуты, киргизы), и наоборотъ, гдѣ скотоводство не

является исключительнымъ источникомъ благосостоянія, или гдѣ условія мѣстности это позволяютъ, хозяйственные постройки разбрасываются по двору (башкиры, киргизы въ лѣсистыхъ областяхъ).

5) Прочныя жилища (балаганы, землянки, мазанки, срубы и пр.) появляются съ переходомъ народа отъ кочевого къ полукочевому быту; тогда-же развивается и устройство двора. Переходъ къ полусѣдности начался раньше въ лѣсистыхъ частяхъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Алтай) осѣданіе народа предшествуетъ даже появленію высшихъ формъ жилья. Въ степныхъ областяхъ переходъ къ полусѣдности, повидимому, начался съ народностей, живущихъ на западѣ, и въ направленіи къ востоку становится менѣе интенсивнымъ, захватывая только периферіи.

6) Съ переходомъ къ полусѣдности и замѣной примитивнаго жилья болѣе развитыми типами, старыя формы не уничтожаются: онѣ приноравливаются къ хозяйственнымъ нуждамъ и строятся на ряду съ болѣе сложными жилыми строеніями, вслѣдствіе чего, находясь на одномъ дворѣ, является возможность прослѣдить исторію жилища въ главныхъ моментахъ его развитія. Такъ около культурной землянки богатаго киргиза, стоитъ обращенная въ жилище для рабочихъ или въ хлѣвъ болѣе первобытная землянка, на половину углубленная въ землю, безъ оконъ и съ первобытнымъ очагомъ; рядомъ съ ней кошъ для гостей и рабочихъ, и тутъ-же земляная юрта—чучела. У башкира на одномъ дворѣ около бревенчатой избы мы встрѣчаемъ одновременно и первобытный круглый шалашъ, служащій въ настоящее время кухней, и землянку, назначенную для печенія хлѣба, и низенькій срубъ съ каменкой, служащій теперь баней, и лѣтній срубъ съ крышей изъ луба, гдѣ семья башкира иногда живетъ лѣтомъ, и наконецъ тутъ-же на дворѣ, башкиръ лѣтомъ, если онъ почему-нибудь не отправляется на кочевье, раскидываетъ и свою войлочную рѣшетчатую юрту и живетъ въ ней въ теченіе жаркаго времени года.

Н. Харузинъ.